

**Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных
исследований им. В.И. Абаева – филиал Владикавказского научного
центра Российской академии наук**

А.Л. ЧИБИРОВ

ИРАНСТВО КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ

(Вопросы иранистики в трудах М.И. Ростовцева)

Владикавказ 2016

ББК 81.2

Ч 58

Чибиров А.Л. Иранство как предчувствие: Вопросы иранистики в трудах М.И. Ростовцева. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. – 174 с.

ISBN 978-5-00081-124-5

Рецензенты:

Ф.Х. Гутнов – доктор исторических наук, профессор (СОИГСИ ВНЦ РАН);

А.А. Цуциев – кандидат исторических наук (СОИГСИ ВНЦ РАН)

Великий русский и американский (в эмиграции) историк, крупнейший специалист по истории классической древности и по античному Причерноморью, М.И. Ростовцев был представителем той плеяды русской интеллигенции конца XIX – первой половины XX вв, которая внесла огромный вклад как в русскую историческую науку, так и в развитие русской духовности. М.И. Ростовцев осознавал невозможность изучения древнерусской истории без исследования истории племен и народов, обитавших в южнорусских степях начиная с I тысячелетия до н.э. В представленной монографии рассматривается его роль в определении преемственности русской истории и культуры как наследницы греческой и скифо-сарматской культуры Северного Причерноморья.

ISBN 978-5-00081-124-5

ББК 81.2

© Чибиров А.Л., 2016

Собственно, вся наша цивилизация, как говорят историки античности, началась с того, что греки перестали умирать там, где родились.

А. Генис

Русская античность М.И. Ростовцева

Вместо предисловия

Антиковедение знает немало имен крупных ученых (Э. Мейер, Т. Моммзен, Ч. Буэллс, М. Дьяконов, В. Латышев, Д. Каллистров, Е. Миндз, В. Сарияниди, Т. Скрипник, М. Щукин, В. Зуев и др.), которые занимались исследованием истории и культуры античной эпохи. Каждый из них оставил значительный след в изучении проблематики. Это были действительно имена. Первопроходцы в науке, увлеченные духом изысканий, им посчастливилось быть свидетелями удивительных археологических открытий, которые последовали вслед за раскопками в скифских курганах, предпринятых в конце XIX века как профессиональными археологами, так и кладоискателями-любителями.

И все же особое место в этом ярком, разнообразном списке занимает великий русский ученый, крупнейший специалист по истории классической древности и по античному Причерноморью Михаил Иванович Ростовцев. Он принадлежал к плеяде русской интеллигенции конца XIX – первой половины XX вв., которая

внесла огромный вклад как в русскую историческую науку, так и в развитие русской духовности. Судьбой Ростовцеву было предначертано стать одним из самых известных ученых-антиковедов современности. Его научная деятельность была насыщенной, разнообразной и исключительно плодотворной. Известный археолог Б. А. Литвинский писал о нем: «За всем этим скрывается глыба интеллектуальной энергии и огромный талант с чертами гениальности» (Литвинский, 1999. С. 214).

Помимо исследования непосредственно эллинизма и античного прошлого Причерноморья Ростовцев внес большой вклад и в изучение социально-экономической истории Римской империи. Его труды за границей были представлены довольно широко.

Михаил Иванович Ростовцев родился 29 октября 1870 г. в г. Житомире. Семья, в которой он появился на свет, считалась интеллигентной и, как принято было раньше говорить, буржуазно-дворянской. Отец его дослужился до попечителя учебного округа в Оренбурге, достиг чина действительного тайного советника. Юноша получил прекрасное по тому времени гимназическое, а затем высшее образование на историко-филологических факультетах сначала Киевского, затем Петроградского университетов. Огромное значение в творческой судьбе Ростовцева имели его научные командировки после окончания университета. Финальным аккордом для завершения профессионального образования послужила трехлетняя командировка (1895-1898 гг.) за границу (Италия, Греция, Франция, Австрия, Испания, Северная Африка и др.), которая дала многое будущему ученому в практическом плане. Во время зарубежных командировок он работал не только в музеях и архивах, но знакомился с

археологическими раскопками и памятниками античной культуры.

В 1898 г. Михаил Иванович начал работать в Петербургском университете и параллельно в ряде других учебных заведений, где преподавал латынь и римскую историю. В 1903 г. Ростовцев защитил докторскую диссертацию и стал профессором Петербургского университета. О высоких научных достижениях Ростовцева в предреволюционный период свидетельствует и факт его избрания в 1917 г. членом Российской Академии наук.

М.И. Ростовцев рекомендовал себя как талантливый археолог. Его выступление на Первом Международном Афинском конгрессе археологов весной 1905 г. называлось «О Керченских росписях», и было посвящено описанию так называемого склепа Деметры в античном Пантикапее (Жебелев 1905. С. 1-27). Ростовцев был членом Учредительного совета Эрмитажа, где при поддержке С.А. Жебелева и других коллег были заложены основы будущего отдела археологии (1918 г.). В ряде работ, написанных в связи с археологическими открытиями в древнем городе Дура-Европос, Ростовцев наглядно продемонстрировал значение археологического материала для решения многих исторических проблем.

М.И. Ростовцев, 1899 г.

Михаил Иванович прекрасно разбирался не только в археологии, но и в нумизматике, в совершенстве овладел немецким языком, изучал латинскую эпиграфику, установил тесные связи с европейскими коллегами. В Россию Ростовцев вернулся уже полностью сформировавшимся специалистом.

*Профессора историко-филологического факультета
Петербургского университета, 1 октября 1913 г.
В первом ряду второй справа М.И. Ростовцев*

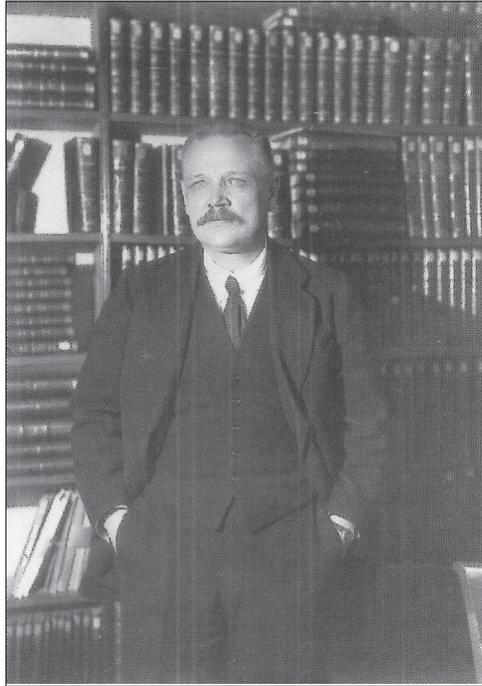
Михаил Иванович увлекался не только наукой. Его разносторонние интересы охватывали обширные, самые различные аспекты культурной жизни, что позволяло ему общаться и дружить с выдающимися поэтами, писателями и художниками той эпохи. Согласно биографам Александра Блока, поэт был частым гостем у Ростовцевых, и вполне допустимо, что рождение впоследствии у Блока поэтических строк о скифах было следствием его тесного общения с Михаилом Ивановичем. После Октябрьской революции Советское правительство предложило ему работать в Народном комиссариате просвещения. Однако, не приняв идей большевизма, Ростовцев покинул Рос-

сию в 1918 году и больше на родину не возвращался (Скифский роман, 1997. С.45).

Несмотря на статус и имя в мире науки, эмиграция Ростовцеву давалась нелегко. Он пытался устроиться в Швеции, Чехии, Англии, но в конечном итоге вынужден был перебраться в США, где обосновался и впоследствии стал профессором Йельского университета.

«Что для другого человека в его возрасте (ему было 48 лет. – А.Ч.) обернулось бы трагедией, для Ростовцева, сумевшего пережить кризис, стало новым импульсом к творчеству», – писал о нем видный историк-антиковед и исследователь научного наследия ученого Э.Д. Фролов (Фролов, 1990. С. 161). Благодаря своим незаурядным способностям, он сумел не только не затеряться в новом окружении, но и занять лидирующие позиции в мировом антиковедении.

*М.И. Ростовцев - профессор
Йельского университета*

За время своей работы в России, Англии и Америке он был удостоен нескольких почетных докторских дипломов, был избран членом ряда национальных академий и различных ученых обществ в Европе и Америке. В 1935 г. М.И. Ростовцев был избран президентом Аме-

риканской исторической ассоциации, крупнейшего профессионального объединения историков в США. Тем самым его признание в научном мире вышло за рамки известности среди круга узких специалистов. Влияние и авторитет, которого М.И. Ростовцев достиг в научной и общественной жизни Европы и Америки первой половины XX в., позволяют поставить его в один ряд с такими выдающимися деятелями русской эмиграции, как П.А. Сорокин, И.И. Сикорский и В.К. Зворыкин. Михаил Иванович Ростовцев становится звездой первой величины на небосклоне классической древности. Его труды не выходили из научного обихода в течение многих десятилетий и стали достоянием мирового антиковедения, – не это ли признание заслуг ученого?

М.И. Ростовцев прожил долгую и трудную жизнь, однако жизнь эта была насыщенной и яркой, несмотря на потрясения, уготованные ему судьбой. Был в ней некий божий промысел, ибо Михаилу Ивановичу удалось сохранить во времени, пронести сквозь него свою природную интеллигентность, и, более того, стать образцом настоящего русского интеллигента, представителя российской науки. Давая совокупную характеристику Ростовцеву как неординарному ученому и авторитетной личности, один из его последователей, выдающийся итальянский антиковед, профессор Лондонского университета Арнальдо Момильяно писал: «Кто знал Ростовцева, узнал, что такое величие» (Momigliano, 1966. P. 98). Уже в постперестроечное время все труды ученого по античности на иностранных языках наконец были переведены и опубликованы в России.

М.И. Ростовцев оставил после себя богатое научное наследие по античной истории, в частности по истории и культуре скифов и сарматов. Его работы были

фактически первым удачным опытом сочетания исторических свидетельств с данными археологии. «Обладая концептуальным складом ума, непрерывно обогащая изучение античности новыми идеями, Ростовцев разработал концепцию социально-экономической истории и цивилизации эллинизма, Римской империи, античного Причерноморья и скифо-сарматского мира» (Фролов, 1990. С.2). Более всего он внес вклад в исследование социально-экономической истории Римской империи (С.162).

Научные изыскания М.И. Ростовцева за рубежом были представлены широко, в то время как в Советской России деятельность ученого, в том числе и научная, рассматривалась с негативной точки зрения. В 30-40-х годах в СССР к трудам Ростовцева было предвзятое отношение, его рассматривали как типичного представителя научного модернизаторства в его наиболее реакционной форме. Ученого-эмигранта зачастую критиковали за так называемый «недостаточный патриотизм», ссылаясь на то, что в своих исследованиях во взгляде на античность он слишком ориентируется на европейскую науку. Однако не все его коллеги в Советском Союзе разделяли эти суждения, ссылаясь на мнение, что никакая наука не может быть наукой одной страны. Сторонник подобных взглядов на наследие М.И. Ростовцева, известный советский археолог М.И. Артамонов писал: «Блестящий эрудит и тонкий исследователь, одинаково ценивший и сведения, сообщаемые древними авторами, и данные археологии, умеющий критически разобраться и в тех и других, М.И. Ростовцев в синтезе во многом превзошел своего предшественника в этом деле, английского ученого E. Minns'a» (Артомонов, 1947. С.68).

В послевоенный период, особенно в 50-60-е годы,

отношение к его наследию изменилось в лучшую сторону. Советская Историческая энциклопедия даже подчеркивает его огромный вклад в современную историческую науку (СИЭ, 1969. С. 219).

Однако действительное признание научное наследие ученого получило в постперестроечное время, когда сформировался подлинно объективный взгляд как на саму фигуру М.И. Ростовцева, так и на значимость его трудов для исторической науки России. Начиная с конца 80-х годов почти все его важнейшие работы, написанные им на иностранных языках, были переведены и изданы в России. Кроме того, на страницах журнала «Вестник древней истории» были опубликованы неизданные сочинения Ростовцева. В 2013 г. переиздается его известный труд «Скифия и Боспор», впервые увидевший свет в 1925 г. Более того, в честь ученого стали проводиться тематические конференции. Можно сказать, что Ростовцев вернулся на родину навсегда.

Научную деятельность Ростовцева условно можно поделить на российский, доэмиграционный период, и труды, которые он опубликовал уже за границей.

До эмиграции 1918 года Михаила Ивановича больше интересовала древняя история русского народа. Потому доминирующее место в его научном наследии заняли труды по эллинизму и иранизму на юге России. В этот период он сосредоточился на антиковедении, то есть изучении истории и культуры народов, проживавших на юге России в древнейшую, дославянскую эпоху.

В статье «Судьба ученого: Ростовцев и его место в русской науке об античности», известный советский антиковед Э.Д. Фролов разделил труды ученого по антиковедению на две группы. В первую он отнес работы по архитектуре и изобразительному искусству античного побережья Северного Причерноморья, а во

вторую группу – многочисленные статьи, посвященные античным городам (Ольвии, Херсонесу) и государствам Северного Причерноморья (Хараксу, Боспор) (Фролов, 1990. С.162-163).

Работы, относящиеся к первой группе, довольно основательны. Среди них важнейшей, на наш взгляд, является небольшая по объему книга «Античная декоративная живопись на юге России», в которой Ростовцев показал себя выдающимся специалистом по античному искусству. В книге дается описание и всестороннее исследование античных памятников, сохранившихся на юге России. Вторая часть книги представляет из себя роскошно изданный атлас, в который включены 112 таблиц с рисунками.

Из работ второй группы доминирующее место занимают труды по античным городам Причерноморья. При этом главные интересы ученого касались культурных контактов скифо-сарматского мира и эллинизма, которые являются не чем иным, как предтечей истории славянства. Рассматривая древнюю историю России в контексте процессов, происходящих в южнорусских степях в праславянскую эпоху, Ростовцев уделял огромное внимание истории народов и государств, существовавших в этом ареале в древности, а также взаимоотношениям между этими народами. Он прекрасно осознавал, что невозможно изучение древней русской истории без исследования истории племен и народов, обитавших в южно-русских степях начиная с I тыс. до н.э. Более того, ученый считал, что славянские племена являются наследниками греческой и скифо-сарматской культуры. Безусловной заслугой Ростовцева является и то, что он «впервые обобщил и подытожил результаты исследований русских археологов дореволюционного периода в области изучения исто-

рии и культуры скифов и сарматов» (Смирнов, 1964. С. 10). Его труды были фактически первым удачным опытом соединения исторических свидетельств с данными археологии. Общий список научных статей и монографий Ростовцева насчитывает 680 названий с их переизданиями. И, как отмечает Б.А. Литвинский, «Каждая статья это не только шедевр учености, но и совершенно новая, более глубокая интерпретация, свежая идея или концепция, одним словом – открытие» (Литвинский, 1999. С. 214).

Стремление сохранить беспристрастность при изучении вопроса происхождения русского народа, желание добраться до истинной сути, привели Ростовцева к необходимости исследования истории народов, живших на юге современной России в дославянскую эпоху. Отвечая на вопрос, какая может быть связь между эллинами и иранцами, сидевшими на юге России в эпоху, когда о славянах и русских ничего не было известно, ученый пишет, что эта связь не этнографическая, и не политическая, а культурная, связь преемственности культур, того жизненного уклада, который позднее сделался Россией. Настаивая на таких принципах исследования древней русской истории, он осудил практиковавшееся до него отдельное друг от друга изучение эллинства и иранства, связал историю юга России с историей античного мира вообще, в результате чего достиг выдающихся научных успехов. Отдавая должное такому подходу к изучению русской старины и последующие великолепные результаты, автор лучшей аналитической статьи о творчестве Ростовцева, Э. Фролов писал: «Совершавшееся в глубочайшей древности в Причерноморье плодотворное взаимодействие античной и скифо-иранской культур, не прошло бесследно для восприемников этого древнего симбиоза».

за славянских племен, и что уже таким путем Россия была вовлечена во всемирно-исторический культурный процесс» (Фролов, 1990. С.157).

Признавая значимость работ Ростовцева по эллинизму и иранству для мирового антиковедения, тем не менее, необходимо отметить, что в свете всеобщего взгляда на проблематику некоторые его положения могут быть подвергнуты критическому осмыслению, и для этого существуют весьма веские и объективные причины. Конечно же, ему могла быть недоступна литература, издающаяся в СССР, в частности труды В.И. Абаева и многих других иранистов-осетиноведов. Малодоступность советской научной литературы весьма объяснима, однако в его трудах, касающихся иранства, нет ссылок как на знаменитые «Осетинские этюды», так и на другие работы В.Ф. Миллера. В результате, работая над исследованиями по иранистике, Ростовцевым была запущена в научный оборот не вся литература по древней и средневековой истории юга России, касающаяся скифов, сарматов, алан. В этой связи сегодня, когда накоплен огромный научный материал, когда скифология, сарматология и алановедение выделились в специальные научные дисциплины, некоторые положения в трудах Ростовцева, касающиеся скифов и сармат, требуют некоего уточнения и корректировки, что нами и будет предприниматься в соответствующих местах этого исследования. Тем не менее, как правильно подмечено В.И. Кузициным, «направление научного поиска М.И. Ростовцева в целом было верным и предвосхитило многие достижения современной науки» (Кузицин, 1989. С. 207).

Краткий обзор трудов М.И. Ростовцева по иранистике

Письменная литература

Перед нами не стоит задача обзора и анализа многочисленных и многоаспектных трудов Михаила Ивановича. В данном исследовании мы хотим лишь вычлениить и проанализировать работы ученого, имеющие отношение к иранскому миру, к скифам и сарматам, провести параллели с результатами уже известных изысканий в этой области. Этим мы надеемся чуть облегчить задачу для будущего исследователя всего научного наследия ученого.

Как верно было отмечено академиком С.А. Жебелевым, скифская проблема весьма сложна, и ее правильное решение зависит от точного истолкования письменных источников Геродота, к Скифии и скифам относящиеся (Жебелев, 1938. С.151). Киммерийцы и скифы впервые появляются в поле зрения переднеазиатской исторической традиции в «Известиях древних писателей о Скифии и Кавказе. Восточные тексты» (1947), а также в трудах известного востоковеда, специалиста по древней истории Ирана М.И. Дьяконо-

ва. Некоторые исторические и этнографические сведения о скифах и киммерийцах содержатся в Библии (Второзаконие; Книга Пророка Иеремии; Книга пророка Софонии). Однако наиболее полный свод источников, как греческих, так и античных, относящихся к скифам, собран и переведен В.В. Латышевым в много-томной работе под названием «Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе». Переводы эти считаются вполне удовлетворительными и ученые-скифологи для своих исследований в основном использовали этот материал.

За всю многовековую историю античной цивилизации множество ее представителей – ученых, писателей, поэтов, политических деятелей и путешественников, писали или упоминали в своих заметках о племенах и народах, населявших Северное Причерноморье и степи Восточной Европы. Лишь незначительная часть этого объема информации дошла до наших дней. В новое и новейшее время письменные источники обогатились исследованиями, комментариями, переводами и т.д., многократно превышающими по объему оригинальные тексты. К пионерам в исследовании этих артефактов, касающихся античных источников по Северному Причерноморью и Югу России, можно без преувеличения отнести М.И. Ростовцева. Созданная им стройная концепция развития античных традиций на Северном Причерноморье остается незыблемой по настоящее время. Античных писателей интересовало о скифах буквально все. В их трудах содержится немало интересных сведений о быте, религии, культуре скифов. Есть авторы, которые отдавали предпочтение политическим событиям, происходящим в Скифии. Другие касались религии, государственного строя. Некоторые же, такие как Геродот, старались дать

объемные, исчерпывающие сведения о скифах, начиная с их этнической принадлежности, культуры, быта, политической истории, государственного строя и т.д. Более всего скифами интересовались их непосредственные соседи греки-ионийцы, в трудах которых много материала о припонтийских народах, племенах скифов, сарматов и др. Однако, как отмечает Ростовцев, у авторов-ионийцев была тенденция «включить скифов в число тех племен, которые сыграли известную роль в истории мировой культуры» (Ростовцев, 2013. С.86). По его мнению, интерес античных авторов к Северному Причерноморью то повышался, то понижался, в зависимости от роли, которую оно играло в исторических судьбах античного мира (Там же).

Греки стали проявлять интерес к скифскому миру тогда, когда усилилась политическая и экономическая роль ионических городов Малой Азии. Наиболее активные контакты со скифами начали проходить во время колонизации ими прибрежных зон Черного моря. Ростовцев отмечает: «Так как хозяевами северного побережья Черного моря и части его восточного берега были скифы, и греческим поселенцам приходилось встать от скифского царства в отношении вассальной зависимости, такие же, в каких находились города Малой Азии сначала от лидийского, а затем от персидского царства, то грекам необходимо было знать, с кем они имеют дело, каково их прошлое и настоящее, какова культура и вообще весь облик их крупного и, как казалось, прочно организованного царства» (Ростовцев, 2013.С.192).

Греки живо интересовались своими новоявленными соседями. Ростовцев отмечает, что «Наиболее близка грекам, и специально грекам ионийским, малоазиатским, Скифия и греческие города Понта на заре

греческой истории, в эпоху наибольшего политического расцвета Скифии и первых этапов развития греческих черноморских колоний» (Ростовцев, 2013. С.1.). Хронологически это были VII-V вв. до н.э., «когда собрано было наибольшее количество положительных, реальных сведений о нашем юге. В это время сложилась раз навсегда та картина распределения племен и народов, соседствовавших с греческими городами северного и восточного побережья Понта, которая затем только изменяется в деталях, продолжая влиять даже тогда, когда реальная действительность в корне изменилась» (Там же. С.2-3).

Каковы же были представления древних о скифах и сарматах, и каким материалом дополнил эти сведения Ростовцев? Обозревая литературу, касающуюся изобретения железа, Ростовцев приводит представляющие историографический интерес греческие предания. Греки приписывают изобретение железа двум народам – халибам и скифам. Эсхил считал железо изобретением скифов, а Скифию, которую он помещал на Кавказе, называл матерью железа. Гесиод же изобретателем меди считал скифа Деласа. Согласно В. Флакку и другим античным авторам первыми металлургами признаны халибы. В. Флакк считает, что халибы были изобретателями не только железа, но и железных орудий. Между тем, греческие предания считали халибов скифами (Ростовцев, 2013. С.20-21), что не согласуется с историческими реалиями. Халибы были современниками скифов, но жили в южном Кавказе между южным берегом Черного моря и верхним течением Евфрата (СИЭ, 1974. С.492). Восточные халибы назывались халдами, которые проживали в Халдии. В истории не зафиксированы ни их контакты со скифами, ни этническое родство.

Первое вполне определенное упоминание о скифах сохранил короткий отрывок поэмы, приписываемой Гесиоду. Вслед за ним скифы упоминаются в знаменитой поэме Гомера «Илиаде», который называл их «дивные доители кобылиц, млекоеды» (Гомер. XIII, 1-ел.)

В критическом обзоре античной литературы Ростовцев отметил практически всех авторов, так или иначе упоминавших о скифах. Говоря о Пиндаре, он вспоминает его слова о наличии у скифов обедневших и неполноправных прослойках населения. В контексте со скифами упоминаются и другие античные авторы: Фукидид, Аристотель, Ксенофонт. О рабстве и других формах классовой зависимости в скифском мире писали Аристофан, Андокид и другие.

В VI-V вв. до н.э. в греческом мире появились логографы–основоположники греческой (ионийской) научной прозы. Как считают специалисты, по своему методу и целям, не говоря уже о преемственности и зависимости друг от друга, логографы представляли единое направление (Доватур, 1957. С. 11), что было осознано еще в древности.

Вершиной развития ионийской научной прозы считается труд Геродота – единственное полностью (или почти полностью) уцелевшее произведение ионийской историографии. Для исследователей истории культуры, религии и быта скифов «История» Геродота, является уникальным и бесценным источником. Естественно, что из всех античных авторов Ростовцев (как, впрочем, и известный советский антиковед Д.П. Каллистов) особенно чтит Геродота, называл его непревзойденным писателем, а его «Историю» – бессмертным творением (Ростовцев, 1993. С. 193). Ученый подчеркивал, что именно Геродотом была создана картина древнего мира, которая остается единствен-

но цельной и связной. Несмотря на пестроту рассказа, значительную часть информации о Скифии Геродот черпал у ольвийских греков, прекрасно осведомленных о той Скифии, которая была ближе всего к ним, и которая, естественно, их интересовала больше всего.

Вместе с тем Ростовцев критически подходит к наследию великого историка. Он подчеркивает свойственное Отцу истории селективное отношение к собранному материалу, и в качестве иллюстрации к сказанному приводит пример тенденциозного умалчивания им сведений об одном из крупнейших царств прошлого – Боспорском царстве, а также тот факт, что при сборе материала Геродот отдавал предпочтение материалу, который бы удивил или поразил его соотечественников. Кстати, это свойство Геродота подчеркивали и другие исследователи (Лурье, 1947. С. 130). «Очень трудно определить, – писал Ростовцев, – в какой мере Геродот черпает свои сведения из литературных источников, и в какой он лично слышал характеристику быта скифов из уст понтийских греков. Не может быть с достоверностью определено и то, был ли он лично в Ольвии или только беседовал с ольвийцами, где-нибудь в другом месте. Несомненным представляется только одно – лично жизни скифов не наблюдал и что в его рассказе причудливо смешаны сведения, имевшиеся о скифах у ольвийцев, и данные литературных преданий» (Там же. С.59). В своем труде «Скифия и Боспор» он неоднократно обращается к анализу сведений Геродота

В ряду авторов, писавших о Скифии, вторым после Геродота был Псевдо-Гиппократ, автор трактата «О воздухе, водах и местностях». Трактат не содержит новой информации о скифах, но представляет интерес как дополняющий сведения Геродота о скифских

энареях, о сарматах и их локализации, о положении женщины-сарматки. Весьма ценна его информация о скифских перекочевках, о рабстве в Скифии, о наличии в ней имущественной дифференциации. Однако, как отмечает Ростовцев, весьма близкие к реальности материалы Геродота и Псевдо-Гиппократы отличаются разной трактовкой и разным ракурсом взгляда на скифов и окружающий их мир. Если Геродот давал пространный обзор географии, истории, достопримечательностей и обычаев скифов и соседних племен с целью «познакомить с ними своих читателей», то по Псевдо-Гиппократу «скифы важны лишь постольку, поскольку детальное знакомство с ними автора и тогдашней науки вообще давало возможность проследить на них лучше, чем на ком-либо другом, влияние климата и местности на внешний вид, быт и характер отдельных населяющих вселенную племен» (Ростовцев, 2013. С. 85). Однако некоторые антиковеды были настроены критически к Псевдо-Гиппократу. В частности Д.П. Калистров выступал против преувеличения роли его трактата как источника по истории Скифии, на том основании, что его рассуждение о влиянии климата на организм является «схоластическим и надуманным» (Калистров, 1945. С.185-186). И все же и Геродот, и Псевдо-Гиппократ старались дать максимально близкую к действительности картину, чего нельзя сказать о Гесиоде, или Эсхиле, которые со свойственным поэтам стремлением к приукрашиванию были не вполне точны в описаниях. В критическом обзоре литературы древних о скифах Ростовцев отмечает Гелланика, который высоко ценил скифов и предлагал «включить скифов в число тех племен, которые сыграли известную роль в истории мировой культуры», Фукидида, который также считался со скифами, имел определенное

и точное представление об их политической мощи и о уровне развития культуры (Ростовцев, 2013. С. 87).

Интерес к скифам в V-IV вв. до н.э. в античном мире был настолько высок, что уже к концу IV в. до н.э. усиливается тенденция к идеализации скифов и далеких северных варваров. Эта тенденция особенно сильно проявилась в трудах древнегреческого историка Эфора (405-330 до н.э.). В своем главном труде «История», включающем в себя 30 томов, к сожалению, не дошедших до нас, он излагает историю всего греческого мира, в том числе и греческих колоний и их соседей, в частности скифов. Ростовцев писал, что «Эфор создал из этнографического материала ионийских авторов ряд идеализирующих образов отдельных диких народов. Для этой цели он использовал преимущественно скифов, создав из них тип идеальных номадов, которым он противопоставил становившихся хорошо известными грекам того времени диких и грубых савроматов» (Там же. С. 6). Он называл скифов господствующим элементом, заполнившим весь северо-восток тогдашнего известного ему мира. Эфор был хорошо знаком со скифским бытом, во всей его дикости и неприглядности, но он считал эту картину односторонней. Его интересует другая картина, та, которая вытекает из интерпретации иллюзорного мира Гомера и Гесиода. Успех имели не реальные картины Эфора, а картины быта отвлеченных, идеализированных скифов. Его идеализированные скифы оказались необычайно живучими (Там же. С.6). Таким образом, для скифов Эфор рисует черты золотого века, социальной утопии, связанной с представлением о золотом веке, делает их непобедимыми, приписывает им изобретение гончарного круга и двузубого якоря, сопоставляет идеальный образ справедливейших ски-

фов варварам-людоедам-савроматам, находящимся в рабстве у женщин, когда у скифов – только равноправие полов. Попросту говоря, Эфор под влиянием этической доктрины стоиков нарисовал не реальную, а идеализированную картину скифов-варваров, не испорченных разлагающим воздействием цивилизации (Там же. С.88-96). Следует Эфору и Посидоний. И в его представлениях скифы – добродетельные номады, живущие «согласно законам природы, вне пагубного влияния культуры» (Там же. С.8).

Много нового и ценного о скифах содержится у Страбона. Он первым сообщил о локализации в горной части Иберии ираноязычных племен. В своем труде «Описание Иберии» античный географ сообщает, что ее горную часть занимают «воинственные племена, в образе жизни и по обычаям сходными со скифами и сарматами, с которыми они находятся в родстве» (Античные, 1990. С.74). В этих последних, по мнению Ю.С. Гаглойти, «нельзя не видеть позднейших двалов-осов грузинских источников (осет. туал-туаллар). Именно древность пребывания сарматов на Северном Кавказе и их раннее проникновение в горы Центрального Кавказа и переход на южные склоны Главного Кавказского Хребта обусловили обозначение территории Северного Кавказа «Азиатской Сарматией». Эта же традиция нашла отражение и в Армянской географии» (Гаглойти, 2010. С. 494).

Однако, по мнению Ростовцева, некоторые данные Страбона с трудом поддаются точному хронологическому приурочению. Страбон компилировал самые разновременные источники, известные ему прямо или из вторых, даже третьих рук. Заостряя внимание на негативном и позитивном в трудах Страбона, Ростовцев писал: Я не стану подробно говорить здесь о Стра-

боне и его удивительном труде. Своего в этом труде Страбона, особенно, поскольку дело идет о северных понтийских местностях, немного. Страбону принадлежит честь, главным образом собирания и сопоставления. И надо сказать, что, если в контаминации своих источников он не проявил ни особого таланта, ни особого желания скрыть швы, то в выборе источников он делал все, что мог» (Ростовцев, 2013. С.41).

После IV-III вв. до н.э., когда Великая Скифия уже распалась, интерес к скифам спал, но угас не совсем. Крымские скифы, их бытовые предпочтения, оседлый образ жизни, занятие земледелием нашли довольно подробное освещение в трактатах Арриана (II в. до н.э.). При этом его сочинение «Объезд Эвксинского порта» является ярким образцом географической литературы в интересах Рима. Ценность этого труда для нас, помимо его литературного значения, заключается в том, что он «дает нам свежую и реальную картину как раз особенно интересующих нас местностей, т.е. кавказского побережья и северного берега Черного моря» (Ростовцев, 2013. С.69). Кроме скифов Арриан пишет и о сарматских племенах роксаланах, о противостоянии скифов с Александром Македонским и др. (Там же. С.100-101). Весьма ценны сведения о племенах, живущих по Дунаю. Истра, по этим сведениям, вытекает из земли кельтов... Затем идет часть савроматов – языги, далее геты, потом большинство савроматов, наконец, у устья Истры – скифы. Вторая известная работа Арриана «Тактика» посвящена военному искусству скифов. Современник Арриана, Аппиан продолжает военную тематику в своей работе «Митридатовы войны» (Античные, 1990. С.133). Помимо Крымской Скифии малочисленная группа скифов жила на севере Балканского полуострова, в Добрудже, которая в древности

была известна как Малая Скифия. Об их быте и культуре писал Овидий (Там же. С.94-97).

История скифов с древнейших времен вплоть до эпохи А. Македонского включает в себя следующие основные этапы: походы в Азию, захват побережья Черного моря, военное противостояние с персами (главным образом с Дарием, Киром), связь скифов с амазонками, борьба Атея с Филиппом и др. По совокупности событий политическая история скифов была не менее богата, чем история соседних государств – Персии, Ассиро-Вавилонии, Египта. Однако отсутствие письменности у скифов привело к тому, что с историей Скифии, и даже не с историей, а с фрагментами из их истории, как древний мир, так и современная наука имеют возможность ознакомиться со слов только их соседей-современников – античных писателей. Естественно, что это был всего лишь внешний взгляд.

Из античных авторов наиболее полно политическая история скифов была освещена Гнеем Помпеем Трогом, римским историком I в.н.э., основным трудом которого считается «Филлипова история» – сочинение в сорока четырех томах, описывающая деяния Филиппа II, отца Александра Македонского, самого Александра, а также диадохов – полководцев Александра Великого. К сожалению, труд этот в основе своей был утерян и дошел до нас фрагментарно, в основном в описаниях более поздних римских историков. Два тома из его работы были посвящены скифам. Содержание сохранившихся фрагментов книг Трога о скифах стало достоянием науки благодаря усилиям другого античного писателя Юниана Юстина. Трог подробно описывает быт скифов, их историю, то, как они трижды грозили стать властелинами Азии, пишет о их победе над Дарием, Киром и полководцем Александра Македон-

ского Зопирионом, подробно освещает борьбу Филиппа с последним великим царем Скифии – Атеем. Он пишет о покорении Митридатом скифов, которых до этого никто не побеждал. То, как он описывал историю Скифии, говорит о том, что Трог явно испытывал симпатии к скифам (Ростовцев, 2013. С.116).

Политическая история скифов описана и грекоязычным писателем II в. Полиэном, автором сочинения «Военные хитрости», посвященного императорам Марку Аврелию и Луцию Веру. Ростовцев заключил, что он пользовался теми же источниками, что и Трог, но внес в эти материалы много нового и от себя.

Подытоживая в целом обзор работ античных историков, посвященных скифам, Ростовцев обратил внимание на следующую закономерность: большинство сочинений и трактатов о скифах было написано в период наибольшего могущества скифской державы. Когда же, начиная с эпохи Александра Македонского, Скифия как грозный политический фактор в истории античного мира постепенно сошла на нет, она стала представлять интерес только лишь в локальном масштабе, то есть для историографии эпохи Боспорского царства (Ростовцев, 2013. С. 121,122).

В эпоху Боспора и Митридата помимо Страбона Скифией и Понтом заинтересовались и другие писатели. В большинстве своем они продолжали традицию идеализации Скифии, которой придерживались историки эллинистической эпохи. В их трудах можно было усмотреть немалую долю и романических, псевдоисторических сюжетов. Лишь по выдержкам из работ Юниана Юстина можно составить некоторое представление о том, что из себя представляла история Скифии в трактовке эллинистической историографии (Ростовцев, 2013. С. 9).

Из более поздних авторов, писавших о скифах, сле-

дует назвать сатирика Лукиана Самосатского (II в. н.э.), писавшего в том числе и о социальной истории скифов. Его диалоги хотя и носят литературный характер, но содержат важнейшие этнографические подробности, внушающие определенное доверие к использованным сатириком более ранним источникам, пусть и переработанным им в соответствии со своими целями. По Ростовцеву доминирующей «ноткой его трактатов, посвященных скифу Токсарису («Токсарис или дружба», «Скиф или Проксен» и т.д.), «является противопоставление скифской свободы, очевидно, рабству эпохи эллинизма и римской империи, политическая идеализация скифов» (Там же. С.11-12). Скифы для Лукиана – грубый кочевой народ, отличаются воинственностью, находятся в постоянной войне с сарматами, аланами, меотами. Он подробно расписал институт братания у скифов, сообщает сведения о религии скифов, о культе меча, приводит интересный рассказ о сидении на шкуре и о сборе этим способом дружины для частных военных предприятий. Лукиан описывает архаические черты скифского быта (вольные набеги, слабость центральной власти), считает государственное устройство демократическим, в котором присутствуют выборность вождей, а также военный образ жизни, в котором нет сильного социального расслоения. Он упоминает о сильной стигматизированности скифского общества и сообщает о нем много важных подробностей. Диалоги Лукиана, касающиеся скифской тематики, хотя и носят чисто литературный характер, но в то же время изобилуют важными этнографическими подробностями, особенно же в диалогах с Анахарсисом и Токсарисом. Согласно М.И. Ростовцеву, при составлении своего рассказа со скифскими героями Лукиан использовал исто-

рико-этнографический материал из старой эллинистической литературы, «но весь этот материал переработал по своему в духе новеллы, не стремясь к исторической точности, а только желая произвести общее впечатление соответствия своего рассказа тому, что публика вообще знала или могла знать о скифах и их соседях» (Ростовцев, 2013. С.108). Ростовцев говорит о некоторой искусственности фигурирующих в новелле скифов, называет полумифическими фигурами собеседников Диодора – Анахарсиса и Токсариса. В отношении Токсариса, возможно, он и прав, но Анахарсис, без сомнения, был исторической личностью, и ничего мифического в его образе не было.

Беседа Токсариса с Лукианом восходит к эллинистическому времени, так как отраженная в нем «картина Боспорского царства и его отношения к соседям ближе всего подходят к эпохе позднего эллинизма (Там же. Прим. 4). Помимо скифов у Лукиана содержатся сведения о культуре и быте сармат и алан, которые, как полагает Ростовцев, не взяты с какого-то географического трактата. По его мнению, писатель, приближенный к правящей римской элите, не раз слышал и читал об аланах и сарматах, локализованных на Балканском полуострове, в Крыму и на Кавказе, которые со временем становились объектом пристального внимания и изучения со стороны Рима (Ростовцев, 2013. С. 56, 57).

Между тем некоторые географические и исторические детали, приводимые Лукианом, мало соответствуют эпохе эллинизма. В частности, он упоминает об аланах, которые появились на исторической арене лишь в I в. н.э. Кроме того, как подмечено Граковым, «описание некоторых скифских обычаев у Лукиана по меньшей мере современны Геродоту, а отчасти восходят к

каким-то другим столь же древним источникам (Граков, 1971. С. 9). Подчеркивая особую ценность труда Лукиана, Ростовцев обращает внимание на сложность и трудность его восприятия, сводящие к тому, что «реальные черты быта не основаны на реальном знании географии и этнографии, ни на стремлении дать исторически реальную картину. Эти реальные черты утопают... в массе нереальных деталей новеллистического характера (Ростовцев, 1989. С.196).

Представляют интерес своей реалистичностью и сочинения Тацита и Плиния. Свои сведения о скифах они пополняли у римских военачальников, которые не раз скрещивали с ними свое оружие на полях сражений. Ученый был высокого мнения о сочинениях Тацита и Плиния, их описании бытовой истории скифов. Помимо этого Ростовцев упоминает римского поэта Гая Валерия Флакка, его поэму «Argonauticon libri octo», в которой описывается война Фракии со скифами по поводу золотого руна (Ростовцев, 2013. С.57).

Анализируя все эти работы, Ростовцев подчеркивает, что «выделить подлинное от дериватов, определить первоисточники – задача в высокой степени трудная и сложная» (Ростовцев, 1989. С.195). К примеру, без того, что сообщают римские историк Плиний Старший и географ Помпоний Мела (I в.н.э.), картина Скифии в VI-V вв. до н.э. была бы однобокой и неполной (Античные, 1990. С 99-102, 104-111). Они же сообщают первые сведения об амазонках, расположив их географически недалеко от Кавказа. Их в целом богатый материал представляет довольно подробные сведения об обычаях сарматов, к примеру, убийство стариков языгами (вариант – согднянами), описывает вооружение, способы ведения войн и т.д.

В некоторых местах своего труда «Скифия и Бо-

спор» Ростовцев высказывает довольно-таки критические суждения в адрес древнеримского историка I в. Аммиана Марцеллина, который в своем сочинении «Деяния» много и подробно описывает образ жизни, быт, характер, наружность, обычаи и обряды алан. Ученый упрекает Марцеллина в том, что его сведения об аланах носят общий характер, что в них отсутствуют индивидуальные черты. Ростовцев утверждает, что Марцеллин использовал литературные заимствования у того же Дионисия, Помпония Мелы, Плиния Старшего, Валерия Фракка и т.д. Интересующие нас сведения об аланах он также считает по большей части литературными трафаретами. В этой связи мы предполагаем, что Ростовцев слегка преувеличил степень литературных заимствований. Аммиан Марцеллин, по происхождению сирийский грек, написал свое единственное сочинение «Деяния», известное также под названием «История», или «Римская история» на латыни. Большая часть его сочинения, состоявшего из 31 книги, была утеряна. До нас дошли лишь последние 18, охватывающие период с 353 до 378 гг., от восстания Магнеция до битвы при Адрианополе. Марцеллина называют последним крупным римским историком, или же последним античным историком. Нахождение Аммиана в рядах протекторов-доместиков – элиты позднеримской армии, приближенной к императору, а также его участие в военных кампаниях против Персии, в том числе и персидском походе императора Юлиана-Отступника, характеризует его как человека смелого и прямого. Вряд ли он испытывал необходимость в излишней романтизации варваров в преувеличении и искажении реальных фактов. Во всей античной литературе самые богатые сведения о быте и культуре алан содержатся в «Деяниях» Марцеллина. Его роль в исто-

рии алан сопоставима со значением и ролью Геродота, какую тот сыграл в описании истории скифов. Ни один из античных авторов, чьими трудами пользовался Марцеллин, не предоставляет такие детали и подробности об аланах, к каковым прибежал Марцеллин.

Как нами было отмечено выше, «Деяниями» Аммиана Марцеллина завершается эпоха крупных римских историков, однако у последующих исследователей на этом интерес к народам, населяющим Северное Причерноморье, не утихает. Новые и ценные сведения об этих народах содержатся у историков раннеэллинистического времени и эпохи войн Боспорского царя Митридата VI Евпатора. Кое-что новое привнесли в эти сведения и наблюдения римских офицеров, защищавших Херсонес и Пантикапей от соседей. И все же М.И. Ростовцев отмечает: «Но пространство нынешней центральной и восточной России, ровно как и этнография южнорусских степей, и для римлян была terra Incognita и географы римского времени – Мела, Плиний, даже Марин и Прометей – повторяют для этих мест по большей части старые ионические сведения» (Ростовцев, 2013. С.10).

Перечисленные выше сочинения античных авторов, разумеется, далеко не равноценны, как не равнозначны их сведения, выводы и заключения. Обилие их во многих случаях кажущееся: многие факты истории повторяются, переходят от одного автора к другому почти без изменений. Естественно, не представляется возможным относиться к этим литературным артефактам без должного критического отношения.

И в более поздние периоды истории наука конечно же не теряла интерес к скифам, сарматам и аланам. Новая волна увлечения этими народами возникла вместе с открытием богатых захоронений в скифских

курганах в южнорусских степях в XIX в. Заниматься скифами, сарматами и аланами стало престижно и значимо. Результаты археологических находок в скифских курганах открыли для исторической науки совершенно новые горизонты возможностей. Появилась целая плеяда ученых, чьи изыскания в области скифологии, сарматологии и алановедения стали определяющими развитие этих наук на годы вперед.

В кратком обзоре историографии вопроса ученый упоминает известного германиста К. Мюлленгофа, а также Гагстгаузена и Момзена. Ростовцев высоко ценит те разделы монографии К. Мюлленгофа, в которых автор серьезно и основательно проработал часть географических источников с древнейших до позднейших времен. Ученый отмечает работу А. фон Гутшмида (von Gutschmid), в частности его труд «Граница между древностью и Средневековьем», изданный в 1863 г., где автор разобрал часть источников, касающихся древнейшей истории скифов.

К скифам, как самому древнему народу, населяющему южнорусские степи, проявляли большой интерес и русские ученые. Первым среди них был академик Ф.З. Бауер, который в 1726 г. издал книгу под названием: «О месторасположении Скифии, каково было в лета Геродотовы». Наиболее крупным исследователем историографии античных авторов принято считать русского историка В.В. Латышева, о котором мы упоминали выше. В 1893-1906 гг. В.В. Латышев издал в Санкт-Петербурге двухтомный труд под названием «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе». Позже, в 1947-1949 гг. академическое издание «Вестник древней истории» опубликовало полностью эту работу. Ростовцев обращает внимание на некоторые ее недостатки (отсутствие указателей),

но отмечает, что несмотря ни на что, двухтомник В.В. Латышева становится настольной книгой для всех, кто так или иначе причастен к древней истории юга России. Упоминает ученый и работу Ю.А. Кулаковского «Аланы по сведениям классических и византийских писателей» (1899).

Ростовцев подвергает справедливой критике русских ученых А.С. Лаппо-Данилевского и И.Е. Забелина, которые в своих работах механически свели материалы археологических раскопок со сведениями Геродота. Наиболее полно свое критическое отношение к такому ложному подходу ученый выразил в рецензии на книгу английского антиковеда Е. Миннза (Minns) «Скифы и греки» (Ростовцев, 1913. С.173-194).

Как было отмечено выше, научное наследие Ростовцева условно можно поделить на два периода, соответствующие его жизни в России, а затем в эмиграции. В России Ростовцев больше интересовался древней историей юга России, о чем свидетельствуют более ста научных работ, опубликованных им в этот период. Среди них – целая серия капитальных трудов, таких как «О римском колонате», «Об эллинистически-римском архитектурном пейзаже», «Об античной декоративной живописи на юге России», «Об истории Скифии и Боспорском царстве», «Эллинство и иранство на Юге России» и др.

Превалирующими трудами в российский период деятельности ученого были работы по эллинизму и иранизму на юге России. Он сосредоточил свои научно-исследовательские усилия на антиковедении, т.е. на изучении истории и культуры народов, проживавших на юге России в древнейшую, праславянскую эпоху. «Обладая концептуальным складом ума, непрерывно обогащая изучение античности все новыми и новыми

идеями, М.И. Ростовцев разрабатывал концепции социально-экономической истории и цивилизации эллинизма Римской империи, античного Причерноморья и скифо-сарматского мира» (Фролов, 1990. С.162).

Интересующий нас вопрос, который вынесен в подзаголовок данной книги (вопросы иранистики), в основе своей освещен в двух десятках статей и двух монографиях Михаила Ивановича. Они посвящены иранству, эллинизму, Понту, Боспорскому царству, Северному Причерноморью, варварским племенам.

Большую научную ценность имеет небольшая по объему книга, которая так и называется: «Эллинство и иранство на юге России», изданная в 1918 году в Петрограде. В ней предельно четко изложены взгляды ученого на историю и культуру скифов. Основная ценность этой книги состоит в том, что ни до нее, ни после разработке тематики иранской компоненты в южнорусских степях и Северном Причерноморье не был посвящен ни один фундаментальный научный труд. Книга была написана автором в расцвете творческих сил. Несмотря на небольшой объем, значимость ее

Обложка первого издания книги

для науки велика. Э. Фролов писал: «Всю работу пронизывает ряд важных идей, делающих эту небольшую книжечку подлинным кладом исторической мудрости». И далее, акцентируя внимание на ее наиболее привлекательных сторонах, продолжал: «Это представление об оригинальном характере местной скифской культуры, которая не может считаться примитивной, варварской только от того, что греки все другие народы именовали варварами. Это, далее, убеждение в плодотворности контактов греков с местным скифо-сарматским населением, поскольку итогом этого взаимодействия явилось сложение на Боспоре такой социально-политической системы и такой культуры, которые и типологически, и по уровню достижений предвосхищали или даже превосходили свершения восточного эллинизма» (Фролов, 1990. С. 157).

В этой монографии и в других ранних работах первого периода Ростовцевым воссоздается роль иранских народов, в частности скифов, история юга России начиная с VIII-VII вв. до н.э., с момента появления здесь иранских и греческих элементов, и заканчивая III в., когда вторжением тюркских, славянских и германских племен был положен конец античности.

В книге дается общий и достаточно популярный очерк истории народов, населявших Северное Причерноморье в античную эпоху. Описываются как ранее заселившие его скифы, меоты и сарматы, так и явившиеся сюда чуть позже греки из Малой Азии. При этом автор книги описывает установившиеся контакты, экономические, политические и культурные взаимодействия. Эта книга завершает длинный путь исследований, шедших по разным направлениям, и представляет собой обобщение всех ранее накопленных наукою данных. Ее можно рассматривать как

итог всей научно-исследовательской работы ученого в области скифов в досоветский период. Ростовцев рассмотрел в ней все виды источников, относящиеся к скифам: литературные, эпиграфические, нумизматические, археологические и дал им оценку в свете последних достижений исторической науки об античном мире.

Для скифологии же в целом эта работа является важным рубежом в изучении истории Скифии. Она является обобщающей, и в некотором роде подводит итог исследованиям скифологов, которые развивались разными векторами, обобщая весь наработанный до этого в проблематике материал. Еще одну особенность рассматриваемой книги предельно четко выразил археолог М.И. Артамонов: «В лице Ростовцева собственно история, имевшая дело с письменными источниками, и археология, обращающаяся к вещественным останкам прошлого, пришла к единению, какого еще не знала наука о Северном Причерноморье» (Артамонов, 1947. С. 68-69). В действительности в этой книге синтез письменных источников и археологии дал классический, показательный результат.

Большую ценность для науки представляет и другой труд М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор», который был подготовлен к изданию уже в 1918 г., однако по различным обстоятельствам опубликованный лишь семь лет спустя (переиздан в 2013 г.). Значимость монографии заключается прежде всего в том, что в ней рассмотрены и проанализированы практически все виды источников, относящиеся к скифам и Северному Причерноморью (особенно Боспорскому царству). В книге автор раскрыл и показал взаимодействие могущественного Боспорского царства с окружающим его миром, прежде всего со скифами. Как отмечено в пре-

дисловии подготовившего книгу к выходу академика С. Жебелева, издание это «по богатству, разнообразию, систематике и критической оценке привлеченного и рассмотренного в нем материала будет, думается, служить настольною книгой для всякого исследователя, интересующегося судьбами Скифии и Боспора» (Ростовцев, 2013. С. IV). В завершенной первой части книги Ростовцев подводит итоги всей научно-исследовательской работе в области истории скифов вплоть до начала XX столетия. Книга получила лестную характеристику и других специалистов. Академик Фролов отмечал: «Его источниковедческие штудии по античному Причерноморью и среди них, в особенности «Скифия и Боспор», являют собой сокровищницу драгоценных мыслей, проливающих свет не только на значение тех или иных конкретных исторических данных, но и на более общие аспекты античных традиций» (Фролов, 1990. С.163).

История написания этой книги заслуживает отдельного внимания. Михаил Иванович планировал выпустить ее в двух томах. После широкого источниковедческого вступления первой части, вторая часть, по задумке ученого, должна была составить историю, религию, культуру Боспорского царства, скифов, сармат, но, к сожалению, работа над ней так и не была завершена. При работе с архивами Ростовцева исследователями его научного наследия были обнаружены фрагменты, свидетельствовавшие о серьезных намерениях написания второй части. Были обнаружены глава II под названием «Доисторические и протоисторические памятники»; глава V – «Государство, религия и культура скифов и сармат»; VI – Государство и культура Боспорского царства». Исходя из контекста V главы между II и V главами предусматривались гла-

вы о политическом строе Скифии (Ростовцев, 1993. С.192). Интересующая нас особо глава V была обнаружена не полностью. Она содержит лишь введение (обзор литературных источников и обобщений, анализ археологических материалов) и текст, рассказывающий о государственности скифов (см. Приложение). В ней отсутствует описание религии и культуры скифов и сарматов, недостаточно сказано и о государственности скифов. До сих пор остается неизвестной судьба утерянного материала. Остается лишь благодарить редакцию журнала «Вестник древней истории» за публикацию в №1 за 1989 г. сохранных материалов. Соответствующие сопроводительные статьи в номере при публикации материала Ростовцева предоставили В.И. Кузицин и В.Ю. Зуев. В целом же публикация неизданных глав «Скифии и Боспора» имеет не только историографическое значение. «Сила научного анализа М.И. Ростовцева оказалась таковой, что ему удалось сформировать ряд принципиально новых положений о государственности и социальном строе скифов, которые в дальнейшем вошли в научный обиход и по сей день остаются значимыми и оригинальными» (Кузицин, 1993. С. 207).

Следует отдать должное редакции журнала «Вестник древней истории», которая, начиная с перестроечных времен, уделяет большое внимание творчеству и научному наследию Михаила Ивановича Ростовцева. Это и его труды, рецензии на них, а также подробные биографические материалы о самом ученом. В целом же, как было сказано нами выше, и правильно было отмечено академиком М.И. Артамоновым, рассматриваемые монографии Ростовцева, «вместе с его же трудами по вопросам скифского искусства, представляют весьма важный рубеж в истории науки о скифах. Они за-

вершают длинный путь исследований, шедших по разным направлениям, и представляют собой обобщение всех ранее накопленных наукой данных» (Артамонов, 1947. С.68). Раскрываемая Ростовцевым тема касалась не только эллино-скифских отношений. Ученый также исследует и контакты скифов с кельтскими племенами, которые в IV-III вв. до н.э. частично обосновались на Балканском полуострове (Еременко. Зуев, 1989).

В 1997 г. в Москве вышла книга «Скифский роман» под общей редакцией Г.М. Бонгард-Левина. Довольно объемистый том представляет из себя архивное наследие М.И. Ростовцева, сохранившееся в российских, американских и европейских фондах, рассказывает о его взаимоотношениях с такими учеными и писателями, как Н. Кондаков, С. Жебелев, Г. Вернадский, В. Набоков, И. Бунин. В книге описаны жизнь и творчество Ростовцева в России и в эмиграции, его эпистолярное наследство, неопубликованные лекции. подача этого труда весьма оригинальна, поскольку через материалы эпистолярного характера пред нами встает во всей полноте образ великого русского ученого и интеллигента М.И. Ростовцева. Он представляется как крайне эмоциональный человек, с присущими ему переживаниями, склонностями, метаниями, помыслами. Утонченно чувствительный характер этой широко одаренной натуры проявил себя во всех сферах, с которыми он соприкасался: на педагогическом, общественном и культурном поприще. Не мог он не отразиться и на его научном творчестве, как и на взаимоотношениях с его неординарным окружением.

Вышеприведенный обзор работ Михаила Ивановича дает возможность для некоторого заключения. Среди множества книг ученого, а также историографических работ, посвященных анализу трудов Ростовцева, практически отсутствуют публикации, в которых бы

не подчеркивалась значимость скифо-сарматских племен в исторических событиях Черноморского бассейна с I тыс. до н.э. по III в.н.э. Вместе с тем до сих пор ни в ранней, ни в современной исторической литературе нет еще работы, которая бы ставила своей задачей систематическое изучение и анализ роли и значимости иранского элемента, в частности скифо-сарматских племен, в трудах Ростовцева. Именно этим и вызван наш интерес к научному наследию Михаила Ивановича Ростовцева.

Источники и труды

Начало исследованиям археологических данных по скифам было положено во второй половине XVIII в. К концу XIX в. наука уже имела общее представление о скифах. М.И. Ростовцев провел титаническую работу над документацией дореволюционных скифских раскопок. Однако учитывая то, что большинство скифских погребений было разграблено уже в древности, и то, что в сравнении с письменными источниками ранних скифских погребений VII-V вв. до н.э. обнаружено еще так мало (тем более при жизни Ростовцева), археологический материал по сравнению с письменными источниками сдвигается на вторую позицию.

И, тем не менее, будучи блестящим ученым-антиковедом, М.И. Ростовцев зарекомендовал себя еще и как талантливый археолог. Укреплению его авторитета как археолога способствовали раскопки и публикации археологических материалов из античного города Дура-Европос (1927-1937 гг.), который располагался на реке Евфрат, в Сирии. Естественно, он отдавал себе отчет о значении и значимости этого направления истории

для полноты своих исследований, и поэтому дал высокопрофессиональный анализ всем существовавшим до него и при нем археологическим объектам, касающимся как эллинского мира, так и скифо-сармат. В своих работах, посвященных археологии, ученый наглядно продемонстрировал значение археологического материала для решения многих исторических проблем.

Работы Ростовцева по археологии, посвященные скифо-сарматским племенам, стали эталонными, и до сих пор служат примером комплексного изучения проблемы с максимальным охватом всех источников. Давая подробное описание скифским и сарматским курганным погребениям, автор ставил задачу «проверить писателей археологическими материалами, подлинность которых несомненна».

Подобное сопоставление литературных и археологических данных представляется весьма трудной задачей, однако Ростовцев блестяще с ней справился. Как было отмечено ранее, главным произведением о скифах от ионийских логографов была «История» Геродота, сведения которого в подавляющем большинстве получили подкрепление археологическими материалами, несмотря на отсутствие достаточно точных описаний при расследовании каждого отдельного скифского кургана. Не зря Ростовцев называет «Историю» ионийского логографа «Бессмертным творением Геродота» (Ростовцев, 1989. С.193). Ему даже удалось кое-где поправить «отца истории», хотя Ростовцев, без сомнения, отдавал ему должное.

Историю скифов и сармат ученый изучал досконально и основательно. Это относится, прежде всего, к памятникам античной культуры, имеющим отношение к скифо-сарматам. Помимо этого Ростовцев тщательно описал и проанализировал все, что писали о Скифии и Сарматии как античные писатели, так и

коллеги автора, его предшественники и современники. И, наконец, основополагающим источником изучения скифской и сарматской культуры, базовой основой исследования стал значительный археологический инвентарь, извлеченный из скифских и сарматских курганных погребений. В этих постулатах и кроется секрет того, почему выдвинутые ученым положения выдержали испытание временем.

Работу над исследованием археологии скифов и сарматов Ростовцев проделал в своей известной монографии «Скифия и Боспор», а также в главе V «Государство, религия и культура скифов и сарматов» изданного II тома труда.

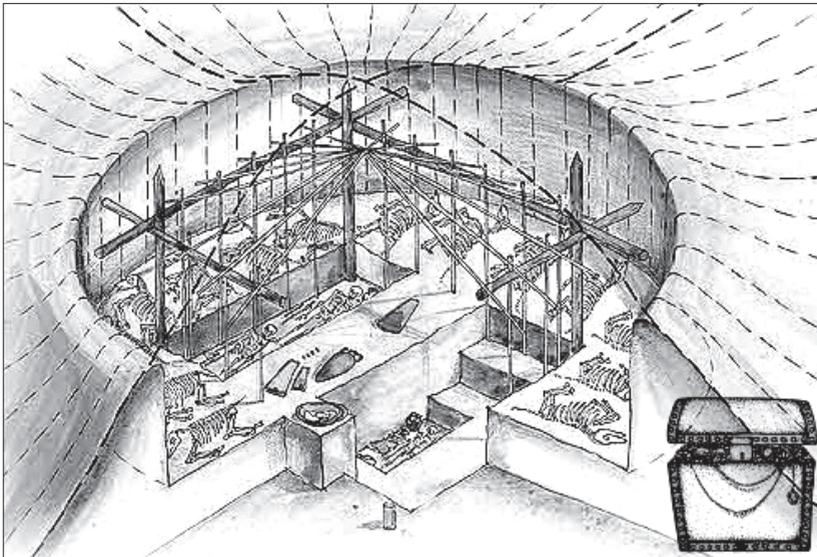
Чтобы иметь возможность судить об объеме проведенного им исследования, достаточно привести один факт: из 617 страниц его солидного фолианта подробное описание инвентаря погребений и анализ всех существующих археологических источников о скифах и сарматах занимает более чем три четверти от общего объема книги.

Скифский курган

Предпоследняя, X глава посвящена курганным погребениям VI-III вв. до н.э. Ученого нет никаких сомнений в том, что эти погребения принадлежат скифам. «Целый ряд соображений, – пишет он, – среди которых решающую роль играют соображения хронологические, заставил нас, не колеблясь, признать носителями культуры курганных погребений VI-III вв. до н.э. скифов, господство которых в степях юга России в этот период закреплено нашим литературным преданием, правда в достаточной мере скудным, но не допускающим двух толкований... Характерное сочетание восточных (по преимуществу иранских) греческих и местных элементов во всех этих погребениях вполне подходит к той картине, которую дают наши литературные свидетельства о скифах и их государстве» (Ростовцев, 1989. С. 197).

Курган с массовым захоронением лошадей

М.И. Ростовцев описывает и анализирует археологический материал на всей подконтрольной скифами территории в период могущества державы. Территория эта группируется ученым следующим образом, следуя с востока на запад: Кубанская группа; Таманская группа; Крымская группа; Степная днепровская группа; Киевская группа; Полтавская группа; Донская группа; Группа венгерская, румынская, болгарская. Не останавливаясь на подробной характеристике каждой из групп, отметим, что все имеющиеся погребения подвергнуты детальному описанию, и путем сопоставления инвентаря погребений по группам связанных с ними обычаев, обрядов, их сопровождающих, ученый пришел к выводам, которые актуальны и по сей день.

Итак, что же общего у вышеприведенных групп? Для всех этих групп погребений определяющим, твердо установленным признан восточный (иранский) характер их происхождения. При этом Ростовцев считает, что характер «этих погребений меняется в зависимости от двух факторов – географического и хронологического», и для эпохи VII-IV вв. до н.э. выделяет две большие группы: одну – кубанскую, другую – днепровскую (Там же. С.196), уточняет отличительные черты каждой из этих двух групп. Для первой это «преобладание восточных и греческих элементов над местными, характерным признаком второй – наслоение сначала греческих, а затем восточных вещей на местную основу» (Там же), имеющую западное происхождение (сфера Гальштатской культуры).

Анализ погребального материала позволил ученому подойти к следующим выводам:

1. Наиболее приближенно представить географические рамки скифского мира в период его наивысшего развития, хотя с точностью трудно указать географию

ческие границы Скифии. Ростовцев был первым среди ученых, кто на базе анализа литературных и археологических материалов очертил территорию, которая в течение трех столетий контролировалась скифами. Эта территория, пишет он, захватывает... не только Причерноморье, но включает на востоке и Нижнее Приволжье, Прикубанье и Приуралье, в центре всю почти область Дона и Днепра, Буга и, может быть, Днестра, на западе же заходит как в нынешнюю Пруссию (клад Феттерсфельд), так и значительно вверх по Дунаю (находки в Добрудже, Венгрии и Болгарии) (Ростовцев, 2013. С.302).

2. Вторая задача, поставленная и решенная ученым предполагала выявить особенности культурного уклада в каждой группе, объясняемые, очевидно, «особенностями местного развития, большей или меньшей силой старых местных традиций, большой или меньшей близостью к отдельным большим культурным очагам восточного или греческого миров» (Там же. С.308).

3. Такой расклад инвентаря курганных погребений дает возможность для сопоставительного анализа одних и тех же обычаев и обрядов (явлений) в различных регионах скифского мира, проследить их эволюцию, взаимосвязь, общее и отличительное, установить, в каких округах скифское влияние было сильнее, где был расположен центр скифского мира, а где периферия.

Ученому удалось выявить характерную особенность скифской курганной культуры – смешанность составных ее элементов. Наряду с предметами греческого ввоза, со временем в могильниках встречаются произведения тех же греческих мастеров, но приспособленные к предпочтениям своих клиентов, предметы их обихода, удовлетворяющие их (т.е. скифов) художественным запросам. Помимо этого автор старается определить то, что принесли с собой с востока кимме-

рийцы и скифы, противопоставить местной культуре и определить, что из этого восприняло местное население. Задача эта крайне сложная.

В больших и богато убранных курганных погребениях покоятся представители высших слоев скифского общества, останки отдельных скифских вождей. Судить же о жизни низших, подчиненных слоев очень сложно из-за скудости археологического материала, его однобокости. В этом плане Ростовцев правильно упрекает археологов, которые, имея перед собой целые некрополи, раскапывали лишь входящие в них курганы, в которых покоится прах элиты скифского общества. «Поэтому, – пишет он, – чрезвычайно затруднительно сказать, является ли та местная культура, которая лежит в основе культурной жизни Приднепровья, но, насколько можно судить по данным, добытым до сих пор, не заходит за пределы течения Дона, культурой, носителем которой были скифы, скифский народ как таковой, или местное покоренное скифами население, вещи обихода которого восприняты были в значительной части скифами-пришельцами, поскольку дело идет не о верхах, а о народе» (Ростовцев, 1989. С.197).

Анализ инвентаря курганных погребений позволил автору судить лишь о скифской культуре как аспекте культуры верхних господствующих слоев общества. При этом ученый подчеркивает, что именно эта культура верхов носит тот смешанный характер с преобладанием восточных элементов. Ростовцеву удалось установить не только смешанный характер скифской культуры, степень изменения ее в сравнении с захоронениями в других регионах скифского мира, но и на их основе проследить перемены в обрядах и быте, проследить эволюцию развития скифского мира на протяжении трех столетий (Ростовцев, 2013. С. 308).

Сопоставительный анализ курганных погребений позволил ему как бы предупредить коллег-ученых не делать скоропалительных выводов, а именно: зафиксированный в одном округе скифский обычай автоматически не приписывать скифам, проживавшим в других округах. Для подтверждения своей мысли он приводит пример из скифского обычая жертвоприношения людей. Так, в Кубанском округе «в жертву покойнику приносились и люди. Однако, – как он пишет, – массового жертвоприношения людей нигде установлено не было. Приносились ли в жертву и жены и наложницы покойника, также нельзя сказать с уверенностью» (Там же. С. 331).

На основе детального описания инвентаря погребений ученый проследил эволюцию форм оружия, надгробных построек. То, что обычаи и обряды не остаются неизменными в смежных округах, автор иллюстрирует на сопоставлениях конструкций и инвентаря таманских курганных погребений с кубанскими. «В конструкции погребения мы наблюдаем большое однообразие и резкое отличие от группы кубанских курганов. Основная форма – яма в материке – удержана, но то, что характерно для кубанских групп – обшивка деревом и покрытие шатровой крышей исчезло; исчезли и особые приспособления для лошадиных гетакомб... Изменился и обряд погребения; массовое заклятие лошадей исчезло, но обычай погребать упряжных лошадей погребальных колесниц и верховую лошадь покойника сохранился. Обычай погребальной тризны сохранился» (Там же. С. 358-359). В зависимости от местных особенностей обряд в одном округе был в полной силе, в другом – исчезал. В Кубанском округе, писал он, имело место массовое захоронение лошадей, а вот на западе Скифии в Полтавском

и Киевском округах погребение лошадей вовсе отсутствует. В этих округах (Киевском и Полтавском. – А.Ч.) скифы вели оседлый образ жизни, и лошади стали более редки и более ценны, по мнению ученого, что привело к изменению обряда (Там же. С. 519-520).

Среди других материалов выделяются главы, посвященные археологии скифов, в которых автор предпринял попытку выявления особенностей каждой из выделенных групп скифских курганных погребений. Ниже мы рассмотрим их в такой же последовательности.

Основа вещей кубанских курганов – восточная, специально иранская, и эти вещи задают тон всей культуре (Там же. С.337).

Особенностью Таманской группы Ростовцев считает сильнейшую эллинизацию всего обихода, гораздо более сильную, чем в других группах скифских поселений. Иранизация эллинов в IV-III вв. была не особенно

*Археологические памятники VII-II вв. до н.э.
на Нижнем Дону*

велика (Там же. С. 371). Анализируя Крымскую группу скифских курганов, Ростовцев особое внимание уделяет знаменитому кургану Куль-Оба, с которой, как он пишет, «начинается эра расследования курганных погребений и вообще научных раскопок на юге России» (Там же. С. 376).

По мнению Ростовцева, среди всех скифских курганов особое место занимают курганы степной приднепровской полосы, потому что именно здесь наиболее ярко представлен скифский мир в период его расцвета. Эти курганы теснейшим образом связаны с крымской группой. На примерах знаменитых курганов Солоха и Чертомлык, они представляют из себя наиболее известные и наиболее богатые скифские погребения (Там же. С. 404). Причины особенного богатства этих курганов Ростовцев видит в близости их к столице Боспорского царства – Пантикопею, который был единственным культурным центром, связывавшим степную Скифию с Элладой (Там же. С. 457).

Исходя из анализа погребального инвентаря, ученый делает важное заключение: «В историческом отношении группа днепровских курганов чрезвычайно важна и тем, что позволяет нам составить себе представление о постепенной эволюции скифского государства в связи с имеющимися литературными данными. Выясняется, что средоточием скифской мощи степи около Днепра сделались сравнительно поздно. До этого времени скифская государственность и культура развивались главным образом в степях прикубанских в тесном общении с Крымом, Кавказом и греческими городами у Кавказского побережья, Тамани и Крыма» (Там же. С. 458). Не разделяя мнения некоторых своих коллег (В. Хвойка, А. Спицын), Ростовцев обоснованно называет скифским (восточно-иранским) инвентарь

южнорусских погребений, считает погребальный инвентарь этих курганов соответствующим иранскому укладу жизни (Там же. С. 467).

В Киевском округе скифская культура не могла занять того господствующего положения, которое она заняла на Кубани, в Крыму и в Приднепровских степях, где она подверглась сильнейшему влиянию греческой культуры, быта и религии, так как здесь неминуемо должно было создаться смешение двух культурных укладов (Там же. С. 466).

В Киевской и Полтавской группах погребальный обряд и погребальные сооружения нового типа подверглись сильнейшему местному влиянию и почти не встречаются. Анализ археологического материала из этих двух групп погребений дал основание Ростовцеву говорить об их тесном и близком родстве (Там же. С. 544). В Донской группе скифских курганных погребений обряд погребения сохранился скифский, но, как пишет Ростовцев, чуть смягченный.

Ученый отдельно рассматривает и анализирует случайные находки скифской культуры на территории Венгрии, Румынии и Болгарии. Они, в сравнении с курганами юга России, выглядят, конечно же, скромнее, что объясняет тем, что эта территория была периферией скифского мира.

Сопоставительный анализ погребальных сооружений позволил Ростовцеву выявить их некоторые особенности на всей территории расселения скифов в IV-III вв. до н.э. Ученый пишет: «Характерной особенностью описанных областей является еще и то, что на Кубани во все периоды преобладают монументальные и роскошные погребальные сооружения с богатым инвентарем, та же особенность характерна и для степной Приднепровской группы, все погребения которой

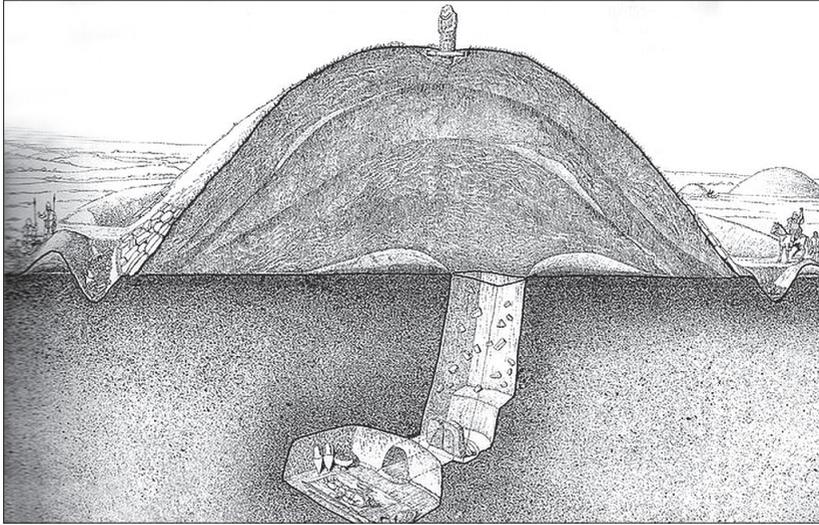

относятся к IV-III вв. до Р. Хр. На Тамани же преобладают погребения под одним курганом ряда лиц с богатым инвентарем в каждом погребении.

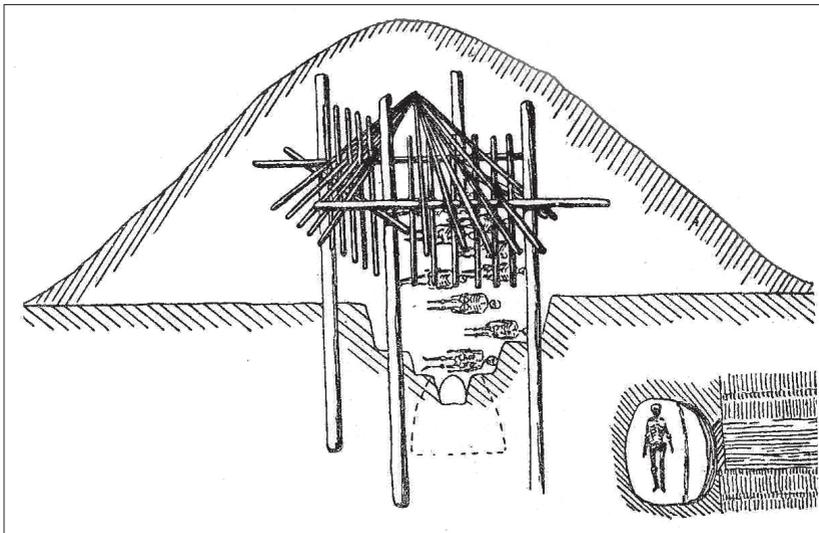
Иную картину дает Среднее Приднепровье – Киевщина и Полтавщина, причем к ним в IV-III вв. до Р. Хр. присоединяется и Среднее Придонье. Здесь наряду с монументальными и роскошными погребениями, где преобладают вещи восточного и греческого характера, количество которых сначала незначительно, особенно возрастает в IV-III вв. до Р.Хр., господствуют погребения менее монументальные, более скромные и с инвентарем в значительной своей части местного происхождения» (Ростовцев, 1989. С.196-197).

Курганным погребениям степей юга России эллинистического и римского времени (III в. до н.э – III в. н.э.) посвящена последняя XI глава книги «Скифия и Боспор». В ней выделены следующие три периода: Курганы Тамани и Прикубанья переходной эпохи, Кубанская группа курганных погребений эллинистического и римского времени, и примыкающие к кубанской группе погребений погребения и клады степей юга России.

С IV-III вв. до н.э. начинается новая серия курганных погребений с измененным обрядом погребения и с совершенно новыми элементами в погребальном инвентаре (Ростовцев, 2013. С. 545). В этот период «в погребениях всего юга России, от Кубани вплоть до Венгрии и Болгарии, начинают преобладать восточные и греческие элементы, причем апогея своего развития достигают как греческий импорт, так и особенно вещи, изготовленные греческими, вероятно пантикапейскими, мастерами, специально для нужд и потребления местного населения» (Ростовцев, 1989. С. 196).

Царские курганы скифов

Разрез кургана у ст. Костромской

Здесь, как и в предыдущей главе, Ростовцев детально описывает эти погребальные комплексы, которые, начиная с переходного периода (конец III-II вв. до н.э.), встречаются вплоть до эпохи ранней римской империи, когда курганные некрополи вытесняются могильниками, так называемыми «полями погребальных урн».

В сравнении с временем наибольшего могущества Скифии, со второй половины III века до н.э. географические рамки скифской государственности суживаются до пределов Прикубанья, Тамани и междуречья Дона и Днепра (так называемая Крымская Скифия). Как пишет ученый, это доказывается и погребениями переходного времени и примыкающими к Кубанской группе погребениями и могилами степей юга России (Ростовцев, 2013. С. 545). В другом месте той же работы ученый уточняет, что на Кубани курганы переходного периода или вовсе отсутствуют, или встречаются весьма редко.

Анализ инвентаря погребений позволил Ростовцеву установить: «В конце III в. мы наблюдаем довольно резкое изменение культурного уклада с целым рядом новых особенностей, которые не могут быть объяснены исключительно эволюционным путем, а предполагают наличие какого-то нового культурного течения с новой струей восточных, по всей вероятности, иранских же элементов» (Там же. С. 309). В итоге резко меняется общий характер степных курганных погребений. Меняется и конструкция погребального сооружения, и обряд, и состав, и характер инвентаря. «Новый тип» примешивается и к погребениям старого типа, что, по Ростовцеву, находит объяснение... «в появлении новых последовательных волн иранских завоевателей, постепенно внедрявшихся и вклинивавшихся в скифскую державу, причем высший класс завоевателей естественно смешивался с высшим классом скиф-

ской державы, родственным им по происхождению» (Ростовцев, 1983. С. 198).

Причину этих перемен Ростовцев видит в изменениях исторических реалий, не совсем благоприятно сложившихся для скифов. «Только тогда, когда с Запада скифов потеснили сначала персы при Дарии, затем фракийцы и, наконец, Македония и кельты, когда на востоке им пришлось вступить в борьбу с тем же персидским царством, затем с окрепнувшим Боспором... и, наконец, с постепенно надвигавшимися сарматами, скифам пришлось сжаться в степях к северу от Крыма, между Доном и Днепром, где отныне, начиная с IV в. до Р. Хр. мы видим сосредоточенную главную мощь скифов» (Там же. С. 458).

Анализируя погребальный инвентарь курганов Тамани, Крыма и Прикубанья, Ростовцев замечает сильнейшее греческое влияние, «вытесняющее какие бы то ни было местные элементы, в бассейне Дона, ближе к Танаиду, замечается то же явление, дальше на север к восточно-греческим вещам примешиваются мало еще обследованные местные вещи» (Ростовцев, 1989. С.196). Вслед за этим ученый характеризует комплекс погребений юга России, отмечая при этом отличие памятников степного Приднепровья (греко-восточный уклад) от Среднего Приднепровья (преобладание местного производства над восточно-греческими вещами (Там же).

В монографии подвергнута анализу и кубанская группа археологических памятников эллинистической и римской эпохи. Завершается глава детальным анализом погребений и кладов на юге России.

Изменения, которые произошли в погребальном инвентаре переходного и последующего развития в эллинистическое и римское время, Ростовцев подводит под историческую основу, суть которой сводится

к следующему. Со второй половины III в до н.э. исторически засвидетельствовано волнообразное, поочередное движение на запад ряда сарматских племен. Языги, роксаланы, аорсы, сираки, затем аланы постепенно появились в степях юга России, оседали, вновь двигались далее, при этом поочередно покоряя друг друга. Прорываясь через границы той или иной области, они становились хозяевами положения, при этом смешивались с народами, населявшими ранее эти территории, воспринимая исконный уклад их жизни и продвигаясь дальше на запад под давлением новых подходящих с востока племен, и упорно вытесняли шаг за шагом старых хозяев – скифов, несомненно, смешиваясь с ними (Там же. С.612).

Эти волны сарматского нашествия отразились в погребальном инвентаре кургана Покровки и других курганных погребениях. Поэтому в эллинистическое и римское время кубанская группа курганных погребений представлена культурой сарматских племен. Воспроизведя их историческую реконструкцию, Ростовцев пишет: «Осевшая на Кубани волна, – вероятно аорсы и сираки, – вошедшая немедленно в тесное общение с Боспорским царством, подвергшаяся его влиянию и сильно повлиявшая в свою очередь на него, смешавшись с местными элементами старого оседлого населения и тяготевшая всегда более к югу, дала своеобразную культуру кубанских курганов, которую, несомненно, восприняли и разработали дальше последние сарматские пришельцы, аланы, понесшие свою культуру далее на запад, вплоть до крайнего запада Европы» (Ростовцев, 2013. С. 612-613). И далее: «Общий облик культуры сарматских курганов, как это мы видели для скифских, везде один и тот же. В деталях, однако, он меняется соответственно месту и времени,

местным культурным условиям и местному культурному развитию» (Там же. С. 613).

Выше со ссылкой на Ростовцева мы отмечали, что на Кубани (не на Таманском полуострове) курганы переходного времени отсутствовали или встречались редко. На основании анализа этого факта Ростовцев доказывает, что сарматская волна сплошным потоком прошла по южнорусским степям не раньше II в., когда новые сарматские племена осели на берегах Кубани (Там же. С.615). Эта кубанская волна двинулась и дальше; следы ее мы видим на всем протяжении степей юга России к северо-западу от Кубани и далее на запад по Дунаю в глубь Западной Европы. Сарматские племена наложили свою печать и на культуру Ольвии. Особенно сильное влияние «кубанский» сарматский уклад оказал на Боспор. Влияние было настолько глубоко, что можно с уверенностью сказать, что таковым оно не являлось даже в период расцвета взаимоотношений Боспора со скифами. Само собой разумеется, сарматы привнесли с собой свой культурный уклад. Через Боспорское царство произошло также тесное общение господствующих элит сарматов с греческим миром. В результате такого общения изменился весь уклад жизни Боспора. В культурном обиходе Боспора эта сказывается во всем: и в costume, и в вооружении, и в укладе быта и, наконец, в погребальном обряде греко-сарматское начало берет верх во II-III вв. н.э. Сарматская составляющая населения растет, и Боспорское царство становится не греческим или греко-фракийским поселением, как было раньше, а греко-сарматским. Такому явному превосходству сарматов во многом содействовал приход к власти во II в. до н.э. иранской династии в лице Митридата VI Евпатора, которая буквально слилась с родственной ей сарматской династией.

М.И. Ростовцев об этногенезе иранских народов

История любого народа начинается с вопроса его этногенеза. Скифам в южнорусских степях и Северном Причерноморье предшествовали киммерийцы. Вопрос их появления до сих пор будоражит воображение ученых, а мнения об их происхождении могут быть диаметрально противоположными. Причиной тому является, конечно же, отсутствие достоверных источников. Опираясь на античные предания, Ростовцев склонен был видеть в киммерийцах не иранцев, близких родственников скифов, а скорее племена, родственные предкам фракийцев, которые также были мигрантами с востока, и говорили на фракийском языке, одной из ветвей индоевропейского языка. По мнению ученого, продвигаясь на запад, киммерийцы дошли до Балканского полуострова. Основываясь на преданиях, Ростовцев предполагает родство киммерийцев с амазонками (Ростовцев, 1918. С. 31).

В науке считается несомненным факт вытеснения или покорения киммерийцев на берегах Черного моря еще более могущественной волной переселенцев с востока, носителей иранской культуры, скифов (Ростовцев, 1918. С. 32). Исходя из этого постулата, из того, что

на юге России скифам предшествовали киммерийцы, Ростовцев, конечно же, в своих изысканиях не может не коснуться и их. При этом сообщаемые им сведения о киммерийцах по сути были первыми в отечественном антиковедении. Ученый пишет о местах их расселения, о походе в Малую Азию, о взаимоотношениях со скифами, об амазонках, о вытеснении (покорении) их в конце VIII – начале VII вв. скифами.

Ростовцев считал этногенез киммерийцев спорным, хотя допускал их фракийское происхождение. В специальном разделе своей книги «Эллинство и иранство на юге России», посвященном киммерийцам и скифам, Ростовцев затрагивает вопросы взаимосвязи этих двух племен. Он считает киммерийцев близкими родственниками фракийцев, одной из ветвей яфетического племени (Ростовцев, 1918. С.30). Такого же мнения придерживались и некоторые скифологи (Артамонов, 1947. С. 47-48). В другом месте той же работы, со ссылкой на греческую легенду, Михаил Иванович повторяет ту же версию и дополняет ее мнением, что фракийские элементы могли быть привнесены киммерийцами (Там же. С. 59).

Между тем фракийское происхождение киммерийцев не установлено наукой. Их этногенез по настоящее время оспаривается, хотя большинство ученых путают их со скифами, считают их родственными ираноязычным скифам, видят в их этногенезе иранские корни. Иранскую этническую принадлежность киммерийцев первыми высказали иностранные ученые (Minns, 1913; Kreschme, 1923). В современной науке также преобладает мнение, что по своему языку киммерийцы относились к иранской ветви индоевропейцев (История, 1987. С.36). Да и сам Ростовцев, по всей вероятности, не был твердо уверен в их принадлежности к фракийскому миру, иначе бы не писал, что в Приазовье ким-

мерийцы внесли «первые элементы иранской культуры» (Ростовцев, 1918. С.122).

Вопрос об этнической принадлежности скифов в зарубежной и советской науке не вызывал особых разногласий. Научным сообществом признавалось их иранское происхождение и то, что они вторглись в Северное Причерноморье с востока, из Азии. Свое веское мнение об иранстве скифов и сармат высказал и Ростовцев, который характеризует сарматов как кочевое племя конных дружинников, чрезвычайно похожее на скифов, но отличающееся от них некоторыми новыми чертами. Ученый солидарен с Геродотом, который отмечал родство скифов и сарматов, подчеркивал, что сарматы (савроматы) говорят на языке скифов, издавна с ошибками (Геродот, IV.117).

Что касается скифов (они больше интересовали ученого), то вопрос их этногенеза до сих пор в определенной степени подвержен различным спекуляциям. В частности в постперестроечные времена нередко можно встретить не только безапелляционные заявления, но и целые монографии, в которых тюркоязычность скифов, сармат, алан возведена в абсолют, полностью игнорируя аксиому академической науки об их ирано-язычности.

Одним из первых этим вопросом занимался Ростовцев. Своими многочисленными исследованиями, в которых пустил в научный оборот письменные, археологические, эпиграфические, нумизматические и др. источники, подтвердил пользовавшееся в его время всеобщим признанием восточное происхождение скифов.

У самого Ростовцева не было устойчиво твердого мнения о скифах. С одной стороны, родство скифов, сармат и алан не вызывало у него сомнений, с другой,

он считал лингвистически недоказуемой принадлежность скифского языка к иранским. «Говорю лингвистически недоказуемым потому, что строить какое бы то не было заключение на основе единичных слов, сохранных нам греческими писателями, из которых большинство имена божеств и личные имена, с методологической точки зрения недопустимо» (Ростовцев, 1989. С. 200).

Между тем такое категорическое суждение ученого беспочвенно. К тому же нам в наследство от скифов остались не только сообщаемые греками названия божеств и личные имена, но и более 200 словарных основ, дающих материал для грамматического анализа. И еще. Ко времени написания работы М.И. Ростовцева уже были известны труды В.Ф. Миллера, в которых недвусмысленно была доказана принадлежность скифского языка к иранской группе языков. Еще более основательно, фундаментально эта аксиома была подтверждена В.И. Абаевым в специальном научном очерке, посвященном скифскому языку. В ней он подверг всестороннему грамматическому анализу скифский язык, используя для этого сохранившиеся словарные основы. Заключение ученого остается незыблемым и поныне: «В каждом разделе нашего очерка, – в лексике, фонетике, словообразовании – мы получили некоторую сумму положительных, твердых и бесспорных данных, которые не могут быть поколебимы никакими будущими изысканиями и открытиями. Эти данные характеризуют скифский язык как иранский язык, обладающий чертами своеобразной и хорошо выраженной индивидуальности. Из всех известных иранских языков он ближе всего к осетинскому. Эта близость настолько ярко отмечена такими чертами преемственности, что скифский и осетинский языки могут рас-

сма­тривать­ся как две ступени раз­ви­тия од­но­го и то­го же язы­ка» (Абаев, 1949. С. 239). Осетинский язык на Кав­ка­зе про­дол­жа­ет тра­ди­ции скифского языка, как ягнобский язык тра­ди­ции согдийского языка (Там же).

Не существовало единого мнения о происхождении скифов и во времена М.И. Ростовцева. Одни считали скифов чистыми иранцами, другие – туранцами, третьи – смешанными племенами кочевников (иранцы, туранцы и другие этнические элементы). Сам Ростовцев придерживался мнения об иранском их происхождении, разделял мнение об их восточных корнях и одновременно признавал ту большую роль, которую они сыграли в исторических судьбах России, подчеркивал, что они внесли огромный вклад в сокровищницу мировой культуры (Ростовцев, 1918. С.7). Подтверждением вышесказанному может служить название книги «Эллинизм и иранство на юге России», которая является одним из основных трудов ученого и в которой ираноязычным скифам отводится доминирующее место.

Как было отмечено выше, этногенетическое родство скифов и сарматов не вызывало сомнений у М.И. Ростовцева. Подчеркивая ираноязычие сарматов, он находил много общего у них со скифами: и те, и другие являлись конными рыцарями... мало отличаются и строй государственной жизни. Сравнивая сарматов со скифами, Ростовцев подчеркивает, что они «от подвергшихся сильному влиянию греческой культуры скифов, отличаются, прежде всего, большой грубостью и дикостью. Вместо лука и стрел у сарматов в вооружении – длинные мечи и огромные копья. В их вооружении много общего со скифами. Как и скифы, они конные рыцари, но главным оружием их являются уже не луки, а длинные мечи... Как и скифы, они защищены чешуйчатыми панцирями из костяных или железных

чешуек... Внешний облик их такой же, как и у скифов: длинные волосы и бороды, восточная одежда, похожая на одежду парфян, штаны...» Ученый заостряет внимание и на различиях между сарматами и скифами: «Сарматам удается то, что не удалось скифам. Они проникли глубоко в Западную Европу, дойдя до Испании. С собою они понесли свои вкусы, свою культуру, свои любимые формы. Вещи сарматского типа, целые типичные погребения мы находим и в Австрии и даже в далекой Нормандии» (Там же. С.139).

Ростовцев был одним из первых, у кого иранское происхождение сарматов не вызывало сомнения. Близкое родство сарматов со скифами сказывается не столько в бытовом отношении (бытовые черты у всех кочевых племен являются более или менее общими), сколько в языке. А язык сарматский похож на скифский, на что обратил внимание и Геродот. «Теперь уже никто не сомневается в этнической принадлежности сарматов к скифскому племени», – писал Ростовцев. (Там же. С. 153). Михаил Иванович полностью разделял мнение Геродота, который характеризует сарматов как кочевое племя конных дружинников, чрезвычайно похожее на скифов, но отличающееся от них некоторыми новыми чертами». И далее: «Новейшие лингвистические исследования в области изучения осетинского языка (осетины – отдаленные потомки алан, конечно очень смешанные) подтвердили это сближение, выяснив с несомненностью, что сарматы были иранцы» (Там же. С. 129). Одним из первых Ростовцев характеризует сарматские племена (языги, роксаланы, сираки, аорсы, аланы), последовательность их пребывания на запад и места их размещения (Там же. С. 128). «Появление сарматов не прошло бесследно. Оно способствовало появлению в римских провинци-

ях нового стиля – романского, повлияло на так называемый готический и внесло свою лепту в историю западноевропейского искусства» (Там же. С. 139).

Спорным для Ростовцева остается также вопрос о взаимосвязи сармат и алан. Как считает Михаил Иванович, сарматские племена шли на запад одни за другими. По всей вероятности, первыми были ясы, за ними шли роксаланы, затем сираки и аорсы, и, наконец, последними аланы. Согласно Ростовцеву, аланы были самостоятельным племенем, хотя в последующие годы ряд ученых-алановедов доказывал обратное. По Е.И. Крупнову, аланы во II в. были известны под именем роксалан (СИЭ, 1961. С. 330). К.Ф. Смирнов же считает, что аланы выжили в недрах аорской конфедерации сарматских племен (Смирнов, 1950. С. 108). Считает одним народом сармат и алан известный польский ученый Т. Сулимирский (Сулимирский, 2010. С. 7). По мнению же В.А. Кузнецова, после войны аорсов и сираков в 49 г. оба этнонима исчезают и заменяются именем – аланы (Кузнецов, 1992. С. 5).

Михаил Иванович был одним из первых, кто в своих трудах упомянул и об амазонках. Он приводит греческую легенду, согласно которой амазонки из южного берега Черного моря (р. Фермодонт) буря перебрасывают на берега Азовского моря. Высадившись здесь, они встретились со скифскими юношами, вступили с ними в брак и заняли область, позднее занятую савроматами – потомками амазонок и скифов. Этой легендой сведения об амазонках, приводимые Ростовцевым, не ограничиваются. Амазонки вошли в историю как воительницы. Другая легенда им приписывает слова: «Мы стреляем из лука и мечем дротики, и ездим верхом, женским же работам мы не обучены». Как выявлено Ростовцевым, «ряд сидевших здесь (Азовское

побережье. – А.Ч.) в позднейшее время племен сохранил в своем строе исключительную роль женщин, выступающих не только как воительницы, но и как предводительницы и воинственные царицы целых племен» (Ростовцев, 1918. С. 29). Ученый, конечно же, имел в виду сарматские племена. Легенды об амазонках получили распространение и среди греческого населения Причерноморья.

Некоторые противоречия можно найти в суждениях М.И. Ростовцева о сарматах и савроматах. С одной стороны, он выражает сомнение в их идентичности, считает вопрос трудным и спорным, допускает, что савроматы не имеют ничего общего с позднейшими сарматами (Ростовцев, 1989. С. 200). В качестве примера неидентичности этнонимов «савроматы» и «сарматы» Ростовцев отмечает, что «во всех наблюдениях над бытом, государственным и военным строем сарматских племен нигде нет и намека на особую роль женщины в жизни сарматов» (Ростовцев, 2013. С.113). Ученый допускает идентичность этих этнонимов. В том же исследовании далее он пишет, что «это имя (сарматы. – А.Ч.) тождественно с именем савромат и представляет только иную его транскрипцию» (Там же. С.111).

Здесь мы возьмем на себя смелость подкорректировать великого ученого. Со времени написания этих строк появилось большое количество работ, посвященных савроматам-сарматам. Более того, сарматология даже выделилась в специальное научное направление. Как показывают труды известных специалистов по савроматам и сарматам: «Савроматы – кочевые племена, жившие с VII по IV вв. до н.э. в поволжско-приуральских степях. По своему происхождению, языку и культуре были очень близкие к скифам» (СИЭ, 1969. С.454). В III в. до н.э. с востока один за другим стали

продвигаться на запад сарматские племена. «Эти племена, первоначально выделенные именем сарматов, постепенно сливаются в представлениях античных писателей со старыми савроматами; их постепенно начинают обозначать *promisne*, то именем савроматов, то именем сарматов, причем, однако можно заметить, что первое имя господствует там, где мы имеем дело со сведениями, взятыми из старой литературы, второе – там, где нам говорят о племенах-завоевателях, подвинувшихся, начиная с III в. до Р. Хр. из-за Дона на степи Южной России» (Ростовцев, 2013. С.111). В савроматской среде вызрели наиболее крупные союзы сарматских племен. Последних никак нельзя оторвать от собственно савроматов ни по образу жизни, ни по погребальному обряду, ни в целом по материальной культуре, савроматы – непосредственные предки многих сарматских племен (Смирнов, 1984. С.9-10). Таково мнение крупного сарматолога К.Ф. Смирнова. Здесь в качестве аргумента можно сослаться и на других авторов, однако нам кажется, что в этом нет особой необходимости.

Из всего вышеизложенного вытекает следующее. Савроматы являются теми же сарматами, но та их группа, которая с VII по IV вв. была уже на западе. В III в. до н.э. оставшаяся на востоке их часть также двинулась на запад и прибыв на юг России стала смешиваться с родственными им племенами.

Некая путаница случилась и в литературных источниках. К примеру, установлено, что языги являются сарматским племенем, а у Арриана языги зовутся савроматы, часть их (Ростовцев, 2013. С.69). У Помпония Мела сарматы называются женоуправляемыми, хотя другие литературные источники относят это к савроматам, до их смешения с сарматами. Страбон также

не последователен в терминологии. В некоторых местах он упоминает женоуправляемыми савроматов, в других же говорит то же самое о сарматах эллинистических географов. Получается некая терминологическая путаница.

Причину многих неясностей и спорных моментов в сопоставлении савроматов и сармат Ростовцев объясняет в том числе и следующими доводами. «Первоначально они (сарматы. – А.Ч.) совершенно затенены скифами, но постепенно они выдвигаются все резче на первый план и только обрывочность нашего предания, а также и то, что в античном предании сарматы не нашли своего Геродота или Посидония, виною тому, что эллинистическое и римское предание о сарматах не может померяться своей обширностью и содержанием с геродотовскими преданиями о скифах» (Там же. С.115)

Однако истории известны времена, к примеру III в. до н.э – III в. н.э., когда в источниках одновременно упоминаются и скифы, и сарматы, и аланы, или же сарматы и аланы покрываются именем «скифы». В этих временных рамках скифы и сарматы были современниками на протяжении шести столетий, а уже с I по III вв. н.э. на историческую арену выходят родственные им аланы. Данное обстоятельство, а также родство (ираноязычность), существовавшее между этими тремя группами племен, приводило к путанице племенных названий (алан и сармат часто выдавали за скифов). Этому вопроса касаются исследователи Г.М. Бонгард-Левин и Э.А. Грантовский в своей известной монографии «От Скифии до Индии» и дают данному обстоятельству следующее объяснение. С эпохи Великого переселения «вплоть до монгольских завоеваний сильно изменили этническую карту степных пространств

Евразии: обитавшие здесь ираноязычные племена и народности смешались с тюркскими племенами и народами, такими как печенеги, половцы, узбеки, туркмены, казахи. В древности эти степные территории были в основном заняты ираноязычными племенами. Тогда к ним, в том числе к сарматам и аланам, прилагалось общее название «скифы», но собственно скифами... называлась одна группа племен Юго-Восточной Европы» (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С.25).

Во взаимоотношениях скифов и сармат было зафиксированно немало случаев противостояния. Ростовцев отмечает, что, несмотря на этногенетическое родство, внутри иранского мира не всегда наблюдалось единство. Он приводит конкретные факты того, когда преобладала сиюминутная выгода, и скифы и сарматы выясняли отношения между собой. Во II в. до н.э., скифы в союзе с царем Боспора Фарнаком II, сыном Митридата VI Евпатора, усилили свой напор на Херсонес. Римское владение Херсонес был вынужден заключить союз с сарматской царицей Амагой, благодаря чему и спасся. Сарматы наседали на скифов с севера и востока (Ростовцев, 2013. С.137-138). Тот же Фарнак II в борьбе с Асандром, которому он в свое отсутствие поручил управлять Боспором, и который выступил против него, опирался на воинский контингент скифов и сармат. Боспорского царя Савромата I (I-II вв. н.э.) в его борьбе со скифами поддержали также сарматы (Пуздровский, 2001. С.107). Когда же из-под влияния римлян или боспорцев выходили скифо-сарматские объединения, против них были направлены сармато-аланские отряды (Там же. С.111). В одной из войн, к примеру, часть скифов с греками воевала со скифами и сарматами. Римский император Нерон (I в. н.э.) одновременно воевал со скифами, сарматами

и аланами. Так, легат римской провинции Мёзии, Тиберий Сильван Элиан по приказу Нерона оказал помощь Херсонесу в отражении нападения скифов и сарматов. Сильван Элиан готовил большой поход в район Черного моря и ставил задачей разбить грозное племя сарматских алан, стихийное движение которых в Придонских степях подталкивало прежде осевшие на территории от Дона до Дуная сарматские племена на дунайские провинции Римской империи (Там же. С.80-81). Истории также известны факты, когда аланы воевали на стороне Боспорского царя Митридата против скифской державы. Подобная ситуация сохранялась в Боспоре вплоть до конца III в., «когда сфера политического влияния Рима все более суживается, и старая греко-иранская жизнь на юге России все более увядает. В III в. н.э. скифы окончательно потеряли свою самостоятельность и этническое своеобразие, растворились среди племен Великого переселения народов. Греко-иранский период в истории юга России кончается, и начинается новый, где руководящую роль играют германские готы и ...тюркские племена...» (Там же. С.84).

Штрихи к политической истории скифов и сармат

Доиранский и догреческий юг России

Монография М.И. Ростовцева «Эллинизм и Иранство на юге России» начинается с небольшого предисловия, в котором автор акцентирует внимание читателя на той важнейшей роли, которую играет юг России в истории мировой культуры. Автор сетует на то, что «Мы чрезвычайно мало знаем и очень мало интересуемся нашим прошлым, особенно тем прошлым, которое не кажется, на первый взгляд, связанным с нашими судьбами» (Ростовцев, 1918. С.V), и далее задается вопросом: «какая может быть связь между эллинами и иранцами, сидевшими на юге России в эпоху, когда о славянах и русских мы ровно ничего не знаем, с нашей историей и нашей культурой» (Там же). Этот вопрос, а именно – установление взаимосвязи и преемственности эпох, эллинистической и иранской со славянской и впоследствии русской, и является основной идеей написания его труда.

Но прежде чем перейти к истории появления ираноязычных племен и эллинов в южнорусских степях,

Ростовцев с присущей ему основательностью исследует прошлое юга России начиная с первых исторических сведений и характеристики археологических эпох до начала греческой колонизации. Обозревая доиранский и догреческий период этой обширной территории с его богатым историческим прошлым и невероятным археологическим наследием, Ростовцев исследует цивилизации Малой Азии, Закавказья, Северного Кавказа, Ассиро-Вавилонии, Египта, Хеттской державы. Трудно не согласиться со всеми положениями и выводами автора, которые он делает в ходе исследования. И все же я позволю себе сделать некоторые комментарии, касающиеся оценки Ростовцевым значения юга России в позднебронзовую эпоху. Автор пишет: «Вся богатейшая в Западной Европе эпоха развитого бронзового века на юге России представлена только немногими случайными находками, не позволяющими судить о господствовавших в это время культурных связях» (Там же. С.25). Нам думается, что М.И. Ростовцев не совсем прав, утверждая, что в отличие от Западной Европы, на юге России эпоха бронзы представлена лишь «немногими случайными находками» (Там же). Долгое время в научных кругах наиболее развитой позднебронзовой культурой считалась Гальштадтская (Германия). Однако в 70-х годах XIX в. была открыта более богатая и более высокоразвитая Кобанская позднебронзовая культура, которая приобрела широкую известность в мировой археологии. Более того, учеными определено, что происхождение Кобанской культуры, как и Тлийской культуры, обнаруженной на южном склоне Центрального Кавказа, является местным.

В действительности в этом регионе, охватывающем бассейны впадающих в Черное, Азовское и Каспийское

моря рек Днестра, Буга, Днепра, Дона, Волги и Урала, в пространстве между Каспийским и Черным морями разворачивались яркие исторические события в древности. Подчеркивая геополитическую значимость региона, Ростовцев писал: «Область южнорусских степей поставлена была в ближайшую связь с рядом важнейших центров культурного развития древнего мира. Она была, прежде всего, естественным продолжением могучего иранского мира, определяющего собой культурную физиономию прикаспийской и приаральской Азии и тесно связанного с культурным миром Месопотамии» (Ростовцев, 1918. С.2). Через Кавказ южнорусские степи поддерживали связи с культурой и древней цивилизацией Малой Азии и Закавказья. Они же имели непосредственные контакты с восточной частью Европейского континента, точнее, с севером Балканского полуострова и с югом Средней Европы. Последняя, в свою очередь, посредством Черного моря соединяет южнорусские степи и с греко-латинским миром, что, естественно, отразилось и на культурной карте юга России. Продолжая свою мысль, Ростовцев пишет: «Степи юга России объединили в себе все названные выше, определяющие мировое развитие, культурные струи, взаимодействие которых создало тот культурный облик степей юга России...». Роскошные травы, тучные поля и нивы, леса и судоходные реки и другие богатства... привязывали поселенцев к этой благословенной стране и заставляли «их пытаться создавать здесь сильные государственные образования» (Там же. С.4-5). Подводя итог вышесказанному, ученый подчеркивает следующее: «Древнейшим из нам известных прочным государством в степях юга России была, несомненно, скифская держава, просуществовавшая здесь непрерывно ряд столетий». Как ни разрешат вопрос о наци-

ональности скифов, считать ли их чистыми иранцами, или чистыми туранцами... или, наконец, что наиболее вероятно, смешанным племенем кочевников, куда входили, прежде всего, иранские, затем туранские, а может быть и другие этнические элементы, несомненно, что этот народ в культурном отношении всецело связан с востоком, т.е. с той культурой, которая царила в области распространения алародийских и иранских племен и один из аспектов которой нам хорошо известен по вещественным памятникам, религии и государственности великого персидского царства» (Там же. С.6-7).

Скифы

История античности на юге России по существу состоит из двух составляющих – варварского (иранского, скифо-сарматского) и греческого. Выше мы уже говорили о причинах, которые привлекали мигрантов на юг России. С самого первого своего появления на Северном Причерноморье скифы громко заявили о себе военными действиями против киммерийцев, населявших южнорусские степи. Одним из первых о вытеснении скифами киммерийцев с занимаемой ими территории писал М.И. Ростовцев. С VII по V вв. скифы адаптировались на новых территориях, постепенно заселяя и обживая их. Тогда же мы можем говорить о возникновении первой государственности у скифов. Скифы упрочили свое положение на севере Черного моря, добились определенных успехов во внутренней и внешней политике. Вслед за скифами в бассейн Черного моря потянулись греки из Малой Азии. Вот как Ростовцев пишет о причинах образования городов-колоний, увязывая их со скифами: «Постепенное упроче-

ние скифской державы, сделавшее возможным установление регулярных торговых отношений с соседями, поднявшаяся, благодаря этому упрочению, производительность самой подвластной скифам страны и подчиненных скифам, ими покоренных, племен должны были привлечь к побережью Черного моря особое внимание эллинов, особенно малоазиатских, уже давно знакомых с плаванием по Черному морю для сношений с его южным побережьем и с кавказскими гаванями и постепенно устанавливавших там свои торговые фактории» (Там же. С.36). Колонии, превратившиеся в крупные торговые центры, сыграли цивилизующую роль на население Северного Причерноморья. В результате возникают торговые города-фактории как на южном, так и на северном побережье Черного моря.

На примере археологического материала Ростовцев показывает, как в результате взаимовыгодных соседских взаимоотношений черноморских эллинов и скифов жизнь и быт скифов кардинально меняются в лучшую сторону, как вследствие взаимовыгодной торговли все более усиливается экономическое положение жителей южнорусских степей, как обогащаются скифские цари, и т.д. Таким образом, Ростовцев был первым из ученых, который раскрыл причины появления на черноморском побережье колоний, основанных малоазиатскими греками.

Описание Ростовцевым истории, государства и образа жизни скифов остается хрестоматийным и по сегодняшний день. В своих работах Михаил Иванович рассказывает о расселении скифов, об укреплении их государственности, о политических, экономических и культурных связях с греческими городами-государствами, особенно укрепившихся после создания Боспорского царства. Упоминает Ростовцев и создание

Великой Скифии в IV-III вв. до н.э., которая достигла апогея своего могущества при царе Атее. Ученый характеризует особенности хозяйственной жизни населения в разных районах обширной Скифской державы, которая территориально охватывала Прибужье, Приднепровье, степные территории Крыма, Керченский п-ов, Придонье и Прикубанье.

В период своего наибольшего могущества в Скифии проживали три основные группы. Это были царские скифы, скифы-земледельцы (пахари) и скифы-скотоводы, или кочевники. Каждая из этих групп имела своего царя. Территории, которые занимали эти группы, в свою очередь состояли из округов – номов.

Карта Скифии

Доминирующую роль в Великой Скифии играли царские скифы. Район их расселения включал в себя степной Крым и степи между реками Днепр и Донец. Хотя каждая территория имела своего царя, само название этой группы («царские скифы») свидетельствует о том, что их царь был общескифским, ему подчинялись два других царя. Свои выводы о значении Крымской Скифии, ее успешности во внутренней и внешней политике, Ростовцев иллюстрирует археологическим инвентарем из знаменитых курганов Келермес, Елизаветград, Куль-Оба, Золотой курган и др. (Абаев, 1990. С.368-381).

Как отмечает Ростовцев, западная часть Скифии к моменту захвата ее скифами имела густо расселенное население с высокой земледельческой культурой. Слова Ростовцева о том, что скифы учились земледелию у европейских народов, следует понимать буквально, ибо до обоснования на Северном Причерноморье их быт был кочевническим. Новая среда обитания сказалась на их образе жизни, о чем Ростовцев пишет следующее: «На западе – картина иная. И здесь существовала своя старая и самобытная культура, но связанная не с востоком, а с западом, с северной частью Балканского полуострова и со средней Европой. Иранство встретило здесь более чуждый ему и более цепкий уклад жизни и только покрыло его наносом своей культуры» (Там же. С.76). Пришельцы-скифы не конфликтовали с местным населением, а установили мирные отношения. Со временем кочевой быт скифов сменился оседлым, земледельческим, и тем самым произошла основательная трансформация всей скифской культуры. «Под влиянием местных условий скотоводы-кочевники превращаются здесь в помещиков-земледельцев», – пишет Ростовцев (Там же).

Правильность высказываний Ростовцева находит убедительное подтверждение и в скифо-осетинских языковых и этнографических параллелях. Обратимся сперва к языковым параллелям. Прочитывая Ростовцева («Скифы учились земледелию у европейских народов»), В.И. Абаев далее констатирует: «Языковые данные полностью это подтверждают. Фактом является то, что в осетинском нет, пожалуй, ни одного земледельческого термина, кроме названия проса, который можно было бы с уверенностью возводить к общеиранскому и общеарийскому. Вместе с тем ряд ... терминов... – имеют соответствия в языках европейских: «*xsurf*» серп – в славянских и балтийских «*fsir*» колос – в германских, *fsonz* ярмо – в балтийском, германском и, может быть, латинском, «*stivz*» штифт (скрепляющий ярмо с дышлом) – в германском, «*fæxt* \ *fæstæ*» ступа (для толчения) – в славянском и балтийском, «*tillæg*» урожай – в германском. Сюда следует, быть может, отнести «*æluton*» пиво, поскольку приготовление пива неотделимо от культуры ячменя» (Абаев, 1965. С.143). Что касается этнографических параллелей, то своими изысканиями земледельческой культуры осетин Л.А.Чибиров выявил гораздо более существенные осетино-европейские параллели в области земледельческих обычаев и обрядов, нежели аналогичные схождения с соседними народами Кавказа (Чибиров, 2008. С.508).

Исходя из изложенных выше языковых и этнографических аргументов, определенно можно предположить: из трех ветвей скифского мира, этногенетические нити осетин восходят непосредственно к скифам-пахарям. В этой связи сомнения некоторых археологов относительно того, являются ли скифы-пахари этническими скифами, приписывание им славянского происхождения, не имеют основания (Артамонов, 1947. С.79-80; Тереножкин, 2012. С.14-15).

Весьма интересен и процесс адаптации западной группы скифов, так называемых скифов-пахарей к местному оседлому населению. Анализ археологического материала из этих мест, взятого в основном из погребений, позволил Ростовцеву заключить, что в могилах превалирует местный инвентарь, который усвоили и сами скифы-пришельцы. Под влиянием местного населения прежним осталась и форма погребения. При этом в захоронениях лежали обособленно иранские, греческие и ирано-греческие предметы. Сильное влияние местной среды сказалось и на форме хозяйствования. Ученый придерживается теории принадлежности скифов-пахарей к ираноязычным племенам, отвергая мнение об их славянских корнях. Как свидетельствует археологический инвентарь (железные орудия труда, керамика оригинальных форм), прежнее население было связано с западным миром. Однако с VII-VI вв. до н.э. среди находок уже появились предметы восточного происхождения, что является археологическим подтверждением прихода на Северное Причерноморье с востока скифских племен. К очерченным Геродотом границам расселения земледельческого населения на западе Ростовцев наряду с Прибужьем и Приднепровьем почему-то причисляет и Прикубанье, которое расположено на востоке. Вполне возможно, что тем самым ученый хотел обозначить территорию на Северном Кавказе, где, так же как и в западных регионах, занимались земледелием.

И наконец, северо-восток и восток Скифии занимали скифы-скотоводы, скифы-кочевники.

Рубеж IV-III вв. оказался неблагоприятным для Скифии. После распада державы Атея Скифия переживает серьезный политический кризис, в ходе которого одну за другой теряет свои провинции. От нее отде-

ляется Боспор, который становится сильным соперником для Скифии, крепнет Херсонес, и укрепляются племена меотов, жившие на восточном и юго-восточном побережье Азовского моря, или, как его называли в древности, Меотийское озеро. Наконец свою силу и мощь скифам продемонстрировала македонская империя во главе с царями Филиппом и Александром. Великая Скифия оказалась в критическом состоянии (Ростовцев 1918. С.42-43).

Однако с распадом Великой Скифии на политической карте мира появляется новое скифское государство. Крымская Скифия (или Тавроскифия) была территориально значительно меньше Великой Скифии, но, в отличие от нее, являлась более передовым, развитым государством, в том числе и в социально-экономическом плане. На сей раз государство состояло из оседлого земледельческого населения, было хорошо организованным с четко очерченными границами, крепкой центральной властью и элинизированной верхушкой. Оно было передовым и в смысле социально-экономического развития. В период второго скифского царства при царе Скилуре возникает и отстраивается новая столица – город Неаполь Скифский, расширяется территория государства за счет захвата ряда сельских поселений и мелких городов. В Тавроскифии появляется письменность на греческой основе, интенсивными стали межгосударственные отношения с соседними государственными образованиями: Боспорским царством и Херсонесом. Это новое государство в первые три столетия своего существования (III-I вв. до н.э.) вело ожесточенную борьбу с греческими колониями Северного Причерноморья, исход которой был не в пользу скифов. Сын царя Тавроскифии Скилура Палак после смерти своего отца решил подчинить

своей власти Херсонес Таврический, однако тому на помощь выдвинулись войска Боспорского царя Митридата Евпатора под командованием Диофанта. Диофант разбил войска Палака, Тавроскифия утратила самостоятельность и была поделена Митридатом на несколько территорий. Греческие колонии, в том числе и Херсонес, утратили независимость и попали сперва в зависимость от Боспорского царства (Понта), а с ее падением вошли в состав Римской империи.

Территориально Тавроскифия была значительно меньше Скифского царства, однако она имела ряд своих особенностей, важнейшей из которых было наличие четко обозначенных границ, которые государство могло защищать от внешнего воздействия, в частности от сарматов, которые то и дело совершали набеги на территорию степной Скифии. Государство консолидирует проживавшие в нем этнические группы. Именно в период существования Тавроскифии термин скиф стал обозначать новую народность, в составе которой скифы составили лишь часть. В период существования Крымской Скифии население полностью переходит на оседлость. Ростовцев подробно исследует историю Тавроскифии, которая ставила своей задачей возрождение мощи Великой Скифии. При этом он скептически замечает, что о возрождении Скифской державы в прежних границах не может идти речь, ибо были потеряны Прикубанье, Приазовье, Придонье, Приднестровье и Прибужье, т.е. значительная часть территории. Тавроскифия, наряду с небольшим царством в Добрудже, на севере Балканского полуострова, известным еще под названием Малая Скифия, так и остались небольшими осколками бывшей Великой Скифии.

Сопоставляя оба скифских государства, Ростовцев выявляет много нового и особенного в Тавроскифии. В

отличие от первого царства, у скифов появилась своя столица. Неаполь Скифский располагался недалеко от нынешнего Симферополя. Наибольшего расцвета Тавроскифия достигла в первой половине II в. до н.э., под предводительством царя Скилура, которого современники характеризовали как незаурядную личность. Однако, как было нами сказано выше, с воцарением сына Скилура Палака Крымская Скифия ушла в небытие.

Что касается государственного устройства, то Скифское царство, по мнению исследователя Д.А. Щеглова, – это «варварское государство эллинистического типа с крепкой центральной властью и эллинизирующей верхушкой» (Щеглов, 1978. С.37). Это было крупное и серьезное государственное образование с определенным стремлением к дальнейшей территориальной экспансивности, направленной, главным образом, на запад, в пределы Фракии (Ростовцев, 1918. С.40). Именно неоправданная экспансия на запад, в данном случае поход на Херсонес Таврический, и погубила в конечном итоге это царство. Будучи более организованной и устойчивой в плане государственного строительства, Крымская Скифия с переменными успехами просуществовала до III в. н.э.

Историческая, концепция созданная Ростовцевым, в целом принята скифологией. Однако некоторые ее положения вызывали противодействие его коллег. В частности, в работах антиковеда Д.П. Каллистова звучит много интересных мыслей и наблюдений о скифах, хорошо показан более сложный, чем казалось М.И. Ростовцеву, состав античной традиции. Наряду с реалистической и идеализирующей тенденциями в описании скифов Д.П. Каллистов выделяет склонность к преувеличению жестокости и дикости скифов, а

также более позднюю христианскую тенденцию. Согласно Каллистову не соответствует истине и утверждение Ростовцева об отсутствии единой ионийской традиции, оказавшей существенное влияние на позднейшую литературу о Северном Причерноморье (Каллистов. 1945).

Сарматы

В IV в. до н.э. со скифами случилась ровно та же история, что и с киммерийцами три столетия назад. А именно, начиная с IV в до н.э. с востока на запад вглубь скифской державы двинулись новые иранские племена, которых греки называли общим именем сарматы. М.И. Ростовцев описывает последовательность продвижения на запад сарматских племен. Дальше всех (до Дуная) ушли языги, между Доном и Днепром обосновались роксаланы, по течению Кубани – сираки, а выше них – аорсы. Позднее на исторической арене появились аланы. (Начиная с эпохи Римского владычества все сарматские племена стали называться аланами). Процесс вытеснения скифов происходил постепенно; постепенно же географический и политический термин «Скифия» сменяется «Сарматией». Следует полагать, что из-за близких этнических связей ассимиляционные процессы в скифо-сарматской среде протекали быстрее обычного.

Нами уже было отмечено некоторое противоречие в суждениях Ростовцева о сарматах. С одной стороны, он подчеркивает, что бытовавшее в сарматском обществе исключительное положение женщины (в их военной и политической жизни) является плодом влияния киммерийцев (Ростовцев, 1918. С.34), а с другой,

ссылаясь на мнение греков, считает главным отличительным признаком сарматов, или савроматов, особое положение, которое занимала женщина в сарматском обществе (Там же. С.127-128).

Надо полагать, что мнение ученого о формировании роли женщины у сарматов под влиянием киммерийцев и фракийцев все же не совсем верно. Не соответствует действительности и мнение Ростовцева о том, что матриархальные черты сармат перешли к ним от соседних синдов. Как свидетельствуют источники, черты матриархата сарматы ни от кого не переняли: среди соседних и других народов они выделялись именно ярко выраженным матриархатом и высоким общественным положением женщины. Об этом писал и крупнейший ученый-сарматовед К.Ф. Смирнов (Смирнов, 1964. С.201). В том же ключе высказывался и известный скифолог Б.Н. Граков (Граков, 1947). Академик Жебелев, характеризуя киммерийцев и другие варварские племена, описывая сарматов, говорит о том важном значении какое в их быту имела женщина, не сомневаясь, что это явный показатель существования у них в свое время матриархата (Жебелев, 1938. С.154). Да и древние авторы, начиная с Геродота, обратили внимание на эту особенность общественного строя сарматов. «Народ савроматов управляется женщинами», – писал греческий мореплавател и географ Скилак Кариандский (V-IV вв. до н.э.) (Античная, 1990. С.44).

Итак. Особенностью сарматского государственного строя была гинекократия, т.е. высокое положение женщины в обществе, попросту говоря матриархат, положение, по которому женщина наряду с домашними работами является, наравне с мужчинами, воином (умело метает дротики, стреляет из лука) и может ру-

ководить и племенем (Таргитао, Амага). Что касается синдов, то у них почитание женщины не наблюдалось в начальный период их истории (I тыс. до н.э.), а появилось лишь в начале нашей эры, когда «синды подверглись сарматизации, приведшей к их ассимиляции с сарматами» (СИЭ, 1969. С.882).

В трудах Ростовцева не полностью исследован вопрос о сармато-римских взаимоотношениях. Классифицируя сарматские племена, Ростовцев не упоминает племя языгов, которые имели весьма сложные отношения с Римской империей. Дело в том, что языги постоянно находились в состоянии войны с Римом, которые всегда продолжались с переменным успехом. Вначале военная фортуна была на стороне языгов, но в очередной войне в 175 г. римляне взяли вверх, и на правах победителя увели в плен 8 тысяч тяжелооруженных воинов. Из них 5,5 тыс. человек были отправлены в Британию (на границу Римской империи с Шотландией) для защиты северных рубежей империи от постоянных набегов горцев Шотландии (Литтлтон. Малкор, 2007. С.35). После победы над языгами император Марк Аврелий принял титул «Сарматский» и даже чеканил соответствующие монеты.

В V разделе книги об «Эллинстве..» Ростовцев пишет, что савроматы (суть сарматы. – А.Ч.) жили в устье Дона «часть которых вероятно составляли яксоматы, и так называемые меоты, т.е. племена Приазовья, и племена, населявшие Кубанскую область: дандарии, фатеи, псессы и, наконец, синды» (Ростовцев, 1918. С.122-123). Ростовцев ошибочно допускает принадлежность синдов, меотов и сармат к одной этнической группе (Там же. С.122), утверждая, что и языки, на которых они говорят, не разнятся друг от друга (Там же. С.34-35). Между тем меоты и синды в этническом пла-

не не имеют ничего общего с ираноязычными сарматами. Меоты являются собирательным именем адыгских племен, куда входили и синды (СИЭ. 1961. С.122; 1969. С.882). В этническом смысле, меоты являются древними предками адыгейцев, черкесов и кабардинцев (История, 1967. С.450), язык же их относится к кавказской языковой семье.

Неточны и предложенные Ростовцевым географические рамки расселения сарматских племен, от Тобола до Волги (Ростовцев, 2012. С.95). В действительности западные границы расселения сармат проходили не по Волге, а по Истру, то есть по Дунаю. Судя по контексту, не соответствует действительности и утверждение, что аланы, наравне с другими сарматскими племенами (роксаланы, аорсы, сираки, языги), сошли с исторической арены в IV в. (Там же. С.95). В действительности же, они исчезли как народ лишь после разгрома Алании Хромым Тимуром в конце XIV века.

Спорным остается вопрос о взаимосвязи сармат и алан.

По мнению М.И. Ростовцева, наряду с языгами, роксаланами, аорсами, сираками, аланы являются одним из сарматских племен, которое на начальном этапе развития было автономным. Однако со временем в их состав влились как сираки, жившие в верховьях Кубани, так и более многочисленные аорсы, жившие в бассейне р. Терек на Центральном Кавказе. В другой своей работе Ростовцев поддерживает исследователей, считавших верным тождество аорсов и алан. Он писал: «Происхождение аорсов и аланов известно... Аорсы западных источников являются йен-тсай китайских анналов и спустя некоторое время после 25 г. по Р. Хр. другое племя одержало вверх над ними и дало собственное наименование всей конфедерации

кочевников, которую оно контролировало. Не случайно название аорсы исчезает из западных источников во второй половине I в. по Р.т Хр., когда на его месте оказывается этноним аланы» (Ростовцев, 1993. С.92). Это мнение Ростовцева верно лишь отчасти, ибо кроме аорсов под понятие алан попало и другое сарматское племя сираков; о чем свидетельствует следующее: после войны между аорсами и сираками в 49 г. оба этнонима исчезают. Поэтому ближе всех к истине подошли Ю.С. Гаглойти (Гаглойти, 1964, С.46) и В.А. Кузнецов (Кузнецов, 1992. С.5), по мнению которых аорсы и сираки были этнической основой алан Северного Кавказа. Мнение, утверждающее, что аланы являются совокупностью этнических групп сарматских племен, разделяют кроме Ростовцева и другие ученые, такие как Фрай, Абаев, Малахов.

Относительно алан Ростовцев допускает еще одну неточность. Во время Великого переселения народов (IV – нач. VII в.) сармато-аланы продвинулись не только до Испании, как пишет ученый (Ростовцев, 1918. С.139), но, переплыв Гибралтар, вместе с вандалами оказались на севере Африки, где создали Алано-Вандалское королевство со столицей в г. Карфаген.

Государственный строй и социальные отношения у скифов и сармат

В книге «Эллинизм и иранство...» Ростовцев достаточно много внимания уделяет вопросам государственности скифов. Кроме того, из подготовленных для второго тома книги «Скифия и Боспор» материалов сохранилась неполная часть главы о скифах, которая соответственно озаглавлена «Государство, социальный и экономический строй». Это и дает нам возможность более подробно представить взгляды ученого на эти узловыe проблемы скифологии.

Естественно, что формы и методы управления скифским государством, как и другие атрибуты власти, подвергались трансформации как по обстоятельствам времени, так и места. В скифской державе, просуществовавшей с VI по IV в.в. до н.э., были свои порядки. В Крымской Скифии мы видим уже много нового, чего не было в Великой Скифии царя Атея. Иначе говоря, «Скифская империя социологически может быть описана как власть кочевой Орды над соседними племенами». Самые полные и достоверные сведения о Великой Скифии содержатся в «Истории» Геродота. Хронологически этот период включает в себя с VI по III вв. до н.э., то есть промежуток времени,

когда Скифия выступала по отношению к внешнему миру единым политическим образованием. Достоверность сведений Геродота Ростовцев подтвердил и археологическим материалом.

В отличие от хронологических рамок, установить точно географические границы Великой Скифии не представляется возможным, ибо «подчинение и зависимость тех или других местностей могли не сопрягаться поселением на этой местности значительных масс скифов» (Ростовцев, 1989. С.201). Учеными констатируется лишь то, что побережье Черного моря от Днестра до Дона находилось в пределах владений скифов. Однако анализ археологического материала, в частности курганных поселений, помог Ростовцеву и в установлении границ скифской державы: «Сфера распространения курганных погребений с вещами, где смешиваются элементы иранской восточной культуры с греческими и местными, при том постоянстве, которым в общем отмечается, несмотря на разнообразие во времени и мест скифский тип курганного погребения, может считаться и сферой государства скифов, как руководящего государственного элемента» (Там же. С.201). Ведь известно, что курганы строили лишь для царей и знати. Конкретизируя сказанное, ученый пишет: «Если это так, то в рамки древнейшего скифского царства придется включить не только значительную часть Прикубанья с зависимостью от него Тамани и племен по Азовскому морю, но и всю Киевщину и Полтавщину» (Там же). Этой ремаркой Ростовцев вносит существенную поправку в «Историю» Геродота о границах Скифии. Восточными границами Скифии Геродот считал Дон, а по Ростовцеву граница сместилась к Прикубанью. Согласно Геродоту в Киевщине и Полтавщине живут невры и будины, а по Ростовцеву, по-

скольку и этот район полон курганных поселений, эта земля принадлежит скифам. Таким образом, важнейшей заслугой Ростовцева можно считать обоснованные доказательства того, что скифы господствовали и на Северном Кавказе, что отрицал Геродот. Завершая суждения о границах Великой Скифии, Ростовцев констатирует следующее: постоянных и прочных границ скифская держава не имела, причем вполне вероятно постепенное расщепление этой державы и выделение из нее отдельных самостоятельных скифских же государств на Востоке и Западе. При этом Центром царства всегда были низовья Днепра, а главной цитаделью мощи – степи на восток и часть на запад от Днепра (Там же). Естественно, что без археологических открытий невозможно было бы прийти к следующим заключениям. Впрочем, ответ на вопрос, прав ли Геродот или Ростовцев относительно месторасположения центра скифского царства, будет дан, если удастся найти некрополь скифских царей, о котором писал Геродот.

Давая общую характеристику общественному строю Великой Скифии, Ростовцев отмечал, что «государственная организация скифов предполагает существование особого военного класса населения, т.е. особой военно-организационной аристократии, тесно связанной со всем административным строем государства» (Там же. С.203). Нельзя не согласиться с Ростовцевым и не признать существование у скифов военной аристократии. Иначе и не могло быть в обществе, ориентированном на войну и походы. Правильность этого положения ученого была подтверждена последующим поколением скифологов, тем более что такое заключение подкрепляется и археологическим материалом. Характерным примером изображения рядовых воинов и аристократов стало изображение со сценами

из скифской жизни на серебряной с позолотой чаше из крупного скифского могильника IV в. до н.э., так называемой Гаймановой могилы. На ней изображены и выразительно представлены скифские аристократы, богатые и влиятельные, окруженные слугами. Различимы фигуры двух мужчин в воинском убранстве. В руке одного – кубок, на шее гривна – символ власти. У обоих к поясам прикреплены гориты с луками (Массон, 1997. С.174-177; Хазанов, 1975. С.109-111). Еще одной иллюстрацией военизированного быта скифов является инвентарь из скифского погребения VII-VI вв. до н.э. Археологи обнаружили в них тела с неестественно изогнутыми или вывернутыми кистями рук, останки погребенных, у которых посмертно выпилены куски основания черепа (Ковалевская).

Великая Скифия представляла из себя с VII по V вв. до н.э. типичную «Кочевую империю», и надо полагать, она была организована по типу возникших позже Хазарского каганата, или Монголо-Татарской Золотой Орды. Центр ее находился в некоем укрепленном лагере, так называемой царской ставке. «Около ставки, – пишет Ростовцев, группировалась сильная конная дружина, всегда готовая к набегам. В мирное время цари, князья и дружинники были владельцами больших стад и табунов, где черную работу исполняли подвластные им рабы или крепостные» (Ростовцев, 1918. С.38).

По мнению Ростовцева, нельзя относить скифское государство и к серии централизованных. «Весь строй скифской державы был, по всей вероятности, не централистическим, основанным на системе чиновничества, а военно-феодальным с сравнительно далеко идущей самостоятельностью отдельных частей. Ясно, что такая держава не могла быть очень прочной и

очень долговечной, не могла соперничать ни с Персией, ни с культурным греческим миром» (Там же. С.40).

Что касается государственного строя сарматов, то, согласно Ростовцеву, он «мало чем отличается от скифского, за исключением большей расщепленности и разбитости. Мы слышим о царях отдельных частей племени, о «скиптроносцах» отдельных племен, о лучшей вооруженной аристократии, закованных в панциры с ног до головы рыцарях-катафрактариях» (Там же. С.129-130).

Структура государственного устройства Скифии стала предметом обсуждений в ученых кругах в начале XX века, когда по этому поводу выдвигались различные мнения, с трудом стыкующиеся друг с другом. И у Ростовцева нет твердо выверенного отношения к форме государственности скифов. Одним из главных заблуждений Ростовцева было утверждение, что во внутренней, социальной и экономической жизни варварского населения Северного Причерноморья руководящее значение с начала до конца античного периода оставалось за восточными феодальными формами управления.

В книге «Элинизм и иранство...» автор рассказывает и о феодальных порядках в скифском обществе, о рабах, крепостных. Таких же взглядов придерживался и коллега Михаила Ивановича М. Эберт (Ebert, 1929).

В другом своем труде «Государственный строй Скифии» Ростовцев сравнивает Скифию с Золотой Ордой и квалифицирует ее как рабовладельческое государство. Это мнение Ростовцева разделяет известный ученый-скифолог А.П. Смирнов, который также признавал у скифов (кочевников. – А.Ч.) рабовладельческие порядки (Смирнов, 1935). Что касается профессора С.А. Семенова-Зусера, то он классифицировал скифский мир как общество с родовыми порядками (Семенов-Зусер,

ГАИМК. Т.IX). Где же, в таком случае, кроется истина среди множества предположений? В этом отношении заставляет прислушаться к себе еще один специалист по античности, академик В.И. Равдоникас. Он подвергает критике слабую, на его взгляд, аргументацию Семенова-Зусера, а также положения о классовой (феодалной или рабовладельческой) природе скифского общества, которые отстаивали соответственно Ростовцев и Смирнов. В.И. Равдоникас признает, что развитие социально-экономических порядков у скифов шло в сторону рабовладельческого строя, причем для той части Скифии, которая прилежала к античным колониям и находилась в сфере особо сильного влияния со стороны античного мира. Он допускает наличие у них уже сложившегося классового общества рабовладельческого типа еще в скифское время (Равдоникас, 1932). На наш взгляд, ближе всего к истине подошел М.С. Артомонов, по мнению которого «сложившиеся в Скифии два различных между собою типа хозяйства: скотоводческое (кочевое) и оседлое (земледельческое) открывали возможность для развития экономической независимости патриархальной семьи». И далее он справедливо полагает, что «в условиях примитивной техники как кочевого скотоводческого, так и оседлого земледельческого хозяйства оставалась еще необходимой производственная кооперация этих семей, иными словами, сохранение старой производственной организации, какой в первобытном обществе была родовая община» (Артомонов, 1947. С.69).

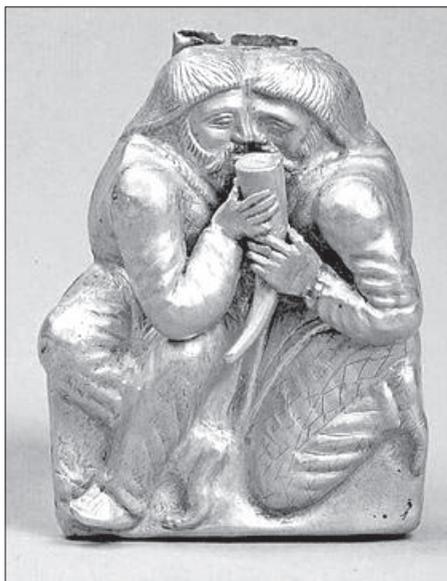
Царь в Великой Скифии не был абсолютным правителем. Государство скифов «Было скорее конфедерацией сильных кочевых орд. Как социально, так и по легальному статусу оно соответствовало государству, базировавшемуся на родовом законе. У скифов суще-

Во многих случаях, при суждениях о скифской жизни, Ростовцев отталкивается от Геродота, как бы подтверждая его мысли. Геродот воздерживался называть численность скифов («они очень многочисленны», «собственно скифов мало»), но констатировал деление каждого из трех частей на номы с обязательным святилищем Арея в каждом из них. Наличие святилища по Ростовцеву предполагало чисто военную организацию делений на номы. Это подтверждается и некоторыми обычаями скифов (поощрение тому, кто приносил голову врага; чаша вина тем, кто умертвил врага, позор и бесчестье тем, кто не убил врага).

В трудах Ростовцева освещаются и вопросы социальной организации скифского общества... Анализируя одну из находок скифских курганов, сосудов, на котором изображено братание скифов, и сравнивая его с братанием у кочевников, описанным у Геродота (Геродот. IV.70), где античный историк рассказывает об обычае братания у скифов, Ростовцев пишет, что в этом обычае «соединены между собой идеальные вожди, стоявшие во главе целой дружины, из которой выделялись «самые достойные»». По его мнению, такие же дружины, но большего масштаба, группировались вокруг «царя». Обычай соединял между собой отдельных вождей, стоявших непосредственно во главе целой дружины (Геродот. IV.70). «По завершении этого обряда, – писал Геродот, – они долго молятся, а затем пьют смесь как сами договаривающиеся, так и достойнейшие из присутствующих». Точную кальку этого обычая осетины совершали в главном святилище Осетии – Рекоме еще в начале XX века. Весь вышеприведенный материал свидетельствует о наличии в скифском государстве военно организованной верхушки – дружинников.

Еще более масштабная дружина группировалась вокруг царя. В ней служили те, кому приказывал он сам; среди них не было и не могло быть подкупленных врагами. Кроме дружинников у царя были еще приближенные и слуги. Вот как представлял себе структуру скифского общества Ростовцев. «Господствующим классом являются организованные в дружину скифы-завоеватели, группирующиеся около отдельных представителей знати в мелкие

Бляшка с изображением скифов, совершающих обряд обратимства. IV в. до н.э.

Курган Куль-Оба

дружины, которые в свою очередь соединяются в группы по номам и руководятся в больших предприятиях главным царем, по указанию которого действуют монархи и правители трех частей царства» (Ростовцев, 1989. С.204). И далее: «Роль господ сводится к собиранию дани, подавлению восстаний, борьбе с соседними племенами и организации отпора от нападения извне. Он напоминает, также только в общих чертах... державы хазар и татарской Золотой Орды» (Там же). И Ростовцев подтверждает эти свои выводы уникальными археологическими артефактами из скифских курганов, а также роскошными царскими погребениями в Киевщине, Полтавщине и около Воронежа.

Переходя к характеристике социально-экономического уклада Скифского царства Ростовцев подчеркивает, что не во всех частях государства он был одинаковым. Несомненно одно: большинство скифов вело оседлый образ жизни, а основа хозяйства была земледельческая. Об этом свидетельствует античный автор Арриан, который писал: «они прежде питались хлебом и занимались земледелием. Жили в домах и имели города...». Об этом же говорит и известная легенда о небесных дарах: «упали де с неба на скифскую землю золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша» (Геродот. IV. 12).

Однако не меньше источников (в том числе и Геродот) утверждают, что скифы вели кочевой образ жизни. Как писал тот же Арриан, скифы были земледельцами, однако после нанесенного им поражения фракийцами «изменили прежний образ жизни и поклялись жить кочевой жизнью. И вот с этого времени они из земледельцев сделали кочевниками». Трудно согласиться с Аррианом, потому что естественным был бы обратный процесс перехода от кочевничества к земледелию, а не наоборот. То, что значительная часть скифов вела кочевой образ жизни, подтверждали и греки. Об этом говорится и у того же Геродота, который четко подразделял скифов на земледельцев и скотоводов.

Говоря о Приднепровской Скифии, которая по предполагаемым сведениям являлась центром скифского царства, Ростовцев, ссылаясь на Геродота, склонен говорить здесь о преобладании кочевого образа жизни над оседлым. Он пишет, что сами они живут скотоводческим укладом, а хлеб производят только для продажи, а не для потребления себе. Это очень характерно для определения влияния, которое оказывала Ольвия с ее хлебным экспортом на местное население,

и позволяет думать, что часть населения Приднепровья была действительно скифами-кочевниками, воспринимавшими от местного населения и греков новые навыки земледельческого быта. Думается, что во всем скифском обществе со временем произошел переход к оседлости. Об этом свидетельствует и то, что образовавшиеся вслед за развалом Великой Скифии Крымскую Скифию сплошь населяло земледельческое население.

Античным авторам был мало знаком и социальный строй самого центра скифской державы. О нем мало что говорится у Геродота, а сведения таких древних авторов как Эфор Ростовцев не считает заслуживающими доверия, поскольку, по его мнению, из них реальных и положительных данных извлечь невозможно (Ростовцев, 1989. С.206). В частности, Эфор считал статус женщины у скифов равноценным с мужчиной, на деле же, как полагает Ростовцев, он ничем не отличался от положения женщины среди многих кочевых племен (Там же). Наоборот, материалы о скифах позволяют говорить о социальном расслоении скифского общества, о существовании в нем аристократических верхов, о подневольном населении, в частности о пастухах скифской орды. Развивая мысли Ростовцева о социальной организации скифского общества, скифолог М.И. Артамонов писал: «Во внутренней социальной и экономической жизни варварского населения Северного Причерноморья руководящее значение с начала и до конца античного периода оставалось за восточными феодальными формами. Эта несложная идея связывает у Ростовцева явления материальной и духовной жизни Северного Причерноморья, придавая им единство и стройность и включая нашу страну в рамки всемирно-исторического процесса» (Артамонов, 1947. С.69).

М.И. Ростовцев о быте и культуре иранских народов

Вопросы быта

В книге «Эллиństwo и иранство...» Ростовцев так живо и мастерски описывает бытовую сцену из жизни скифов, что невольно перед глазами читателя воссоздается реальная картина повседневного быта наших отдаленных предков.

Итак: «Медленно передвигающийся кочевой табор; телеги-юрты, в которых живут, готовят пищу, нянчат детей женщины и куда для еды и на ночь приходят мужчины; стада баранов, овец, быков и коров, главным же образом лошадей; мужчины все время на конях, в степи, у стад и табунов или на охоте за зайцами или хищным, правда немногочисленным зверьем; женщины постоянно в юрте и на телеге. Мясная пища, кумыс, как главный напиток, изредка сухая баня, нелюбовь к воде и мытью» (Ростовцев, 1918. С.60). В дальнейшем он не раз будет иллюстрировать различные сцены быта скифов, сармат, боспорян.

В ходе длительных, продолжавшихся столетия, контактов скифо-сармат с греческим миром Северного Причерноморья происходит сильная иранизация греческих полисов. Сказанное легко проиллюстрировать на примерах перемен в вооружении и внешнем облике боспорян, выявленных М.И. Ростовцевым.

«Скифо-сарматский чешуйчатый или кольчатый панцирь, – пишет он, – иногда греческий, но чаще иранский конический шлем, круглый или овальный щит, как оборонительное оружие; скифский лук и стрелы, большое штурмовое копье, дротики, меч и кинжал, как оружие наступательное, т.е. типичное вооружение скифских и сарматских конных тяжеловооруженных лучников и копейщиков, каковыми пантикапейцы изображаются и в росписях их гробниц, и на надгробных стелах. Иранским является и техника их конного боя, не раз изображаемого на росписях гробниц» (Ростовцев, 1918. С.173).

Сарматские воины

Иранизация боспорцев наблюдается и во внешнем облике населения. О внешнем одеянии боспорцев ученый писал: «Какую одежду носили греки Боспора в эпоху Спартокидов, мы не знаем. Но в эпоху империи она почти совершенно иранская, с некоторою только примесью греческих элементов. Иранскими надо считать штаны и сапоги, а также верхний камзол. Греческое влияние можно видеть в плаще и хитоне, которые сочетаются с вышеназванными частями костюма. В иранском внешнем облике сказывается не только иранское влияние, а несомненная иранизация населения по крови и по воззрениям» (Там же. С.173-174). Костюм, вооружение, само население все более и более иранизируются. Такие же процессы протекали и в не-большом скифском государстве – Добрудже.

Религиозные воззрения и свидетельства артефактов из курганов

Взаимодействие эллинской и иранской культур Ростовцев демонстрирует на примере религиозных представлений. Высшее божество, которому поклонялись скифы – державная богиня Табити (Гестия), владычица земли и воды, животных, птиц и рыб, покровительница конной скифской знати, мистическое сочетание с которой, посредством приобщения, было одним из торжествующих актов. «Верховными жрицами этой великой богини были жены царей, служили ей и священные энареи, половая импотенция которых... толковалась как небесный знак, призывающий их служить великой богине» (Там же. С.73-74). Культ почитания этой богини отводил на второстепенные роли, навеянные эллинизмом официальные культы импера-

тора и римских государственных богов, Посейдона и Геракла. Только храмы Великой богини Табити строятся на территории царства, только ее изображения появляются на медных монетах боспорских царей. Между тем Великая богиня в Иране воспринималась как Ахурамазда (у Ростовцева Аура-Мазда. – А.Ч.), в греческой среде как Афродита Ураня (Там же). Речь идет, конечно же, о Тавроскифии.

Ученый подчеркивает сильное влияние иранского Ахурамазда на пантеон скифов. «Иранский Аура-Мазда, – пишет он, – в виде конного бога приобщающего к власти скифского царя, знаком был и греческим мастерам Пантикапея, работавшим на Скифии, хотя был менее популярен в этой среде, чем великая богиня. В роли бога победителя зла, дарующего власть царю, видим его на серебряном ритоне из кургана Карагодеуашх» (Там же. С.74). В то же время иранский бог Митра, который являлся эпонимом правящей династии (в основе имени Митридат лежит именно иранский Митра), находился вне официального пантеона боспорских богов. Он почитался только в отдельных районах царства на уровне местного культа...

Тенденция перерастания неограниченной власти монарха в процесс обожествления его личности присутствовала во все исторические времена. Не было исключением и Боспорское царство, где, вслед за иранизацией, с IV в. до н.э. начинается сакрализация царской власти. Скифы обожествляли своего царя, о чем свидетельствуют богатейшие царские захоронения в курганах.

Как отмечено О. Шевченко, специальных исследований, посвященных антропотейзму боспорских монархов, у Ростовцева не имеется, а рассуждения носят общий характер. «Однако внутренняя логика выска-

званий ученого, отточенная четкость его формулировок, наводит на мысль, что он имел стройную и ясную концепцию развития царского культа на Боспоре, или, в крайней мере, подошел к ее пониманию настолько близко, что она составила в его работах заметный след» (Шевченко, 2003. С.155-156).

По Ростовцеву начало обожествления боспорских царей было связано с двумя традициями: эллинистической и древне-иранской. И хотя он отдавал предпочтение эллинистическим традициям, тем не менее, склонялся к мысли, что «эллинистическая практика обожествления монарха укоренилась и позднее впитала в себя некоторые религиозные традиции достаточно сильно иранизированного Боспора» (Там же. С. 156).

К III в. н.э. религиозные воззрения местного населения оказывают все большее влияние на организацию царской власти в Боспоре. В частности, скифы внесли свою лепту в сакрализацию власти в Пантикапее. Как писал Ростовцев, на смену эллинистически-фракийских традиций видения царской власти приходят скифские обычаи, а эллинизм этому уже не может сопротивляться (Ростовцев, 1913. С.30). Ученый пишет не только о факте существования нового культа, но и механизме его внедрения. Будучи инициаторами обожествления своей власти, боспорские правители приняли шаги к ее канонизации. С этой целью был создан так называемый союз почитателей царского культа (Свенцицкая, 1985. С.51). Кроме того, для укрепления своей власти цари создали так называемые «коллегии». Они возникли при царе Савромате I (93-123 гг.) и состояли из представителей высших слоев боспорского общества мужского пола, способных нести военную службу. Коллегии представляли собой своеобразные объединения знатных людей в государственные обще-

ства военно-религиозного характера (Ростовцев, 1928. С.201). В своих суждениях о культе боспорских властей Ростовцев больше акцентирует внимание на их социальной, а не религиозной значимости, хотя, как полагают другие специалисты, цари Боспора при создании коллегий вряд ли могли допустить возможность внедрить в них религиозный культ (Шевченко, 2003. С.159). Он же отмечал, что несмотря на усилия боспорской элиты культ царей не стал доминирующим в мировоззрении основной массы населения царства. На эту роль претендовал лишь культ местной Великой богини Табити, которая являлась «официальной богиней всего царства» (Ростовцев, 1914. С.14).

М.И. Ростовцев правильно подчеркивает иранский характер религии скифов, но, когда он переходит к частностям, допускает неточности, ошибки, сознательные пропуски целых строк в цитируемых текстах. В частности, цитата из Геродота о божествах скифов выглядит следующим образом: «Они чтут только следующих богов: превыше всех Гистию, затем Зевса и Землю, считая Землю супругой Зевса... По скифски Гистия называется Табити, Зевс, наиболее правильно, по моему мнению, Папай (очевидно, имелись и другие имена), Земля-Апи» (Там же). В итоге, опуская пропуски между предложениями, Ростовцев заключает, что в Скифии «создавалась... довольно обычная на востоке, специально для Малой Азии, триада-троица из двух женских и одного мужского божества» (Ростовцев, 1918. С.76). А теперь представим вариант Геродота полностью, выделив курсивом пропущенные Ростовцевым места. «...Скифы почитают только следующих богов. Прежде всего – Гестию, затем Зевса и Гею) (Гея у них считается супругой Зевса); *после них – Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Ареса. Этих богов*

признают все скифы, а так называемые царские скифы приносят жертвы еще и Посейдону. На скифском языке Гестия называется Табити, Зевс (по-моему, совершенно правильно) Папай, Гея-Апи, Аполлон – *Гойтосир, Афродита – Небесная-Аргимпаса, Посейдон – Фагимасад*» (Геродот. IV.59). Непонятна цель такой вольной интерпретации Геродота. Не стремление ли это подогнать цитату Геродота под облюбованный вариант, в данном случае под религиозную триаду?

Как видно, в оригинале «Истории» Геродота пантеон скифов выглядит совсем другим. Его анализу В.И.Абаев посвятил специальную статью «О культе семи богов у скифов». Исходя из полного текста, становится очевидным, что богов у скифов было семь, за исключением Посейдона, которого почитали не все скифы. Геродот четко подчеркивает, что скифы чтут все семь богов, и это находит подтверждение в быте ираноязычных племен. В частности, культ семи богов четко зафиксирован у одного из скифо-массагетских племен, а именно у алан, что подтверждают античные авторы, писавшие об аланах. Так, например, по сообщению Перикла Понта Эвксинского (V в. н.э.), город Феодосия в Крыму «называется на аланском или таврском языке Ардавда, что значит город семи богов (осет. авд – семь). «Наименование города «семибожным» говорит о том, что культ семи богов занимал центральное место в религии алан. Посвятив город семи богам, они поступили так же, как и греки, давшие своему прославленному городу имя наиболее чтимой богини Афины» (Абаев, 1990. С.90).

Почитание семи богов не ограничивается одними аланами. В этнографическом быту осетин, по настоящее время сохранились святилища под названием «авд дзуары» (семь божеств) (Миллер, 1992. С.259). И

в нартовском эпосе встречается божество *Æвдиуаег* (в осет. *æвд-авд-семь*). В горах Осетии имеются святилища *Авд дзуары* (сс. *Галиат, Нар, Ерман*). Большой частью осетины молятся семи святым – *авд дзуары* (Чибиров, 2008. С.266). Таким образом, не триада, а «культ семи богов был прочной религиозной традицией скифо-сарматских племен и прослеживается от геродотовских скифов через алан до современных осетин» (Абаев, 1990. С.95).

Говоря о религии скифов, ученый не обходит стороной и культ меча, который ассоциируется у них с *Аресом*, считал этот военный фетиш характерным для воинственных иранцев. Как известно, скифы соорудили для него высокий постамент из хвороста – замена типичных для восточного мира сакральных башенных сооружений. Подобные сооружения делались в каждом из номов во всех трех регионах Скифии. Как повествует Геродот, в день почитания *Ареса* приносились и человеческие жертвы (каждый сотый из числа пленных). Однако и в описании культов порою Ростовцев противоречит самому себе. На стр. 153 «*Элинства...*» он называет *Геракла* и *Посейдона* мифическими предками фракийских царей. Но далее Михаил Иванович связывает происхождение *Геракла* с местным греко-скифским мифом (о происхождении скифских царей от *Геракла*). Думается, не нуждается в доказательстве тот факт, что оба бога являются персонажами греческой мифологии.

Вызывают некоторые возражения и взгляды Ростовцева на религиозные воззрения сармат. Со ссылкой на «достоверного и раннего свидетеля» он называет их огнепоклонниками (Ростовцев, 1918. С. 130), с чем трудно согласиться. В действительности в религиозных воззрениях сарматов особое место зани-

мали культ солнца и огня, а барану они поклонялись как символу небесной благодати, благосостояния. На сармат оказал влияние и греко-иранский религиозный синкретизм. Так же как и скифы сарматы почитали аналогов греческих богов. В частности, они поклонялись греко-сарматской богине Афродите-Агримпасе, святилища которой состояли из вала и жертвенника. В более позднее время сарматы переняли от скифов и культ меча. Поклонялись они и богине Любви животных (Стражний, 2001).

Значительную часть своих выводов по эллинскому миру Ростовцев делал на основе анализа предметов, извлеченных археологами из древних могильников. Исследуя сюжеты на монетах с изображением боспорского царя, ученый приходит к заключению: «Фигура царя на лошади, получающего приобщение от бога или богини или алорирующего бога или богиню, становится обычной на монетах и других памятниках Боспора с того времени, как Боспор в III-II вв. до Р.Хр. сильно иранизировался и его правящая династия сделалась из греческой и греко-фракийской ирано-греческой или даже совсем иранской с таким же небольшим греческим налетом, как и в современной Парфии» (Ростовцев, 2013. С.109).

Исследуя инвентарь из могильников, ученый отмечает, как сильно сказывались изменения политической ситуации даже на самый консервативный погребальный обряд, который отличается своей особой устойчивостью. «Иранизация населения Боспорского царства была так велика, – пишет Ростовцев, – что уже в I в. по Р.Хр. мы встречаемся с погребениями местных жителей, стоящими под сильным влиянием иранского обряда», и в качестве решающего признака иранского обряда указывает «на погребения коня или конской

сбруи вместе с покойником, на золотую погребальную маску в одном погребении III в. по Р.Хр. обычную в парфянских погребениях» (Ростовцев, 1918. С.181). Когда же иранское влияние ослабло, «погребение с полугреческим обрядом становится обычным» (Там же. С.181).

На основе анализа всего доступного археологического материала Ростовцев подтвердил верность основных компонентов обряда погребения у знатных скифов, сообщаемых Геродотом (объезд с забальзамированным телом по всем номам, изуродование лица в знак траура, что являлось симуляцией кровавых жертвоприношений, доставка трупа в местность Герры, где хоронились все скифские цари, принесение в жертву одной из жен, близкого слугу и лошадей, укладка в могилу драгоценных вещей, насыпание на могилу большого кургана, в годовщину – торжественная гекатомба из 50 слуг и лошадей, чучела которых расставлялись перед курганом) (Там же. С.60, 63). К чести Ростовцева следует отметить, что он рассматривает и анализирует погребальный обряд скифов во временном развитии. При этом он исходил из известного положения, что погребальный инвентарь дает большую пищу для размышления, помогает в выявлении обычаев, обрядов, характера одежды, пищи (Ростовцев, 1918. С.71-73).

Анализируя предметы погребений разных столетий (с VI по IV вв. до н.э.). Ростовцев в книге «Скифия и Боспор» на основе богатого археологического материала исследовал вариации изменения обряда в зависимости от времени и места расположения. В частности, сопоставляя инвентарь погребения из приднепровского и из позднескифского кургана на Кубани, ученый обнаружил существенную разницу в инвентаре.

Похоронные обряды скифов представляют особый интерес для ученых-осетиноведов. Из-за их консервативности можно провести поразительные параллели с похожими обрядами, которые до недавних времен существовали у осетин (посвящение коня, изуродование лица, деформированный обряд отрезания пучка волос из косы, многочисленные и пышные поминки). Основа этих обрядов – вера в продолжение жизни в потустороннем мире, – удержалась в сознании части осетин до недавнего времени.

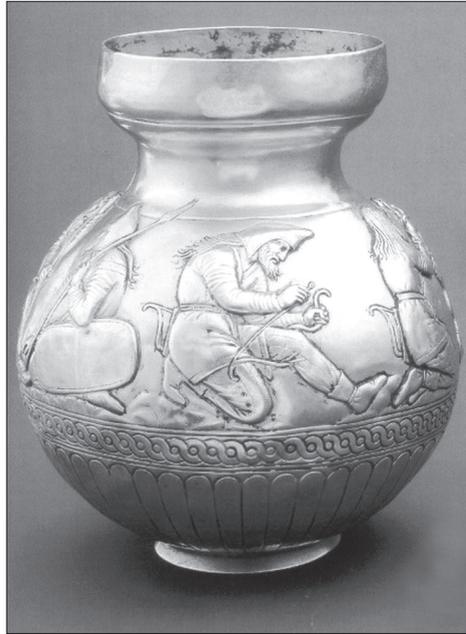
Специалистами-археологами установлено, что инвентарь погребений царей одинаков не во всех курганах. Сравнивая инвентарь царских могил из Северного Причерноморья (по Геродоту) с аналогичными погребениями царей на Кубани, Ростовцеву удалось установить отличие инвентаря погребений в разных регионах огромной империи. В частности, ему удалось установить, что кубанские погребения скифов сопровождаются более сложным ритуалом в сравнении с теми, которые описал Геродот. Судя по кубанским захоронениям, покойника привозили на катафалке; в жертву приносилось огромное количество лошадей. Погребались «цари кубанских скифов в полном вооружении, в богатой одежде, с большим количеством драгоценной утвари. Заметную роль играли медные котлы, о которых говорил и Геродот», с кусками туш жертвенных животных, и большие греческие глиняные амфоры, вероятно, наполненные вином» (Ростовцев, 1918. С.64).

Ростовцев исследует причины и обстоятельства большого материального расцвета Скифии, богатой культурной жизни, необычайно пышного расцвета изобразительного искусства, о чем свидетельствуют обнаруженные в курганах (Солоха, Куль-Оба) поразительно интересные вещи из золота и

серебра. Михаил Иванович не только подробно описывает инвентарь погребений, но пытается анализировать его происхождение, степень влияния на него аналогичных культур соседних народов и т.д.

Основываясь на инвентаре скифских курганов, Ростовцев не всегда и во всем соглашается с Геродотом. В частности, погребальным материалом не подтверждается наличие общих кладбищ у скифов, не подтверждается и то, что в могилу вместе с

*Электровый сосуд из кургана
Куль-Оба*

телом царя ставили лишь золотые вещи. В одном только можно оспорить мнение уважаемого ученого, когда он пишет: «Сведения Геродота о бальзамировании трупа царя не подтверждаются; никаких следов этого ни в кубанских, ни в других царских могилах не отмечено». Весьма жаль, что археология еще не подтвердила сведения Геродота, но из этого делать далеко идущие выводы ученому не следовало. Вот как описывает похороны царя у скифов Геродот: «Приготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском; затем разрезают желудок покойного; затем очищают его и наполняют толченым кипером, благовониями и семенами сельдерея и аниса. Потом желудок снова зашивают

и везут на телеге к другому племени» (Геродот. IV.71). Сложно не согласиться с Геродотом в этом его свидетельстве, ибо не представляется возможным в течение продолжительного времени (около 40 дней) развезить тело царя по регионам без предварительной обработки. По существу процесс мумификации тела соблюдался безукоризненно.

Перемены в культуре

В культурном отношении скифы все же были народом из Азии. Вместе с индоиранцами они оставались носителями иранской культуры, которая у скифов на юге России уже приняла смешанный характер. «Иранская культура, – пишет Ростовцев, – в более поздней стадии ее развития, представлена нам и памятниками отдельных сарматских племен, постепенно вытеснивших и заменивших в степях юга России скифов, причем, однако, это вытеснение не было ни окончательным, ни полным» (Ростовцев, 1918. С.7). В Боспорском царстве, просуществовавшем без малого тысячи лет, выработалась особая греко-варварская культура. Все вопросы, связанные с изучением этого культурного феномена, являются приоритетным для понимания судеб античной культуры на северном берегу Черного моря. Здесь столкнулись и переплелись две далекие друг от друга цивилизации, в результате чего произошло столкновение двух этнокультурных начал: восточной (иранской), привнесенной сюда кочевыми племенами скифов и сарматов и эллинского, носителем которого были греческие колонии, завершившийся культурным синкретизмом. И Ростовцев

задался целью поиска истоков этого синкретизма, того, в какие формы он вылился, что осталось от этого слияния для будущих поколений. В результате исследований им создана стройная концепция развития античных традиций на Северном Причерноморье. Ответы, данные Ростовцевым на все эти сложные вопросы, современная наука подтверждает. Более того, «некоторые умозаключения Ростовцева настолько опередили свое время, что их ценность мы осознаем только сейчас, вступая в XXI век» (Шевченко, 2003. С.155-163). Как правильно подчеркивает академик Артамонов, сочетание этих двух начал (греческого и эллинского) в трудах Ростовцева «дало замечательную скифскую культуру, воспринимаемую прежде всего со стороны скифского искусства, или “звериного стиля”» (Артамонов, 1947. С.68).

Ученым установлено, что в археологических памятниках юга России с III в. до н.э. прослеживается «влияние какого-то нового искусства, сложившегося на границе между сакским Туркменистаном, Персией и Индией, и чуждого более ранним скифским образам. При этом сарматские племена – носители этого нового искусства, нахлынули на юг России в ходе так называемого «Великого переселения народов во второй половине II в. до Р.Хр.», которое кардинально повлияло на жизнь Востока, вытеснив на запад группу кочевых племен – роксаланов, аорсов и сираков. И, как далее пишет Ростовцев, одна волна сарматских кочевников за другой «докатилась и до юга степей России и разлилась здесь до южного Кавказа и Днепра» (Ростовцев, 1993. С.45-46, 92). Одна часть их из Кубани продвинулась на запад, на Таманский полуостров, оседает там под именем аспургиан, вытеснив синдов, и начинает играть видную роль в Боспорском царстве римского

времени (Ростовцев, 1918. С.138).

Новый этап тесных контактов Боспора и скифов происходит во второй половине III в. – первой половине II в. до н.э., который, по словам Ростовцева, стал временем культурного возрождения Боспорского царства. В Крымский период у скифов появляется письменность на греческой основе. Долговременное пребывание сарматов на Кубани, на Дону и далее на запад не могло не оставить следа в могильниках, расположенных в этих местностях. Погребения со II в. до н.э. резко отличаются от погребения скифов IV-III вв. до н.э. (Там же. С.130, 133). Погребения эти не имеют формы погребальных ям со встроенными в них деревянными и каменными сооружениями. Верность суждений Ростовцева о смене культур на рубеже III в. до н.э. получила подтверждение в трудах других его коллег-антиковедов, таких как В.И. Сарияниди, Т.А. Скрипник, М.Б. Щукин.

Ростовцев отмечает: «Появление сарматов не прошло бесследно. Оно способствовало появлению в римских провинциях нового стиля – романского, повлияло на так называемый готический и внесло свою лепту в историю западноевропейского искусства» (Там же. С. 139).

Привлекая и анализируя весь доступный археологический материал, ученый иллюстрирует иранизацию боспорского быта и на элементах живописи. «Если в наиболее ранних, – пишет он, – мы имеем обще-эллинистический стиль, свойственный всему эллинистическому востоку, то в более поздних мы находим такие черты, которые получают свое объяснение только при сличении с немногими памятниками декоративной скульптуры иранского парфянского царства и с более многочисленными скульптурами сасанидской Персии,

расцвет которой начинается с III в. по Р.Хр.» (Там же. С.178). Ученый выявил иранское влияние и в изображениях в гробницах Пантикапея, и в тектонике, и в ювелирном деле (Там же. С. 179-181).

Среди ученых-антиковедов не существует единого мнения и относительно понятия «скифская культура». Ростовцев характеризовал скифскую культуру как восточную, «иранскую» в своей основе и несколько измененную эллинскими привнесениями. В этом коротком ответе уважаемого ученого заложен глубокий смысл.

Действительно, в так называемой «скифской культуре», распространившейся далеко за пределы ареала проживания скифов, имеется множество близких или даже тождественных с восточными, «иранскими» по терминологии Михаила Ивановича элементов, а равным образом много черт греческого происхождения, особенно в Северном Причерноморье, где эллинское влияние на местное население через колонии было особенно велико и где сами греки принимали активное участие в создании варварской культуры. Тем не менее, при всех этих влияниях Ростовцев не раз подчеркивает, что скифская культура в ее основных восточных элементах была иранская в этническом смысле этого определения. Вот потому ее зарождение он искал в колыбели иранства, вместе с которым она и распространилась на юг, запад и восток. Это положение маститого ученого вызвало споры среди скифологов, некоторые из которых, возражая Ростовцеву, утверждают, что «Скифская культура – явление не этнического порядка, и связь ее с иранством может быть признана лишь в той мере, в какой иранскому элементу принадлежало господствующее положение в передней Азии в период развития и широкого распространения скифской культуры» (Артамонов, 1947. С.77), что в ее формировании крупную роль сыграли и культура на-

родов Северного Кавказа, Урарту и др.

На наш взгляд, суждения Артамонова могут выглядеть спорными. Допустимо, когда между двумя цивилизациями, территориально расположенными рядом, имели место контакты и взаимовлияния в период их процветания. В случае же со Скифией и Урарту положение иное. Во-первых, Урарту и Скифия территориально не соприкасались и о культурно-исторических контактах их истории ученым мало что известно. Известно лишь то, что цари Урарту привлекали скифо-киммерийские наемные отряды для борьбы со своими врагами (СИЭ, 1973. С.862). Во-вторых, период расцвета Урарту приходится на IX-VI вв. до н.э., в то время, как скифская культура достигла наибольшего расцвета в последующие столетия.

Безусловно, трудно гарантировать этническую чистоту скифской культуры. Естественно, что в нее могли войти и элементы культуры соседних народов, хотя в данном контексте академик Артамонов ограничивается лишь общими рассуждениями, или с народами, с которыми они исторически поддерживали контакты. Однако в этом случае приходится ссылаться на следующую аксиому, которая утверждает, что господствующее во всех отношениях племя (народ, народность) всегда растворяет в своей среде, ассимилирует входящие в нее этносы, и распространяет на них свой язык, свою культуру. Известно, что наибольшее влияние на Боспорское царство оказали скифо-сарматы. Не случайно же Боспорское царство называли скифо-боспорским, а не по имени какого-либо другого варварского племени. Примеров, подтверждающих вышеизложенное, в мировой истории достаточно.

«Звериный стиль»

М.И. Ростовцев зарекомендовал себя и прекрасным специалистом по изобразительному искусству Причерноморья. Эти вопросы он осветил в своей известной работе «Античная декоративная живопись на юге России». В частности, впервые термин «звериный стиль» по отношению к искусству кочевников был введен в научный оборот именно Михаилом Ивановичем (Фаркаш, 1992. С.164). Как отмечал Э. Фаркаш, «его исследования по искусству звериного стиля столь плодотворны, что мы отнюдь не исчерпали возможностей предложенного им пути» (Там же). Подробный анализ скифского искусства звериного стиля в полном объеме содержится в его трудах, посвященных скифо-сарматской истории.

В монографии «Скифия и Боспор» на весьма трудный вопрос, в какой мере сросся с предметами восточного происхождения звериный стиль их убранства, ученый дает развернутый ответ: «эти ряды лежащих или прыгающих. Реже стоящих зверей в позах, приспособленных для орнамента, с поджатыми ногами и прижатыми рогами, эти стилизованные чисто орнаментированные головы животных и птиц, столь типичные для конского уздечного набора и для наверхий, это заполнение фигур животных животными же, начинающаяся стилизация и орнаментация отдельных частей тела животных, как, например, птичьих голов на великолепных наверхиях Ульского аула¹ 1909 г. и притом стилизация в духе звериного

¹ Ульский аул – археологический памятник, который включает в себя курганы скифских вождей VI-V вв. до н.э. с оружием, золотыми украшениями в зверином стиле, конями. Памятник получил название по Ульскому аулу, близ которого он находится. В 1898, 1908-1910 годах археолог Н.И. Веселовский раскопал здесь десять курганов.

же орнамента с преобладающей трактовкой конечностей в виде головы грифона, отнюдь же не в духе растительного орнамента, эта реалистическая, полная жизни, но вместе с тем схематическая трактовка животных – словом все то, что дает нигде не встречающуюся оригинальность скифскому звериному стилю» (Ростовцев, 2013. С.337). Поскольку нигде в другом месте, в том числе и в греческом искусстве, не встречаются предметы выше охарактеризованных форм, это дало основание ученому говорить об оригинальности скифского звериного стиля, в котором орнаментация не отделима от предмета (Там же). И далее автор более четко определяет свое понимание предмета суждений: «Скифским звериным стилем я называю не тот орнаментальный стиль, который пользуется зверями для украшения предметов, до известной степени стилизуя фигуры зверей...они резко разнятся от скифского звериного стиля». По его мнению, скифскому звериному стилю свойственно «заставлять фигуру зверя служить чисто орнаментальным целям, не стесняясь тем, что для этого ему приходится насиловать природу зверя и придавать ему странные и неестественные позы» (Там же. С.338). И чтобы его мысль была более понятна, он сопоставляет скифский стиль с греческим: «Для греческого звериного стиля животное есть, прежде всего, животное, изображаемое художником любовно, как таковое, а не как орнамент. Он любит создавать из двух или трех зверей группы, полные жизни и экспрессии. Всего этого скифский звериный стиль почти не знает» (Там же).

Сарматы совершенствуют искусство звериного стиля. Ростовцев характеризовал сарматский звериный стиль как местный, «только частью испытавший влияние звериного ионического стиля. Принципы его

остаются те же, но чувствуется в нем новая свежесть и сила, старые схемы, превратившиеся уже в шаблон, оживают, и всему этому красочность и многоцветность придает особый отпечаток, грубый и утонченный одновременно» (Ростовцев, 1918. С.137).

До сих пор не существует общего мнения и о происхождении искусства звериного стиля. Большинство ученых склонно считать его местного, скифского происхождения, но не отрицается влияние на его формирование и произведений прикладного искусства евразийских племен, предшествовавших появлению скифов в Придонье. Нет четкого представления об этом искусстве и у самого Ростовцева. Он высказывал мнение, что искусство звериного стиля не могло возникнуть на почве древней Скифии. Поскольку в Скифию оно пришло в готовом виде, скифским его можно назвать только условно. Ученый допускает, что скифы могли воспринять его от киммерийцев, что этот стиль также мог достаться скифам от урартцев, то есть могло быть наследием алародийского (урартского) искусства (Там же. С.45). В другой своей работе Ростовцев характеризовал искусство звериного стиля уже как сплав местных и привнесенных инокультурных элементов (Фаркаш, 1992. С.167). Последнее мнение нам кажется более обоснованным и логичным.

Отстаивая свою точку зрения о скифском зверином стиле, Ростовцев не согласен с археологом Б.В. Фармаковским, который произвел в начале XX в. большие раскопки в Ольвии, считавшим скифский звериный стиль дериватом ионийского, «Ионийским стилем» (Там же. С.338-339). Он не согласен также с историком и археологом, финном по национальности, А.М. Тальгреном, считавшим западносибирские вещи, украшенные в зверином стиле, также дериватом

скифского, специально южнорусского (Там же. С.339). Вместе с тем Ростовцев соглашается с мнением некоторой части специалистов, что скифскому звериному стилю гораздо ближе западносибирские вещи эпохи бронзового и раннежелезного века, нежели восточно-греческие, с одной оговоркой: «Сибирские вещи дают нам ряд оригинальных черт, которые на ранних памятниках звериного стиля в Скифии не встречаются и появляются там только в эпоху возрождения скифского звериного стиля, падающую... на время позднего эллинизма» (Ростовцев, 2013. С.339).

Ученого интересовало и место происхождения звериного стиля. Вопрос оказался сложным, ибо следы звериного стиля не в его скифском варианте обнаружены и на юге России, и на востоке Греции. Они уходят и в Сибирь, и архаическую Эламу. Имеют место скифские и ионические мотивы из жизни зверей синкретического характера, о которых явно свидетельствуют находки из Феттерсфельда (современная западная Польша); вещи иранского обихода украшены ионическими мотивами звериного стиля. Свидетельство постепенного проникновения звериного стиля в степи юга России дают и находки из Келермеса и Литого кургана, где вещи скифского звериного стиля сочетаются с предметами того же стиля, но уже не в его скифском, а в восточном и восточно-греческом облике.

В итоге, в погребениях юга России позднейшего периода вещи подлинно скифского звериного стиля составили незначительное количество, а все остальное – «результат смешения, вызванного тем, что удовлетворение потребностей скифской знати попало почти исключительно в руки греческих, по большей части ионических мастеров. В их руки попали подлинные мотивы звериного стиля, которые также постепенно

ими перерабатывались и изменялись, но тем не менее держались цепко и прочно» (Там же. С.341-342). В результате автор приходит к заключению, суть которого сводится к следующему: основа звериного стиля оригинальная скифская, привнесена с востока, но в новой этнической и культурной среде на юге России она дала пышный расцвет синкретическому греко-восточному творчеству (Там же. С.342).

М.И. Ростовцев о степени иранизации эллинского мира Причерноморья

«Обладая концептуальным складом ума, непрерывно обогащая изучение античности новыми идеями, Ростовцев разработал концепцию социально-экономической истории и цивилизации эллинизма, Римской империи, античного Причерноморья и скифо-сарматского мира», - писал академик Фролов (Фролов, 1990. С.1). Рассматривая древнюю историю России в контексте процессов, происходящих в южнорусских степях в праславянскую эпоху, Ростовцев уделял огромное внимание истории народов и государств, существовавших в этом ареале в древности, а также взаимоотношениям между этими народами.

М.И. Ростовцев был первым из ученых, который исследовал причины появления на Черноморском побережье в VII в. до н.э. греческих колоний из Малой Азии. Эллины двинулись на север Черного моря, расширяя тем самым границы известного им мира. В результате этой экспансии произошла греческая колонизация северо-черноморского побережья, начался процесс закладки здесь городов-колоний, многие из которых стали крупными торговыми и политическими центрами.

С появлением греческих факторий в Северном Причерноморье, политическая, социально-экономическая и культурная жизнь иранских племен органически переплелась с греческим миром. М.И. Ростовцев отстаивал идею огромного влияния иранских народов на историю Боспорского царства и рассматривал это как результат многовековых тесных культурно-исторических отношений царства с Персией и влиятельным и сильным скифо-сарматским миром. Взаимодействие иранского мира (Понтийское царство) с Боспором восходит к V в. до н.э. и уже определенные контакты фиксируются в IV-III вв. до н.э. Истории известны связи не только сасанидского Ирана с Боспорским государством, но и с родственными им скифами. Скифы сыграли чрезвычайно большую роль в исторических судьбах многих народов России. Их археологические древности стали известны науке уже в XVIII в., но научная база скифской археологии была создана только в XX в. усилиями в том числе и М.И. Ростовцева и других ученых.

М.И. Ростовцев рисует широкую историческую панораму жизни и быта племен Северного Причерноморья в I тыс. до н.э., среди которых явно выделяются скифы. Скифы создали свое государство на территории нынешнего Северного Причерноморья с Керченским проливом и Прикубаньем.

В начальный период своего пребывания на Северном Причерноморье достижения скифов, особенно в торговле с соседями, были довольно впечатляющие. Они, как пишет Ростовцев, «должны были привлечь к побережью Черного моря особое внимание эллинов, особенно малоазийских, уже давно знакомых с плаванием по Черному морю для сношений с его южным побережьем и с кавказскими гаванями и постепенно

устанавливавших там свои торговые фактории» (Ростовцев, 1918. С.36). Развитие торговых связей между скифами и греческими колониями ускорило процесс разложения первобытнообщинного строя у скифо-сарматов. При этом «верхи скифского общества тесно срастались с торговой аристократией греческих городов, усваивали греческую бытовую обстановку, греческие обычаи и представления».

В книге «Скифия и Боспор» Ростовцев говорит о большом интересе античных авторов к Северному Причерноморью в VII-V вв. до н.э., когда, как он отмечает, «собрано было наибольшее количество положительных реальных сведений о нашем юге». В это время сложилась раз и навсегда та картина распределения племен и народов, соседствовавших с греческими городами северного и восточного побережья Понта, которая затем только «изменяется в деталях, продолжая влиять даже тогда, когда реальная действительность в корне изменилась» (Ростовцев, 2013. С.230).

Единственным народом, повлиявшим на ход колонизации и развития ранних факторий, оказались кочевые скифы, регулярно мигрировавшие через район Боспора Киммерийского. Нестабильная военно-политическая обстановка привела к созданию предпосылок для дальнейшей трансформации поселений ахейцев, так называемых апокий в плане будущего их объединения. В итоге образуются предпосылки для создания Боспорского царства. Династия боспорских царей подчинила себе все боспорские полисы, некоторые соседние варварские племена, пределы государства стали очерчены Крымскими горами и Кавказом. Государство стало евразийским, ибо раскинулось на европейской и азиатской сторонах пролива.

Следующий этап развития региона связан с именем теперь уже царских скифов и борьбой полисов со скифской агрессией. В итоге этой борьбы колонии Северного Причерноморья переросли узкие рамки городов-государств, создав более масштабное государственное образование Боспорское царство со смешанным греко-варварским населением. На этом этапе скифо-эллинические взаимодействия приняли устойчивый характер. В середине V в. до н.э. боспорским правителям с трудом удавалось отбиваться от «царских скифов». Совершенно иными стали взаимоотношения Боспора и Скифии на рубеже IV-III вв. до н.э., когда скифы создали свое государство – Великую Скифию, и уже в качестве государственного образования продолжали оставаться сильным политическим и военным фактором.

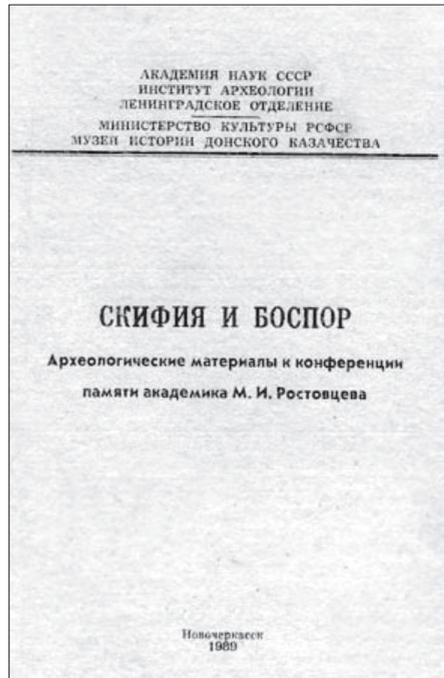
Среди городов Северного Причерноморья особенное внимание Михаила Ивановича привлек город Пантикапей и образовавшееся вокруг него Боспорское царство. Именно Скифия и Боспорское царство находились в зоне научных интересов Ростовцева. Ученый отстаивал идею огромного влияния иранского элемента на всю историю Боспорского царства. При этом делал это настолько аргументированно и обоснованно, что эта концепция не отвергается и современными исследователями (Шевченко, 2003. С.159).

Боспорское царство возникло в 480 г. до н.э. и существовало более восьми столетий, до III в. н.э. Расположившееся в Северном Причерноморье, на Боспоре Киммерийском (Керченский пролив), Боспорское царство (V в. до н.э. – III в. н.э.) соседствовало на юге с Сасанидским Ираном, а на севере и западе с ираноязычными скифами и сарматами. Евразийским государством оно стало с восхождением в 430 г. до н.э.

на боспорский престол представителя иранской династии Спартокидов, царя Спартока. Позже в состав Боспорского царства вошло южное побережье Черного моря (Понта Эвксинского). Что касается европейских провинций, то здесь с Боспором соседствовали с востока и севера ираноязычные скифо-сарматские племена.

Особое внимание Боспору Ростовцев уделил не случайно. В действительности, Боспор был некоей географической координатой, в которой сошлись и затейливо переплелись две культуры, два антигена древнего мира: Эллада и северопричерноморские варвары (Там же. С.155), и среди них, в первую очередь, скифы и сарматы. Государство испытало сильное влияние иранизма, как с юга (Персии), так и со стороны ближайших соседей на севере и востоке страны – скифов и сарматов. Большинство работ ученого, посвященных античности, пронизывает идея огромного влияния иранского элемента на историю Боспорского царства. Среди них: «Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре»; «Научное значение истории Боспорского царства», «Бронзовый бюст боспорской царицы и

история Боспора в эпоху Августа»; «Караванные города»; «Иранский конный бог на юге России». На основе этих статей и других публикаций Ростовцевым написаны два фундаментальных исследования – «Иранство и эллинизм на юге России» и «Скифия и Боспор».

Боспорское царство окружало множество разнородных племен: синды, меоты, зихи, ахейцы, герулы, скифы, сарматы. Из перечисленных племен наиболее существенную роль в судьбе царства, в самом его существовании сыграли сперва скифы, а с III в. до н.э. – сарматы.

Роль скифского мира для истории Боспора была так велика, что, как писал Дж. Бордман, «научный интерес к боспорским колониям в немалой степени объяснялось близостью богатейших скифских курганов (Boardman, 1964. P.263). Бордман прав, хотя кроме знаменитых скифских курганов на территории Северного Причерноморья были еще и сарматские и синдские курганы.

Скифы поддерживали тесные контакты со всеми греческими городами-колониями. Но как отмечено выше, особенно интенсивными эти контакты были с Боспорским царством.

Особое предпочтение исследованию Боспора среди других греческих колоний на Северном Причерноморье Ростовцев уделяет из-за его явного своеобразия, отличия от других центров северного берега Понта.

Суть этого своеобразия по Ростовцеву заключается в следующем. Во-первых, в районе Боспора было выведено несколько греческих колоний. На сравнительно небольшой территории Восточного Крыма, Таманского п-ва до образования единого Боспорского царства существовало семь самостоятельных факторий – апокий (Фессалоника, Панतिकопей, Нимфия,

Фанагория, Геромнас, Кепак и Синдская Гавань) и более трех десятков небольших городков и селений. Такой интенсивности городов и населенных пунктов в других районах греческой колонизации не отмечалось. Во-вторых, колонии эти были объединены в единое крупное государство со столицей Пантикапей и с наследственной монархической формой правления. При этом население царства состояло как из элинов, так и из варварских племен. И, наконец, в-третьих, как было отмечено выше, в результате греко-варварского смешения, в Боспорском царстве выработалась особая греко-варварская культура.

Когда Ростовцев говорит о боспоро-иранских взаимоотношениях, то он имеет в виду не только ираноязычных скифов и сармат, но и сасанидский Иран, который в VI в. до н.э., в период наибольшего своего могущества и стремления к мировому господству начал проявлять агрессию против греческого мира. Первым этапом в этом направлении было подчинение малоазиатских греческих городов, находившихся в постоянной связи со скифской державой. Ученый раскрывает планы персидских правителей по включению в состав монархии Черноморского побережья с греческими колониями. Вместе с тем они не могли не знать о силе и могуществе скифов. Ростовцев подробно излагает поход Дария на Скифию в 513 г. до н.э., закончившийся поражением персидской армии.

Взаимоотношения правящей династии Спартокидов со скифами были наитеснейшими, что стало важнейшим фактором культурно-исторического развития этого времени во всем регионе. Среди местного населения в Боспорском царстве львиную долю составляли скифы. В первой половине IV в. до н.э.

скифы были коренным населением в Восточном Крыму, они захватили также земли меотов на Таманском полуострове, нижней Кубани и в восточном Приазовье (СИЭ, 1962. С.640). Обычным явлением в этот период становилось нахождение кого-либо из окружения скифского царя во дворе Боспорского правителя.

М.И. Ростовцев первым из русских ученых подробно исследует историю Скифии в IV в. до н.э., когда она во главе с царем Атеем достигла своего наивысшего расцвета. Именно с IV в. до н.э. усиливается тенденция к идеализации скифов и далеких северных варваров. IV – начало III в. до н.э. оказались временем стабильности, возникновением Великой Скифии, с которой правители Боспорского царства наладили самые тесные связи, что стало важнейшим фактором культурно-исторического развития этого времени во всем регионе. Многие знатные скифы оседают на территории Боспора и вливаются в состав Боспорской знати. Наиболее известным автором писавшим в это время о северных номадах, был Эфор Кимский (прибл. 405-330 гг. до н.э.). Ростовцев считал, что Эфор, под влиянием этической доктрины стоиков, нарисовал идеализированную картину скифов-варваров, не испорченных разлагающим воздействием цивилизации (Ростовцев, 2013. С.5-6, 88-96). Дружественные отношения со скифами имели следствием значительное расширение границ Боспора, вхождение в него такого количества представителей других племен, что государство стало называться греко-варварским. Весьма интересен вопрос адаптации скифов, затем сарматов к местному населению. Как пишет Ростовцев, скифы благосклонно относились к греческим колонистам, торговали с ними, ценили полученные от них предметы художественного ремесла.

Кроме Ростовцева об этих благоприятных взаимоотношениях скифов с греческим населением писали и другие ученые (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С.22-25).

Имя первого боспорского правителя, возведенного в божественный сан, – Перисад, по этимологии является чисто персидским (букв. сын Пери). Непосредственно же родственные связи древних иранцев с царствующим домом в Боспоре восходят ко II в. до н.э., когда монарх Понтийского царства на южном берегу Черного моря, полуиранец по происхождению, Митридат VI Евпатор установил свою власть в Боспоре. При Митридате эллинству «грозила реальная опасность быть окончательно поглощенными иранством, которое успело уже к тому времени значительно изменить чистый раньше греческий облик населения греческих городов Причерноморья. С другой стороны, иранство встретило, очевидно, Митридата как объединителя и вождя, несмотря на удары, нанесенные им первоначально скифам, и окружило его долго держащимся ореолом национального вождя» (Ростовцев, 1918. С.110). Митридат IV Евпатор становится монархом греко-восточного типа.

Тогда же в государственных институтах Боспора формируется и утверждается культ верховного правителя. Как пишет Ростовцев, с этого времени «Монархия принимает, по крайней мере, в титуле, внешний вид великой персидской монархии... боспорский царь является, несомненно, и великим царем» и «царем царей» (Ростовцев, 1914. С.11). Опека Рима мешала Митридату ощутить себя полноценным, самостоятельным правителем, и Митридат начинает вести продолжительные войны против Рима. Более того, он печатает свои монеты, на которых появился

облик «почетного и тяжеловооруженного иранского царя, облаченного в иранские одежды, вооруженно-го на иранский лад, с длинным иранским скипетром в руке» (Ростовцев, 1918. С.170). Однако исход войн против Рима оказался для Митридата неудачным. После гибели понтийского царя, вследствие предательства его сына Фарнака в 63 г., Боспор в конечном итоге оказался под властью Рима. С этого времени наступает новая эпоха, связанная с активным римским влиянием на греческий и варварский мир региона, эра римского влияния.

Длительное и тесное сосуществование иранских племен и элинов (частично жизнь в одном государстве) наложило сильнейший отпечаток на историю и культуру Боспорского царства. К концу I тыс. до н.э. процесс иранизации греческих колоний на Северном Причерноморье достиг угрожающего для элинов и элинизма уровня. Отвечая на вопрос, почему же Рим отдавал предпочтение союзу греческих колоний во главе с Пантикапеем, Ростовцев писал: «Во всех городах, как и в Пантикапее, наблюдается одно основное явление. Греческий элемент все слабеет, и на поверхность выходит элемент местный. Это вытекает и из имен... количество иранских и фракийских имен все растет, количество чисто греческих все падает... Костюм, вооружение, самый тип все более и более иранизируется. Каждая из этнических групп (иранцы, скифы, сарматы) внесла свою лепту в процесс иранизации и обожествления царской власти» (Там же. С.170, 173, 174).

В еще одной своей работе под названием «Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре» Ростовцев констатирует, что Боспор «усиленно иранизируется по мере того, как он приобретает срав-

нительную самостоятельность и независимость. Иранизируется опять и религия, и царская власть... на мелкой монете для своих подданных он (т.е. монарх. – А.Ч.) является в ореоле божьей милостью правящего царя, получающего знаки власти своей от бога» (Ростовцев, 1913. С.29). По Ростовцеву иранизация Боспора при сыне Митридата Фарнаке II и последующих правителях еще более углубилась. При Спартокидах из объединения греческих колоний Боспор превратился в греко-варварское государство, включающее в свой состав ряд туземных племен нижней Кубани и Приазовья. Что касается других городов-колоний, то некоторые из них признавали власть скифских царей. Как было отмечено выше, скифы обычно благосклонно относились к греческим колонистам, торговали с ними, ценили получаемые от них предметы художественного ремесла.

Правящая элита Боспорского царства сумела установить союзнические отношения и с сарматами. Процесс иранизации Боспора еще более усилился в период смены скифской эпохи на сарматскую (III-II вв. до н.э.). Начался он привлечением сарматских племен-сирарков на свою сторону претендентом на царство Евмелом Боспорским в борьбе со своими братьями. Боспор продолжил политику, которую проводил со скифами в период расцвета державы и с сарматами, результатом чего было укрепление влияния царства в Прикубанье и низовьях Дона. Боспорское царство стало сильным, хорошо организованным государством.

В I-II вв. н.э. Боспорское царство неоднократно воевало сначала с сарматами в Приазовье, а затем со скифами в Крыму. Последняя кампания закончилась победой боспорцев. В эти же столетия под влияни-

ем притока сарматских этнических элементов в городах Боспора происходит более усилившаяся «сарматизация» культуры Боспорского государства (СИЭ, 1962. С.643-644). Во-первых, Боспорское царство соседствовало с сарматами и Крымской Скифией, во-вторых, царством управляла иранская династия, основанная во II в до н.э. Митридатом VI. Его внучка Динамия вышла замуж сперва за убийцу «своего отца Фарнака Асандра, а после его убийства – за Скрибония, а затем за Аспурга, в жилах которого также текла иранская кровь, и стала его соправителем, и так далее. Да и сам Митридат VI через своих сыновей, дочерей вступил в связь со скифами, сарматами и меотами. Все это предопределяло усиление процесса иранизации Боспорского царства.

В предыдущей главе уже говорилось о том, что сильной иранизации подверглись внешний облик населения и вооружение боспорской армии. Если до позднего эллинизма вооружение носило кельтско-эллинистический характер, то теперь оно было характерным скифо-сарматским.

Продолжая свои мысли об иранизации столицы Боспора Пантикапее, Ростовцев писал: «Основною особенностью, характеризующею уклад быта Пантикапее и других греческих городов Причерноморья эпохи ранней империи, является сильнейшая, дотолее невиданная, иранизация всего уклада государственной, религиозной и культурной жизни» (Ростовцев, 1918. С.168). Далее, углубляясь в тему, Ростовцев продолжает: «В области государственности наиболее интересным явлением надо считать развитие царской власти на Боспоре. Все следы автономии гражданства после Митридата исчезают... царит неограниченная монархическая власть, для всех подданных равная. От старой

двойственности власти не осталось и следа. Неограниченный абсолютизм по отношению к подданным сочетается с полной вассальной зависимостью от Рима» (Там же). При всем этом иранский характер царской власти сохраняется. «Как только цари получают возможность облечься полным титулом своей власти, как они ее понимали, они принимают титул «царя царей», подчеркивающий их связь с иранским миром, со старой персидской династией, и с их родоначальником Митридатом». При этом преклонение перед иранством дошло до такой степени, что: «Как только они получают некоторую свободу действия в эпоху ослабления центральной власти, начиная с М. Аврелия, они сменяют свой облик римско-фракийского кавалерийского генерала, каковыми они являются на монетах I в. по Р.Хр., на облик почетного и тяжеловесного иранского царя, облеченного в иранскую одежду, вооруженного на иранский лад, с длинным иранским скипетром, без бюста императора в руке. Поза изображенного в этом виде царя, сидящего на тяжелой грузной лошади, позволяет думать, что он изображается в акте молитвы, направленной к верховному небесному божеству – иранскому Аура-Мазде» (Там же. С.170).

Подчеркивая относительно стабильное развитие греческих городов Причерноморья в течение трех столетий нового тысячелетия, Ростовцев отметил кардинальный прогресс, достигнутый городами во всех сферах жизнедеятельности. «Но это были уже не те города, которые когда-то основали здесь греки. Создалось новое население и новая культура. Две струи, греческая и скифо-сарматская слились, пока и ту и другую не залили волны германских, тюркских и славянских племен, которым принадлежало будущее» (Ростовцев, 1918. С.186).

В условиях тесных связей экономического, политического и культурного порядка ближайшие к колониям скифо-сарматские племена становились полуэллинистическими. При этом социальные верхи скифов настолько усвоили греческую культуру, что даже наиболее устойчивые местные этнокультурные элементы подвергались переработке в греко-античном духе (Анахарсис, Скил). В этом отношении особенно показательны скифские археологические артефакты, извлеченные из курганов.

При всей исключительной важности и ценности работ Ростовцева, в них недостаточно раскрыт вопрос влияния скифской действительности на самих греков. Вот что пишут по этому поводу известные ученые Г.М. Бонгард-Левин и Э.А. Грантовский: «В целом влияние скифской культуры на эллинский мир было весьма заметным. Греческие и римские поэты нередко обращались к скифским мотивам, их привлекали история, обычаи, нравы, традиции скифов, герои скифских преданий: «прародительница» скифов-змееногая богиня земли, эпический царь Колаксай, царицы-воительницы скифо-сарматских племен и др. Очень популярен в античной литературе был образ Анахарсиса... Вместе с реальными фактами, описанием действительно существовавших народов греки получали и фольклорные сюжеты скифов и их соседей» (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983. С.70-71).

Контакты иранского мира, а именно Понтийского царства с Боспорским, восходят к V в. до н.э., и уже в IV-III вв. до н.э. фиксируются определенные взаимоотношения между двумя этими царствами. Отметим и то, что контакты скифов не ограничивались только лишь греческим населением Боспора, хотя они и были преобладающими. Известны также контакты скиф-

ского мира с племенами Западной Европы. В эпоху господства греко-иранской цивилизации на юге России западное влияние все же проникало в этот мир, и при этом сильно влияло на общий характер культуры, главным образом западной части южно-российских степей (Ростовцев, 1918. С.7). Ростовцев рассматривает контакты скифов не только с эллинским миром, но и с кельтами на рубеже IV-III вв. до н.э. (Еременко Зуев, 1989.С.110-112).

Заключение

Михаила Ивановича Ростовцева, как и его ближайшего друга, выдающегося русского ученого-историка Георгия Владимировича Вернадского (также эмигрировавшего после революции на Запад), некоторые коллеги упрекали в том, что они слишком увлекаются иранизмами, преувеличивали роль иранцев в судьбах народов юга России в древности. В частности, Э. Фролов осторожно отмечает «некоторые увлечения, проявленные Ростовцевым при оценке достижений причерноморских «иранцев» (т.е. скифов) в государственном строительстве и культуре, равно как и степенью конструктивного взаимодействия их с греками» (Фролов, 1990. С.163).

Мы полагаем, что подобного рода претензии не имеют под собой основания. Нет оснований полагать, что Михаил Иванович Ростовцев симпатизировал бы этнически чуждым для него иранцам более, чем родному народу. Да и сам Михаил Иванович четко обозначал, что, будучи русским человеком, в первую очередь он интересовался историческими корнями славянства. В своей автобиографии Михаил Иванович писал: «Как русский, глубоко привязанный к своей стране, я естественно, интересовался историей России в пери-

од классической древности» (Скифский роман, 1997. С.46). И великий русский ученый-патриот достигает этой цели через изучение иранской и греческой цивилизации. Будучи объективным исследователем и большим специалистом по античной истории, он прекрасно понимал, что свершившийся в глубочайшей древности в Северном Причерноморье симбиоз античной и скифской, а затем сарматской культур не прошли бесследно для наследников этого причудливого синтеза – славянских племен, и что уже таким путем Россия была вовлечена во всемирно-исторический культурный процесс.

Своими исследованиями ученый обозначил истоки истории славян, более чем кто-нибудь другой доказал важность древнеиранской, скифо-сарматской и эллинской составляющей Дославянского периода истории России. Согласно Э.Д. Фролову, большая заслуга Ростовцева заключается в том, что впервые в отечественном антиковедении «он досконально разработал взаимоотношения античности с миром окружающих варваров, показал оригинальность вклада обоих контрагентов – греческих городов и скифо-сарматских племен и, таким образом, обосновал значение этнокультурного взаимодействия как решающего фактора исторического развития» (Фролов, 1990. С. 162).

В обобщающих трудах М.И. Ростовцева основная идея сводилась к простой мысли о столкновении в Северном Причерноморье двух начал – восточного, или иранского, привнесенного сюда кочевыми племенами скифов и сарматов, и эллинского, носителями которого были греческие колонии. Сочетание этих двух начал и дало замечательную скифскую культуру, воспринимаемую, прежде всего, со стороны скифского искусства или «звериного стиля» (Артамонов, 1947. С.68).

Таков был облик южнорусских степей в эпоху господства скифов.

Как правильно отметил Ростовцев: «Основной тон государственности, религии, быту юга России задавали иранцы, но чувствуется, что иранцы явились не на девственную почву, что они встретились здесь с племенами, выработавшими к тому времени свой уклад жизни, свою религию, свой быт» (Ростовцев, 1918. С.75).

Несмотря на то, что работам Михаила Ивановича Ростовцева, посвященным древней истории Юга России – Боспору, более ста лет, их основные постулаты так и остались универсальными. Более того: «Некоторые его умозаключения настолько опередили свое время, что их ценность мы осознаем только сейчас, вступая в XXI столетие. И, кто знает, быть может, вклад гениального русского ученого в разрешение проблемы сосуществования разных цивилизаций, поможет нам расплести клубок национальных противоречий, в котором ныне оказался, запутанным Крымский полуостров» (Шевченко, 2003. С.162).

Французскому философу XI в. Бернару Шартскому приписывают следующее изречение: «Мы подобны карликам, усевшимся на плечах великанов; мы видим больше и дальше чем они не потому, что обладаем лучшим зрением, и не потому, что выше их, но потому, что они нас подняли и увеличили наш рост собственным величием».

В случае с М.И. Ростовцевым ситуация сложилась иная; мы стоим на его плечах, но не способны видеть так далеко, как видел он. «Многие поднятые им проблемы еще только предстоит исследовать, а те, что изучались, еще далеки от полной ясности, мы многому можем научиться у этого ученого», – писал американский исследователь Э. Фаркаш (Фаркаш, 1992. С.171).

Со времени написания трудов Ростовцева, посвященных древней истории юга России, прошло достаточно времени. Тем не менее, основные постулаты выдающегося ученого по антиковедению утвердились в мировой науке. Нет оснований подвергать их ревизии, ибо никаких серьезных доводов для этого не предполагается. Великий русский ученый Михаил Иванович Ростовцев по-прежнему остается недосягаемой величиной в исторической науке.

Литература

- Boardman J.* The Grek Overseas Penguin Books. 1964.
- Ebert Max.* Sudrussiand im Allectum Bonn und Leipzig, 1921; Sudrussiand. Skytho-sarmatische. Periode «Reall d. Vorgesch». Berlin, 1929.
- Kletschmer,* Scythae/RE .11.A (1932).
- Minnz* Scythians and Greeks. 1913.
- Momigliana A.* Studies in Historiographie. L., 1996.
- Rostovcev M.* The social and economic history of the Hellenistic Word. 3 тома. Oxford, 1941.
- Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.
- Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- Абаев В.И.* Избранные труды. 1. Вл., 1990.
- Абаев В.И.* Избранные труды. Т. II. Вл., 1995.
- Алипов Л.А.* Ростовцев М.И. – историк Древнего Рима: Автореф. канд. дис. М., 2010.
- Андреев Ю.В.* Греки и варвары Северного Причерноморья // ВДИ. 1996. №1.
- Античные источники о Северном Кавказе / Составитель В.М.Аталиков. Нальчик, 1990.
- Артомонов С.* Вопросы истории скифов в советской науке // ВДИ. 1947. №3.
- Бонгард-Левин Г.М.* Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1983.
- Бороздин И.Н.* Ученые заслуги М.И. Ростовцева // Отчет о 3-м присуждении медали им. гр. А.С. Уварова. М., 1915.

Вернадский Г.В. М.И. Ростовцев (к 60-летию): Сборник статей по археологии и византинологии. Прага, 1931.

Виноградов Ю.А. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху. СПб., 2002.

Гаглойти Ю.С. К проблеме появления алан на Северном Кавказе // Известия ЮОНИИ. Вып. VII. 1964.

Гаглойти Ю.С. Избранные труды. 1. Цхинвал, 2010.

Гайдукович В.Ф. Капош С.М. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. 1957. №3.

Геродот. История. Л., 1972. IV. 117.

Граков Б.Н. Скифы. Киев, 1947.

Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. №3.

Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота в V в. до н.э. Л., 1957.

Дьяконов И.М. и др. Древний Восток. М., 1951.

Жебелев С.А. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху // ВДИ. 1938.

Жебелев С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1953.

Зайцев Ю.П. Скирул и его царство // ВДИ. 1999. №2. С. 145.

Зуев В.Ф. М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман. М., 1999.

Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев и неизвестные главы книги «Скифия и Боспор // ВДИ. 1989. №1.

Зуев Э.А. Творческий путь М.И.Ростовцева//К созданию исследования по истории Скифии и Боспорского царства // ВДИ. 1999. №1.

Зуев Э.А. Русская наука об античности. Историографические очерки. 2-е изд. СПб., 2008.

Еременко В.Е., Зуев В.Ю. М.И. Ростовцев и проблема кельтско-скифских культурных контактов // Скифия и Боспор. Археологический материал к конференции памяти академика М.И.Ростовцева. Новочеркасск, 1989.

История Кабардино-Балкарской АССР. Т.1. М., 1967.

История Северо-Осетинской АССР. Т.1. Ордж., 1987.

Калистов Д.П. Античная литературная традиция о Северном Причерноморье // Исторические записки Т.ХVI. М-Л., 1945.

Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1945.

Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999.

Кузицин В.И. О публикации новых глав труда акад. М.И.Ростовцева // ВДИ. 1989. №1.

Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Вл., 1992.

Кузнецов В.А. Аланы и Кавказ. Осетинская эпопея обретения родины. Вл., 2014.

Латышев В.В. Scythico et Caucasicis. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т.1. СПб., 1893.

Литвинский Б.А. Читая «Скифский роман» // ВДИ, 1999. №1.

Рецензия на книгу «Скифский роман» / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997.

Литтлтон К., Малкор Л. От Скифии до Камелота. Вл., 2007.

- Лурье С.Я.* Геродот. М.-Л., 1947.
- Малахов С.Н.* Еще раз о «печенежском происхождении ясов в древнерусском переводе Иосифа Флавия // Проблемы этнографии осетин. Вл., 1992. Вып.2.
- Массон В.М.* Экономический и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч. II. Вл., 1992.
- Парфянский выстрел / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина и Ю.Н. Литвиненко-Погребова.
- Пуздровский А.Е.* Политическая история Крымской Скифии // ВДИ. 2001. №3. С.91-117.
- Равдоникас В.И.* Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // Изв. ГАИМК. Т.ХII. В. 1-8. Готский сборник. Л., 1932.
- Раевский Д.С.* К вопросу об «отложившихся» скифах // ВДИ. 1989. №1.
- Российские научные эмигранты. 20 портретов. М., 2001.
- Ростовцев М.И.* Курган «Солоха» // Ежемесячный журнал. №1. СПб.: Типография Усова, 1914.
- Ростовцев В.И.* Skifika. Избранные работы. СПб., 1993.
- Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. Петроград, 1914.
- Ростовцев М.И.* Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае. Прага. 1928.
- Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Труды Московского археологического общества. Т.ХХV. 1916.

- Ростовцев М.И.* Глава V. Государство, религия и культура скифов и сарматов // ВДИ. 1989. №1.
- Ростовцев М.И.* Иранский конный бог и юг России // Иранство и эллинство на юге России. Вл., 2012.
- Ростовцев М.И.* Караванные города. СПб., 2010.
- Ростовцев М.И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып.49. 1913.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников археологических и литературных. М., 2013. 626 с.
- Ростовцев М.И.* Эллинизм как термин. М., 2003.
- Ростовцев М.И.* Эллинистический римский архитектурный пейзаж. СПб., 1908.
- Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918.
- Ростовцев М.И.* Научное значение истории Боспорского царства. СПб.: Издательство Брокгауза и Эфрона, 1914.
- Сарианиди В.И.* Бактрия сквозь мглу веков. М., 1984.
- Свенцицкая И.С.* Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени // ВДИ. 1985. №4. С.51.
- Семенов-Зусер С.А.* Родовая организация у скифов Геродота // Известия ГАИМК. Т.IX. В.1. Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997.
- Скрипкин А.С.* Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
- Смирнов А.П.* Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1935.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КС ИИМК. Вып. XXXIV. 1950.

Советская историческая энциклопедия. Т.1. М., 1961.

Советская историческая энциклопедия. Т.2. М., 1962.

Советская историческая энциклопедия. Т.12. М., 1969.

Советская историческая энциклопедия. Т.14. М., 1973.

Советская историческая энциклопедия. Т.15. М., 1974.

Стражный А. Украинский менталитет, Киев, 2001 / *Тереножкин А.И.* Скифская культура // Скифская культура и искусство. Анахарсис. Вл., 2012.

Фаркаш Э. 1992.

Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.

Фролов Э.Д. Судьба ученого: Ростовцев и его место в русской науке об античности // ВДИ. 1990. №3.

Хазанов А.М. Золото скифов. М., 1975.

Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М., 2008.

Чибиров Л.А. По топам времени. Некоторые вопросы истории и культуры осетин. Вл., 2012.

Шевченко О. (О.Ш). Царский культ на Боспоре в научных разработках М.И.Ростовцева // В.И.Даль и судьбы русской культуры: Мат-лы н-п. конф. Симферополь: ООО. ПЦ «Московский мост», 2003. С.155-163.

Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.

Принятые сокращения

ВДИ – Вестник древней истории.

ГАИМК – Государственная академия института материальной культуры.

ИАН – Известия Академии наук.

КС ИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

СА – Советская археология.

ЮОНИИ – Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З.Н. Ванеева.

Приложение

«В 1986 г., знакомясь с фондом М.И. Ростовцева в Центральном Государственном Историческом архиве, я обратил внимание на три главы из его неизвестного сочинения. Главы имеют нумерацию и самостоятельные заглавия, что указывает на законченность текста и вместе с тем на фрагментарность хранящейся в архиве рукописи. По номерам главы идут в следующем порядке: глава II «Так называемые доисторические или протоисторические памятники»; глава V «Государство, религия и культура скифов и сарматов»; глава VI «Государство и культура Боспорского царства». Из контекста V главы становится ясно, что в промежутке между II и V главами речь шла в основном о политической истории Скифии и Сарматии. Упоминания о втором томе книги М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор»... позволяют говорить о том, что эти главы представляют собой продолжение книги «Скифия и Боспор».

Из статьи В.Зуева «О публикации новых глав труда акад. М.И. Ростовцева»
ВДИ, 1989, №1. С.207

ГЛАВА V. ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА СКИФОВ И САРМАТОВ

Задача выяснения государственности и уровня культурной жизни скифов и сарматов очень трудна и неблагодарна. Выше я разбирал характер и достоверность имеющихся у нас источников, характеризую-

щих государство, религию и быт скифов и сарматов¹. Повторяю здесь вкратце те выводы, к которым я пришел в предыдущем изложении.

Оставляя в стороне все то, что касается политической истории скифов, о чем была речь в предыдущих главах, остановимся исключительно на вопросе о том, что знали древние о государственности, быте и религии скифов и сарматов и чем мы можем дополнить эти сведения.

Мы видели, что живой интерес к Скифии существовал в греческом мире в эпоху доперсидскую, когда во главе культурного движения стояли ионийские города Малой Азии и когда совершалась колонизация Черноморского побережья, выяснились возможности новых стран и их значение для греческого мира². Так как хозяевами северного побережья Черного моря и части его восточного берега были скифы и греческим поселенцам приходилось встать от скифского царства в отношении вассальной зависимости, такие же, в каких находились города М(алой) Азии сначала от лидийского, а затем от персидского царства, то грекам необходимо было знать, с кем они имеют дело, каково их прошлое и настоящее, какова культура и вообще весь облик их крупного и, как казалось, прочно организованного царства.

Нужные сведения собирались, конечно, постепенно и с разных точек зрения. Мифотворческая фантазия греков втянула Черноморское побережье в рамки главных мифотворческих циклов, связывая Черноморье и с мифом Геракла, и с рассказами об Аргонавтах, и с мифом об Аполлоне и гиперборейцах, и с преданиями об Ахилле, причем в эти мифы в их перво-

¹ Очевидно, этот разбор предшествовал изложению политической истории Скифии.

² См. об этом: Скифия и Боспор. Гл. III. Л., 1925. С. 16–23.

начальном виде, и в их литературной обработке, вплелось немалое количество данных из истории скифов, их быта, их религии. Кое-какую роль в этом мифотворчестве сыграли и греки основывавшихся одна за другой греческих колоний по берегам Черного и Азовского морей.

Наряду с этим отлагались в сознании греков и фиксировались в их поэзии наблюдения отважных греческих путешественников, из которых некоторые, как, например, Аристей из Проконнеса, проникали вплоть до границ Китая, пользуясь, очевидно, крупным престижем скифского царства³, Немалую роль сыграли первые и заинтересованные реальные наблюдения главным образом ольвийских греков над жизнью и историей скифского царства и его соседей.

Все это отложилось в ионийской науке и ионийской литературе, отражая близость греческого мира к Скифии и значение, которое имела Скифия для греков VII–VI вв. до Р. Хр. Черное море играло крупную роль в постепенно слагавшемся представлении греков об обитаемом мире, т.е. в их географической литературе, наблюдения над строем Скифии, её климатом, продуктами и т.п. передавались в произведениях ионийских логографов, те же наблюдения были материалом для естественно-исторических построений.

Обрывки этого творчества дошли до нас в одном аспекте в маленьком естественно-историческом трактате, приписываемом Гиппократу, в постоянных повторениях в той или иной форме некоторых циклов мифических сказаний и отдельных эпизодов из этих циклов, полнее и шире всего в том завершении рабо-

³ В «Скифии и Боспоре» имеется указание М.И. Ростовцева на то, что вопрос об использовании исторических данных Аристея он рассмотрит во втором томе.

ты ионийских логографов, которым было бессмертное творение Геродота.

Естественно, что, будучи последним звеном одной цепи и одним из первых звеньев новой, произведение Геродота является особенно сложным и трудным для анализа. Выше разобранный вопрос о том, знал ли Геродот хотя бы кусочек Скифии *de visu* или черпал он преимущественно из рассказов своих предшественников, не имеет для нас решающего значения. Важнее то, что значительная часть его рассказа о Скифии несомненно идет от ольвийских греков, которые, конечно, недурно осведомлены были о той Скифии, которая была ближе всего к ним и которая ближайшим образом их интересовала. Частью механическая, частью органическая переработка этих сведений Геродотом или его предшественниками, кругозор которых был гораздо шире, чем узкий кругозор ольвийских греков, создают непреодолимые трудности для работы выделения этих наблюдений из всего того, что по своему характеру экзотичности, сказочности и поэтичности было особенно ценным и для самих логографов, и для их читателей. Для нас эти последние элементы, не связанные с определенной национальностью и определенным временем, имеют гораздо меньшее значение, чем узкие, но реальные наблюдения ольвийцев.

После эпохи Персидских войн, после ослабления скифского царства, бывшего результатом похода Дария, и ряда ударов по Скифии со стороны фракийских племен Балканского полуострова и вызвавшего усиление греческих колоний Причерноморья и особенно Боспорской державы, интерес греков к Скифии падает. Картина, данная ионийскими логографами, в значительной части уже не соответствующая действительности, остается канонической и не пополняется почти

никаким свежим и новым материалом. Данные этой картины использованы и греческой наукой, и греческой историографией, и греческой поэзией. Везде мы находим ее следы и везде видим попытки вложить эти данные в ту или другую новую научную теорию.

В этой пестрой картине для нас особенно важен в интересующей нас связи тот материал, который был использован первыми попытками греков дать культурную историю человечества. В сборниках, где сопоставлены были так называемые *ὄμμινα βαρβαρικᾶ* в трактатах, где речь идет о культурной эволюции людей, в ответах на вопросы «кто что изобрел»⁴ скифы и Скифия играют немалую роль, но новых наблюдений и новых данных мы здесь не найдем. Все это варианты старого, где новыми являются только комбинации и сопоставления, те или другие по большей части необоснованные гипотезы, те или другие выводы из по большей части недостаточных предпосылок. Выделить здесь реальное, относящееся несомненно к скифам VI и V вв. до Р. Хр. в высшей степени трудно. Еще труднее оперировать с теми общими картинами жизни Скифии, которые с легкой руки стоической философии вставляют в свои исторические произведения историки типа Эфора. Я уже говорил о том, как в их руках скифы, с одной стороны, стали типом, их жизнь – типом жизни север-

⁴ В «Скифии и Боспоре» М.И. Ростовцев обращался неоднократно к анализу Геродота (см. с. 2-4, 6, 7, 11, 13, 15-19, 21-23, 25, 28-33, 42, 43, 46, 59, 61, 80, 85, 86, 91, 92, 94, 95, 97-99, 106, 107, 109, 110, 112, 114-116, 120, 121, 258, 309, 329). Однако вопрос о пребывании Геродота в Ольвии в первом томе не затрагивался вообще. Вместе с тем М.И. Ростовцев касается данной проблемы в книге «Эллинизм и иранство на юге России» (с. 59), которая была выпущена в свет в самом конце июня 1918 г. См. РО ИРЛИ, ф. 212 – архив издательства «Огни», ед. хр. 143. И это не случайно. Дело в том, что «Эллинизм и иранство...», изданная петроградским издательством «Огни», является ни чем иным, как сильно сокращенным и значительно популяризированным вариантом второго тома «Скифии и Боспора». См. об этом также: Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. B., 1931. S. V.

ного кочевника вообще, как, с другой стороны, на место реальной трактовки скифов становится полуреальная картина идеализированного кочевого народа, носителя тех постулатов, которые предъявляла человечеству стоическая философская теория. В этой трактовке жизни и быта реальных скифов IV в. до Р. Хр. наблюдаемые детали, скудные и сами по себе, так как Скифия этого времени не привлекала к себе заинтересованных наблюдателей, теряются в массе заимствованного у логографов материала, а все это перерабатывается в плоскую и гладкую картину жизни созданного теорией, не существовавшего в действительности народа.

Реальная картина Скифии, между тем, начиная с III в. резко изменяется. Единственная научная дисциплина, которая следит за этими изменениями, это география, работающая для чисто практических целей. Кое-какие факты политической истории отлагаются в исторических трудах, касавшихся тех частей греческого мира, которые приходили в столкновение со все слабевшими обломками скифской державы. Интересы к государственности, быту и религии скифов этого периода их упадка мы не находим нигде.

Новая струя свежих данных занимающего нас характера появляется в древней литературе в эпоху оживления интереса к северному и восточному Причерноморью, связанному с ростом Мифрадатовской державы, и с той ролью, которую сыграли в момент ее образования и затем в годы ее крушения племена, жившие на берегах Черного и Азовского морей. В руках гениального историка этого периода, умевшего давать блестящие картины быта и строя приходивших в соприкосновение с Римом новых «варварских» племен, в руках Посидония данные историков Мифрадата превращаются в цельную бытовую картину. Но для Поси-

дония, давшего такую блестящую характеристику хорошо знакомых ему кельтов, сложная картина быта и нравов многих причерноморских племен сливается под влиянием Эфора и стои в картину, где реальные черты исторической действительности претворяются в новое издание картины быта степных кочевников вообще с определенной тенденцией к их идеализации и в ряде отдельных наблюдаемых реальных характеристик, относящихся к отдельным местностям и племенам.

Характеристика Посидония, как известно, дошла до нас не непосредственно, а через переработку ее и ее источников в большом сводном труде Страбона, причем с этим конгломератом сплеталась в одно органическое целое и ученая дискуссия исследователей Гомера о том, в какой мере реальны были его сведения о жизни и быте кочевных племен. Расчленение Страбона на его составные части и выделение из его трактата реальных наблюдений историков Мифрадата, уже переработанных Посидонием, дает кое-какие черты, которые приходится, кроме этого, распределять между теми племенами, пребывание которых на берегах Черного моря засвидетельствовано нам географической литературой.

С этими же реальными наблюдениями эпохи позднего эллинизма тесно связаны и картины быта кочевых племен Причерноморья, которые сохранил нам Лукиан. Здесь работа критика еще труднее, так как реальные черты быта не основаны ни на реальном знании географии и этнографии, ни на стремлении дать исторически реальную картину. Эти реальные черты утопают, с одной стороны, в Эфоро-Посидониевском взгляде на строй кочевого быта вообще, в массе нереальных деталей новеллистического характера, с другой.

Римская наука, историография и поэзия сами по себе вносят много нового в наше знакомство с племенами Причерноморья. Реально и важно здесь прежде всего то, что так или иначе, особенно у Тацита и Плиния, восходит к личному знакомству римских вождей с теми племенами, с которыми историческое развитие сталкивало римское оружие. Эти обрывки в высокой степени ценны и значительны. Кое-что новое дают здесь и отдельные наблюдения и характеристики Аммиана.

Наряду с этим ценно и важно и то новое, что включила в состав своих сводных работ римская наука энциклопедического характера, повторяющая многое из того, что уже нам известно, но имевшая в своем распоряжении и такие источники, которые передавали ряд старых ионийских наблюдений, не вошедших в состав произведений Геродота и Гиппократов. Для бытовой истории особенно ценно то, что дает римская ученая поэзия, особенно Валерий Флакк. Но и здесь выделить подлинное от дериватов, определить первоисточники – задача в высокой степени трудная и сложная.

Для характеристики скифов VI–III вв. до Р. Хр., их государства, религии и быта единственным новым и ценным источником являются главным образом логографы Ионии, преимущественно Геродот, картина которого остается единственно цельной и связной, несмотря на ее пестроту. Только там и здесь мы в состоянии дополнить ее из более поздних источников – случайных сведений историков позднейшего времени, обрывков сведений ионийских логографов, затерявшихся в более поздней литературе. В большинстве случаев, однако, сведения последней категории не касаются государственности скифов, а либо моментов географических, либо некоторых подробностей внешнего быта.

Сведения ионийских логографов, рисующих нам Скифию главным образом VI в. до Р. Хр., может быть с некоторыми добавлениями V в., приходится сочетать с тем, что дало нам археологическое расследование юга России⁵.

Действовать здесь тем механическим путем соединения археологических дат со сведениями Геродота, как это сделали в свое время Лаппо-Данилевский и Забелин, по пути которых пошел и Minns⁶, вряд ли правильно и целесообразно. Помимо того, что сам Геродот должен быть расчленен на отдельные составные части, надо считаться еще с той сложной картиной археологического материала, в которой мы попытались разобраться в нашем введении. Иначе мы можем оказаться в положении Эфора и вместо реальной картины Скифии VI–III вв. до Р. Хр. дать картину быта кочевых степняков вообще, на которую сбивается и часто реальная или преследующая реальные цели картина Геродота.

Надо прежде всего отметить, что никакого отношения к скифам и их державе весь материал доскифских погребений не имеет. Не имеет он никакого отношения и к киммерийцам⁷.

Так как появление скифов с Востока несомненно, а принадлежность их к иранцам, как увидим ниже, в высокой степени вероятна, то к характеристике скифской культуры, религии и государственности будут иметь отношение только те погребения, в которых определяющими являются вещи, восточное или

⁵ После этого абзаца М. И. Ростовцев переходит к обзору археологических источников. Их критическое рассмотрение было предпринято им во втором разделе книги «Скифия и Боспор».

⁶ Подробнее о критике этих взглядов см. Ростовцев М.И. Рец.: Minns E. Scythians and Greeks Cambr., 1913 //ЖМНП. 1913. Ноябрь. Отд. 2. С.173-174.

⁷ Доказательству этого положения в рукописи второго тома посвящена глава II: «Так называемые доисторические или протоисторические памятники». Характерно опять-таки, что данного вопроса М. И. Ростовцев касается в начале книги «Эллинизм и иранство».

иранское происхождение которых может считаться установленным. При этом надо помнить, что характер этих погребений меняется в зависимости от двух факторов – географического и хронологического. Для эпохи VII–IV вв. до Р. Хр. мы имеем, прежде всего, две большие группы: одну – кубанскую, другую – днепровскую. Отличительной особенностью первой является преобладание восточных и греческих элементов над местными, характерным признаком второй – наслоение сначала греческих, а затем восточных вещей на местную основу, в достаточной степени типичную и не имеющую никаких элементов, указывающих на ее восточное происхождение. Анализ этой основы ведет скорее на запад, в сферу гальштадтской культуры, к которой позднее присоединяются все в большем числе элементы латенской цивилизации.

В IV–III вв. до Р. Хр. в погребениях всего юга России, от Кубани вплоть до Венгрии и Болгарии, начинают преобладать восточные и греческие элементы, причем апогея своего развития достигают как греческий импорт, так и особенно вещи, сработанные в духе местного звериного стиля, и вещи, изготовленные греческими, вероятно пантикапейскими, мастерами специально для нужд и потребностей населения, характеризующегося смешением в его обиходе предметов, типичных для Ирана, и некоторых вещей, прилегающих к местной культуре приднепровского населения. Наряду с этим имеется и некоторое количество вещей, которое надо считать иранским импортом. И в этот период, несмотря на общность культурного уклада, отмечается ряд местных особенностей. В Прикубанье и особенно на Тамани и в Крыму замечается сильнейшее греческое влияние, вытесняющее какие бы то ни было местные элементы, в бассейне Дона, ближе к

Танаиду, замечается то же явление, дальше на север к восточно-греческим вещам примешиваются мало еще обследованные местные вещи. В степном Приднепровье царит почти безраздельно греко-восточный уклад, между тем как в Среднем Приднепровье наряду с сильной примесью восточногреческих вещей в большинстве погребений базой остаются вещи местного производства, на которые отчасти влияют предметы восточногреческого обихода.

Характерной особенностью описанных областей является еще и то, что на Кубани во все периоды преобладают монументальные и роскошные погребальные сооружения с богатым инвентарем, та же особенность характерна и для степной Приднепровской группы, все погребения которой относятся к IV–III вв. до Р. Хр. На Тамани же преобладают погребения под одним курганом ряда лиц с богатым инвентарем в каждом погребении.

Иную картину дает Среднее Приднепровье – Киевщина и Полтавщина, причем к ним в IV–III вв. до Р. Хр. присоединяется и Среднее Придонье. Здесь наряду с монументальными и роскошными погребениями, где преобладают вещи восточного и греческого характера, количество которых сначала незначительно, особенно возрастает в IV–III вв. до Р. Хр. господствуют погребения менее монументальные, более скромные, и с инвентарем в значительной своей части местного происхождения.

Начиная со второй половины III в. до Р. Хр. общий характер степных курганных погребений сравнительно резко изменяется. Меняется и конструкция погребального сооружения, и обряд, и состав, и характер инвентаря. В Киевщине и Полтавщине за отдельными фазами постепенного изменения, в других местностях,

как, например, на Кубани, мы застаем во II–I вв. до Р. Хр. совершенно сложившиеся и готовые новые формы (так в тексте. – В. З.).

Целый ряд соображений, среди которых решающую роль играют соображения хронологические, заставил нас, не колеблясь, признать носителями культуры курганных погребений VI–III вв. до Р. Хр. скифов, господство которых в степях юга России в этот период закреплено нашим литературным преданием, правда в достаточной мере скудным, но не допускающим двух толкований. Большие и роскошные курганные погребения хранили несомненно останки отдельных скифских вождей, главарей всего народа и отдельных его частей. Характерное сочетание восточных (по преимуществу иранских) греческих и местных элементов во всех этих погребениях вполне подходит к той картине, которую дают наши литературные свидетельства о скифах и их государстве.

Гораздо труднее вопрос о том, какова была культура, носителями которой были не вожди, а руководимый ими народ-завоеватель. Ответ на этот вопрос сильно затруднен односторонностью археологического расследования, сделавшего своим объектом отдельные богатые курганы, а не целые некрополи, в состав которых обычно входят эти курганы. Поэтому чрезвычайно затруднительно сказать, является ли та местная культура, которая лежит в основе культурной жизни Приднепровья, но, насколько можно судить по данным, добытым до сих пор, не заходит за пределы течения Дона, культурой, носителями которой были скифы, скифский народ как таковой, или местное, покоренное скифами население, вещи обихода которого восприняты были в значительной части скифами-пришельцами, поскольку дело идет не о верхах, а о народе.

Вопрос этот в данном моменте, при данном состоянии материала вряд ли может быть разрешен в ту или иную сторону. Отсутствие типичной местной, так называемой «скифской» керамики на берегах Кубани, где так сильна скифская культура верхов, ряд параллелей, которые связывают эту керамику с Гальштадтом, наличие ее в Приднепровье до появления погребений с восточными иранскими вещами делают в данный момент более вероятным предположение, что так называемая «скифская» керамика не принесена с собою скифами извне, а является местным продуктом населения, культурные связи которого указывают на запад, а не на восток. С чем явилась в степи России масса скифов-завоевателей при таком разрешении вопроса остается загадочным и невыясненным. Только анализ предметов вооружения, поделок из металла мог бы нас приблизить к разрешению этого вопроса. Но здесь на пути стоят пока что непреодолимые трудности в отсутствии, с одной стороны, параллельного материала восточного происхождения и в недостаточной исследованности всего Балканского полуострова к югу от Дуная для интересующего нас периода, т.е. эпохи распространения железного оружия. Глубоко печально то, что даже уже сделанные находки этого времени, явившиеся результатом раскопок в Македонии Русского Археологического института в Константинополе, до сих пор не опубликованы и не обследованы. Значительным представляется и то, что и для Южной России в наших руках пока что только односторонний материал больших курганных погребений, где простое и местное заглушено более богатыми продуктами высоких культур Востока и Эллады.

А priori вполне допустимо, что местная керамика, пустившая глубокие корни в население и приспособ-

бывшаяся к местным материалам, воспринята была и массами пришельцев и что уже через несколько десятилетий масса пришлого населения восприняла эти местные продукты, которые могли быть и более богатыми в художественном отношении, чем то, что принесли с собою завоеватели. Самое растворение низов завоевателей в массе покоренного населения также аргюги вполне допустимо и вероятно. Более или менее чистый облик могла сохранить только та управляющая группа, которая стояла во главе пришельцев-завоевателей.

Новый культурный облик, который дают курганы начиная со второй половины III в. до Р. Хр., причем уже раньше, начиная с конца IV в. до Р. Хр., этот новый облик примешивается и к погребениям старого типа, находит себе объяснение, по совокупности наших сведений, в появлении новых последовательных волн иранских завоевателей, постепенно внедрявшихся и вклинившихся в скифскую державу, причем высший класс завоевателей естественно смешивался с высшим классом скифской державы, родственным им по происхождению.

Мы видели, что появление сарматов не было большим походом больших масс, сразу наводнивших степи юга России. Отдельные племена одно за другим постепенно прорывали границы прежнего скифского царства, вряд ли сохранявшего и в III в. свое единство, становились господами положения в этой или другой области, воспринимая исконный уклад ее жизни и продвигаясь дальше на запад под давлением новых подходивших с Востока племен.

Естественно поэтому, что в первое время мы наблюдаем только постепенную примесь новых элементов, особенно там, где местная часть успела более или

менее оправиться и создать известный довольно прочный уклад жизни. Так было, например, по всей вероятности, в Среднем Приднепровье.

По мере распада этого уклада и по мере появления новых, все более сильных племен, встречавших все меньшее сопротивление, целые области меняют в корне свой культурный облик, причем он немедленно подвергается тем же факторам культурного общения и влияния, которые характерны были и для более ранней эпохи.

Определяющим фактором, кроме принесенного с собой культурного уклада, уже бывшего результатом долгой культурной эволюции под сильнейшим влиянием иранских эллинизированных держав, было тесное общение всех господ южнорусских степей с греческим миром через посредство Боспорского царства и других греческих центров Крыма и северного побережья Черного моря. В результате этого общения изменялся принесенный с собою культурный уклад, смягчался быт, приобретался некоторый общий эллинский лак.

Не надо забывать и того, что и связь с Востоком сарматских племён не прерывалась и что оттуда также шло и культурное влияние, и новые волны носителей проникнутой иранским духом культуры.

Все только что отмеченные особенности нашего материала надо иметь в виду при решении задачи выяснить государственную, социальную, экономическую, религиозную физиономию скифской державы и сменивших ее отдельных скифских и сарматских государств. Ясно, что при таком состоянии имеющихся в нашем распоряжении данных речи о сравнительно полной и точной картине быть не может. В наших руках мелкие обрывки предания, которое и в целом виде вряд ли было содержательным. Народы без письмен-

ности местного предания иметь не могли, греки интересовались степями юга России спорадически и отмечали только то, что представляло интерес для них и для их читателей. Археологический материал – без монет и без памятников письменности, притом материал исключительно из погребений – освещает только частично материальный быт одного, как мы видели, класса населения. Иллюстрации к быту и религиозным верованиям, которые давали греческие мастера, хотя и хорошо рисуют быт и нравы своих заказчиков, но все же греки, на заказанных им предметах культа и обихода, конечно, не могут быть одинаково ценными с памятниками письменными (так в тексте.– В. З.). До известной степени они могут быть поставлены в один ряд с свидетельствами греческих писателей, с теми показаниями ольвийцев, которые сохранил нам Геродот, являясь до некоторой степени заменой показаний пантикапейцев о быте и религии скифов – их соседей в IV–III вв. до Р. Хр., но не надо забывать, что читать картины гораздо труднее, чем письменные свидетельства, в понимании которых легче добиться несомненности, что всякая картина содержит гораздо более условностей, чем литературный текст, что толкование классических образов требует знания быта и религии, которые эти образы иллюстрируют, а между тем для нас они являются единственными источниками.

Трудной задачей является и согласование литературных и археологических данных. В рассказе Геродота мы всегда должны считаться с тем, что у него исходит от местных наблюдателей, действительно знавших то, о чем они говорили, что взято из старого уже подвергавшегося неизвестной нам обработке в духе того или другого писателя, даже имя которого нам часто неизвестно, литературного произведения, что, нако-

нец, может быть и вполне достоверно, но не относится ближайшим образом к скифам и скифской державе, включено же в описание Скифии в виду растяжимости самого термина с точки зрения географической и этнографической и стремления Геродота украсить свой рассказ наибольшим количеством экзотических и поражающих воображение читателя эпизодов с примесью любого количества не исторического, а мифографического материала.

Проверить писателей археологическими материалами, подлинность которых несомненна, также представляет нелегкую задачу. Нельзя быть уверенным в том, что отсутствие подтверждения данных писателя археологическим материалом, как это является правилом, с немногими исключениями, для Геродота, является результатом неточности сведений Геродота и неправильности приурочения им той или другой особенности скифам. С таким же правом можно думать о неполноте нашего археологического материала, отсутствии достаточно точных наблюдений при расследовании курганов, недостаточно полном расследовании каждого отдельного кургана. Особенно разительно несоответствие детального описания Геродота, относящегося к погребальному обряду, с тем, что является результатом раскопок, направленных исключительно на погребальные сооружения. К этому несоответствию нам придется еще вернуться.

Не приходится ждать авторитетной поддержки и от лингвистики. На каком языке говорили скифы, мы не знаем. Утверждение Геродота, что скифы и савроматы говорили на одном языке, а именно савроматы на испорченном скифском, вряд ли может быть в основе своей заподозрено. Но насколько точно это наблюдение – это трудный вопрос. Дело могло идти о тех

савроматах, которые подверглись сильному скифскому влиянию и усвоили себе и язык скифов. Кроме того, как мы видели, самый вопрос о том, в какой мере может считаться установленным тождество савроматов и сарматов, вопрос трудный и спорный. Вполне возможно, что савроматы ничего общего с позднейшими сарматами не имеют.

В таком случае никаких выводов о родстве скифского языка и языка аланов, сохранившегося до известной степени в языке осетинов, сделать нельзя и приходится оперировать с весьма вероятным, – но лингвистически недоказуемым иранским происхождением скифов. Говорю лингвистически недоказуемым потому, что строить какое бы то ни было заключение на основе единичных слов, сохранных нам греческими писателями, из которых большинство имена божеств и личные имена, с методологической точки зрения недопустимо.

При таких условиях очерк государственности, религии и культуры скифов и сарматов по необходимости будет необычайно фрагментарным и в значительной части своей гипотетическим. Нельзя здесь дойти даже до той стадии, которая возможна при восстановлении быта и государственности Боспорского царства, как ни проблематична и неполна и эта последняя картина, речь о которой будет в следующей главе.⁸

⁸ Глава VI: «Государство и культура Боспорского царства».

СКИФЫ

1. Государство, социальный и экономический строй.⁹

Предыдущее историческое изложение судеб скифского государства показало, что мы имеем дело на протяжении, вероятно, части VI в. до Р. Хр., всего V в. и, возможно, IV с частью третьего, с большой политической единицей, выступающей по отношению к внешнему миру, насколько мы можем судить, по редким и случайным сведениям, как одно политическое целое. Имеем ли мы дело здесь с постоянным и длительным явлением или с повторным объединением ряда областей под единой властью и названием, не распадением государства на составные части, об этом мы точных и определенных свидетельств не имеем. Геродот знал единую скифскую державу, в сведениях об Атее мы встречаемся с таковым же, наконец, Скилу-ровская держава, хотя и ограничена в своих пределах, но тем не менее дает тот же облик единого государства.

Наряду с этим Фукидид говорит о силе и могуществе скифов, но упоминает о их разъединении. Относится ли это к скифскому царству на юге России или к совокупности скифов азиатских и европейских, сказать трудно. Естественнее думать о втором, так как для времени более раннего, чем Фукидид, Геродот рисует нам скифскую державу как единое целое, и на основании его свидетельств мы можем далее восстановить целый ряд имен царей одной династии.

Сведения о великом Скифском царстве, его государственной, социальной и экономической структуре

⁹ Наличие литеры указывает на то, что пятая глава композиционно была задумана М. И. Ростовцевым по следующему плану: введение с анализом источников, далее часть А, посвященная изложению взглядов на скифов (государственный, социальный и экономический строй – пункт 1; культура скифов – пункт 2) и часть В, посвященная сарматам, которая скомпонована по аналогии с частью А.

мы находим почти исключительно у Геродота, как в тех частях, где он говорит о Скифии вообще, так и в рассказе о походе Дария. Согласие этих двух частей повествования Геродота говорит за достоверность его сообщений. Вообще в вопросах о государственном строе Геродот, очевидно, руководствовался сведениями, полученными им или его источником от ольвийцев. Сведения эти до известной степени подтверждаются и археологическими данными.

Сообщения Геродота не раз пересказывались современными авторами, но мне кажется, что выводы их не были сделаны полностью.

Вопрос о границах Скифии, т.е. о пределах власти скифских царей, вряд ли может быть разрешен с точностью. Он, конечно, не совпадает с вопросом о величине той области, которую заселяли скифы. Подчинение и зависимость тех или других местностей могли не сопровождаться поселением на этой местности значительных масс скифов. Примером к тому может служить татарское владычество в России. Всем известно, в какой мере противоречивы и спорны обе географические характеристики, которые дает Геродот Скифии (IV, 99-101 и 16-20), и как трудно здесь прийти к каким-либо определенным выводам. Характеристики исходят явно из разных источников и преследуют разные цели: гл. 16-20 отражают горизонт ольвийцев, 99-101 характеризуют Скифию красками историка похода Дария. Точных границ ни там, ни здесь не указано. Во всяком случае ясно, что побережье Черного моря от Днестра до Дона в их руках.

Возможно ли в критике сведений Геродота опираться на данные археологического исследования – это вопрос трудный. Мне кажется, однако, что сфера распространения курганных погребений с вещами,

где смешиваются элементы иранской восточной культуры с греческими и местными, при том постоянстве, которым в общем отмечается, несмотря на разнообразие во времени и мест скифский тип курганного погребения, может считаться и сферой государства скифов, как руководящего государственного элемента. Одним культурным влиянием этого постоянства не объяснишь.

Если это так, то в рамки древнейшего скифского царства придется включить не только значительную часть Прикубанья с зависимостью от него Тамани и племен по Азовскому морю, но. и всю Киевщину и Полтавщину. И то, и другое характеристика Геродота как будто исключает: для него (IV, 100) границей на востоке является Дон, в Киевщине и Полтавщине живут как будто Невры и Будины. Еще труднее вопрос о дальнейшем распространении скифской державы на запад.

К сожалению, ни в Добрудже, ни в Венгрии исследование погребений скифского типа не произведено с такою детальностью, чтобы можно было говорить о дате этих погребений с такою же точностью, как о датах погребений Прикубанья и Приднепровья. Приходится поэтому довольствоваться теми гипотетическими выводами, которые были даны в изложении политической истории Скифии.

Там же указаны и разобраны те свидетельства, которые позволяют утверждать, что уже древние и даже один из источников Геродота знал о господстве скифов на Северном Кавказе. Отрицание этого Геродотом является результатом узкого кругозора и недостаточной осведомленности о скифской державе ольвийцев. Во всяком случае, можно утверждать одно, что постоянных и прочных границ скифская держава не име-

ла, причем вполне вероятно постепенное расщепление этой державы и выделение из нее отдельных самостоятельных скифских же государств на Востоке и на Западе. Центром главной державы всегда оставались области по Днепру, причем в IV–III вв. до Р. Хр. главной цитаделью скифской мощи были степи на восток и частью на запад от Днепра. За это, по крайней мере, говорят археологические данные.

Обстояло ли дело так и в эпоху Геродота, до сих пор с точностью установить нельзя, пока не найден тот некрополь скифских царей, о котором говорит Геродот, если только сведения его достоверны и такой некрополь VI и V вв. до Р. Хр. действительно существовал.

Весьма вероятной представляется та характеристика, которую дает Геродот государственной структуре скифской державы. Повторное указание его на деление царства на три части, на три ἀρχαί или три отдельных царства, которые, однако, находятся под властью одного царя, уже в силу повторения этих указаний, по всей видимости, соответствуют действительности, во всяком случае, V в. до Р. Хр.

Об этом же тройном делении мы слышим прежде всего в обоих мифах о происхождении скифского царства: и там, где сообщается местная легенда о трех сыновьях Таргитая, от которых произошли три части скифского племени: авхаты, катиары или трапии и паралаты (IV, 6), причем, однако, во главе всех трех стоит один верховный царь¹⁰: «...Старшие братья, поняв значение этого чуда, передали младшему все царство. И вот от Липоксая-де произошли те Скифы, которые носят название рода Авхатов, от среднего брата Арпоксая – те, что называются Катиарами и

¹⁰ Греческие тексты, которые приводит М. И. Ростовцев, заменены здесь переводом из издания В. В. Латышева «Scythica et Caucasica. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе» (Т. I. СПб., 1893; далее – SC).

Траспиями, а от младшего, царя, – те, что называются Паралатами; общее же название всех их – Сколоты, по имени одного царя». Ср. 7: «...Так как страна была обширна, то Колаксай разделил ее на три царства для своих сыновей и одно из них сделал гораздо больше других; в нем-то и сохраняется золото» (SC. I. С. 12), и там, где сообщается греческая версия той же легенды о происхождении трех царей от Геракла, причем верховные цари Скифии произошли от одного из трех – Скифа. IV, 10: «От этого-то Гераклова сына Скифа и произошли-де всегдашние скифские цари» (SC. I. С. 14). Это же предполагает и рассказ о походе Дария – IV, 120: «К одной из этих частей, во главе которой стал царь Скопасис, должны были присоединиться Савроматы, а две *другие части* царских скифов – большая под начальством Идантиса и третья, подчиненная Таксакису...». Ср. IV, 136 (SC. I. С. 47). При этом, однако весь λόγος Геродота о Скифии, включая и рассказ о походе Дария предполагает единство царя – см. IV, 68: «В случае болезни царь скифский...»; IV, 69: «Царь..., которых он казнит...»; IV, 77: «Анахарсис был послан... скифским царем...» (SC. I. С. 29, 33).

Наконец, то же деление царства на три части, несомненно, подразумевается и в характеристике административного строя государства, где эти части называются ἀρχαί (см. IV, 62).

Гораздо труднее локализовать каждую из трех частей. Попытка Гутшмита (KI. Schr. III, 429)¹¹, исходящая из локализации Плинием (IV, 88) явхатов или аухатов на верхнем течении Буга, вряд ли может считаться разрешающей вопрос, так как с данными Плиния оперировать очень трудно.

Нелегко примирить эту локализацию и с локали-

¹¹ М.И. Ростовцев имеет в виду следующую работу: Gutschmid A. von. Kleine Schriften. Bd. III. Lpz, 1892.

зацией трех царств эпохи Дария, для которой некоторые данные имеются у Геродота. Представление о господстве одной части скифов над всеми остальными определенно проводится Геродотом и в его характеристике царских скифов – IV, 20: «По ту сторону Герра находятся так называемые царские владения и живут самые лучшие и многочисленные Скифы, считающие прочих Скифов своими рабами» (SC. I. С. 16).

Местоположение этих βασιλῆα, как сказано, до сих пор не установлено, но общая локализация упомянутого средоточия скифской военной мощи в степях к востоку от нижнего течения Днепра весьма вероятна.

Организация и характер царства довольно реально выделяются из некоторых отдельных замечаний Геродота, подлинность которых не подлежит сомнению. Характерно прежде всего, что Геродот не решается высказаться о числе скифов – IV, 81: «Численности Скифов мне не удалось узнать в точности; я слышал различные мнения об их числе: одно что они очень многочисленны, другое – что собственно Скифов мало» (SC. I. С. 35). Так как Геродот, очевидно, под общим понятием скифов разумеет все население скифской державы, следуя в этом, очевидно, общему представлению того времени, с другой же стороны, организация правящего класса выделяла его в особую группу, в которой племенные особенности скифов сохранились с особой силой, то и получается колебание и двойственность.

Между тем из дальнейших замечаний Геродота вытекает с полной ясностью, что государственная организация скифов предполагает существование особого военного класса населения, т.е. особой военно-организованной аристократии, тесно связанной со всем административным строем государства. Извест-

но свидетельство Геродота о делении «государства на ἀρχαί, каждой» ἀρχή на номы с центральным святилищем Ареяв каждом номе – IV, 62: «...в каждой области по околоткам построены у них следующие святилища Арея...» (SC. I. С. 26). Уже это святилище Арея предполагает чисто военную организацию указанных делений. Это подтверждается и дальнейшей характеристикой некоторых обычаев скифов. Так, в главе 64 говорится: «по получении добычи только тем, кто приносил голову убитого врага» (так в тексте.– В. 3.). Еще характернее глава 66: «Ежегодно по разу каждый начальник в своей области приготовляет чашу вина, из которой пьют те Скифы, которые умертвили врагов; те, которым не удалось этого сделать, не вкушают этого вина и, как обесчещенные, садятся отдельно; это для них величайший позор. Напротив, те из них, которым удалось убить очень много врагов, получают по две чаши и пьют из обеих разом» (SC. I. С. 28). Наконец, в главе 70 характеризуется обычай братания ὄρια, засвидетельствованный, как мы видели и археологически. Обычай состоял в питье из одного сосуда (как показывают изображения – ритона) вина, смешанного с кровью, – IV, 70: «По совершении этого обряда, – заканчивает Геродот, – они долго молятся, а затем пьют смесь как сами договаривающиеся, так и достойные из присутствующих» (SC. I. С. 30).

Присматриваясь к последнему тексту, мы видим, что обычай братания соединял между собою отдельных вождей, стоявших во главе целой дружины οἱ ἐλόμῃνοι, из которой выделялись οἱ πλείστον ἀξιοί.

Такая же дружина, большего масштаба, группировалась и около царя. В рассказе о похоронах царя речь идет об умерщвлении θεράποντες во время погребения и через год после него. Понятие θεράποντες; Геродот

определил в гл. 72: «Они природные Скифы, так как царю служат те, которым он сам прикажет, а покупных рабов у них вовсе нет» (SC. I. С. 20), причем дальше определяются некоторые специальные должности этих приближенных и слуг царя: οἰνοχόος (виночерпий), μάγειρος (повар), ἵπποκόμος (конюх), διήνοος (слуга), ἀγγελιφόρος (вестник). Очевидно, это ближайшая свита царя избиралась из его дружины...

Картина, рисуемая нам на основании этих разрозненных и случайных свидетельств, прежде всего укладывается в представление о государстве, организованном на чисто военный лад. Господствующим классом являются организованные в дружину скифские завоеватели, группирующиеся около отдельных представителей знати в мелкие дружины, которые в свою очередь соединяются в группы по номам и по ἀρχαί и руководятся в больших предприятиях главным царем, по указанию которого действуют монархи и правители трех частей царства. Такой характер организации государства совместим и с земледельческим, и со скотоводческим бытом подвластного населения. Роль господ сводится к собиранию дани, подавлению восстаний, борьбе с соседними племенами и организации отпора от нападений извне. Он напоминает, также только в общих чертах, известных нам, организацию отдельных, сменивших скифскую, кочевых держав, особенно наиболее прочных из них – державы хазар и татарской Золотой Орды. К такому строю государства вполне подходит и картина, даваемая археологическим исследованием. Наряду с роскошными царскими погребениями мы имеем, особенно в Киевщине, Полтавщине и около Воронежа, целые серии погребений вооруженных с ног до головы конных лучников, достаточно богатых, чтобы иметь возможность

соорудить себе монументальную гробницу под курганом и унести с собою в могилу и полное вооружение, и ряд драгоценностей.

Социальный и экономический уклад царства, конечно, не во всех частях государства был одинаков. Но не подлежит никакому сомнению, что значительная часть царства жила земледельческим укладом. Для Прикубанья это вероятно, но не несомненно; точно засвидетельствован земледельческий уклад для всего правобережного Приднепровья, включая, может быть и левый берег реки в пределах Днепровской дельты.

Надо отметить, что греки, а может быть и сами скифы, смотрели на государство скифское как на населенное в значительной степени земледельцами. Это определено сказывается в легенде о происхождении скифов, о которой уже была речь, а именно в первой, по утверждению Геродота, местной версии.

Решающую роль в этой легенде играют золотые эмблемы царской власти, упавшие с неба, – IV, 5: «...упали-де с неба на скифскую землю золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша» (SC. I. С. 12).

Уже Гутшмид (K1. Schg. III, 429) указывал на то, что в этих эмблемах проявляется двойственность состава населения, состоявшее из земледельцев и воинов. Не знаю, в какой мере эта часть легенды передает подлинное скифское сказание и в какой мере, если она подлинно скифская, она местного происхождения, а не принесена с собой скифами со своей иранской родины. Но несомненно, что легенда эта не расходилась с представлением греков о скифской державе.

То же представление греков о скифах на юге России подтверждает и отрывок из Арриана, где говорится: «...они прежде питались хлебом и занимались земледелием, жили в домах и имели города, но после

нанесенного им Фракийцами поражения изменили прежний образ жизни...», – и поклялись жить кочевой жизнью, – «...И вот с этого-то времени они из земледельцев сделали кочевниками...» (SC. I. С. 201).

Наряду с этим, однако, прочно установившееся убеждение греков в том, что скифы ведут кочевой образ жизни, убеждение, которое мы находим и у Геродота и которое сделалось общим местом, начиная с Эфора, несомненно, также правильно и подлинно характеризует образ жизни в некоторых частях скифской державы.

В достаточной мере известно, что Геродот делит скифов на скифов-земледельцев и скифов-кочевников. Первые живут в ближайшем соседстве с Ольвией – это каллипиды – «Ἐλλήνες Σκύθαι и Ἀλιζῶνες «Эти последние, как и Каллипиды, – говорит Геродот в IV, 17, – в прочих отношениях живут одинаково со Скифами, но сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо. Выше Алазонов живут Скифы-пахари, которые сеют хлеб не для собственного употребления в пищу, а на продажу». (SC. I. С. 16). Выше их живут Невры. То же на левом берегу Днепра, где к северу от Гилеи живут Σκύθαι γεωργοί (земледельцы) на три дня пути на восток до Пантикапа. То же представление мы находим и в IV, 53, где дается характеристика Борисфена, его богатства рыбой и плодородия его берегов: «... вдоль него тянется превосходная пахотная земля или растет очень высокая трава там, где почва не засеивается» (SC. I. С. 24). Согласно этому месту, скифы-земледельцы живут по Днепру на десять дней пути. Толкование этих данных Геродота, помимо разных географических контроверс, которых мы здесь не касаемся и которые вряд ли могут быть удовлетворительно разрешены, пред-

ставляет много трудностей. Археологическое исследование дельты Днепра и Буга показало, что по всей дельте разбросаны небольшие укрепленные поселения, некрополи которых датируются временем от VI в. до Р. Хр. и вплоть до римского времени. Некрополи эти, как указано было выше, носят смешанный характер: погребения частью дают обычные и для ольвийского некрополя типы, частью носят характер курганных погребений с деревянными сооружениями шатрового типа. Инвентарь этих последних почти не дает вещей восточного происхождения и представляет смесь греческого импорта и местных продуктов.

Поселения у устьев Днепра и Буга в этом отношении разнятся от старейших погребений Киевщины и Полтавщины только тем, что в последних отсутствуют погребения греческого типа и в погребениях местных греческие вещи более редки. Но там, в Киевщине и Полтавщине, как и в Подолии, некрополи связаны с городищами, правда, иного характера и гораздо более крупных размеров. Весьма вероятно поэтому, что скифами население земледельческих местностей по течению Днепра названо только постольку, поскольку эти местности принадлежали к скифской державе и господствующие классы либо состояли из подлинных скифов, усвоивших себе в известной мере уклад местной жизни и местную культуру, либо принадлежа к местному населению, усвоили себе до некоторой степени скифский уклад жизни, то есть слились со скифской аристократией.

Почему, однако, при этих условиях Геродот тем не менее называет жителей нижнего течения Днепра скифами, а племена за порогами выделяет, определенно указывая на их нескифское происхождение, не смотря на то, что в них элементов восточного уклада,

как доказывает археологическое расследование, больше, – остается непонятным. Возможно, что ольвийцы, имевшие дело со скифами, своими ближайшими соседями, называли а ргіогі и все население скифским, между тем как более отдаленные и менее им знакомые племена выше по Днепру сохраняли для них свою национальную индивидуальность.

Характерно, однако, что и здесь, как показывают погребения, высший класс населения состоял из вооруженных конных рыцарей, по всей вероятности входивших в состав управляющей государством военной касты. Племенной ее состав мог быть, конечно, и не чисто скифским.

Земледелие, однако, вряд ли было господствующим занятием приднепровского населения. Геродот определенно говорит о части скифов-земледельцев, которые сами живут скотоводческим укладом, а хлеб производят только для продажи, а не для потребления себе. Это очень характерно для определения влияния, которое оказывала Ольвия с ее хлебным экспортом на местное население, и позволяет думать, что часть населения Приднепровья была действительно скифами-кочевниками, воспринимавшими от местного населения и греков новые навыки земледельческого быта. При этом предположении еще более понятным будет определение всего населения Геродотом как скифов.

Интересно, что Геродот отмечает чисто земледельческий образ жизни для гелонов, которых греки смешивали с будинами, – IV, 109: «...а Гелоны, напротив, занимаются земледелием, питаются хлебом, имеют сады и нисколько не похожи на Будинов ни сложением, ни цветом кожи. У эллинов, правда, и Будины называются Гелонами, но это неправильно» (SC. I. С. 42).

Содержание

Русская античность М.И. Ростовцева (Вместо предисловия)	3
Краткий обзор трудов М.И. Ростовцева по иранистике	14
Письменная литература.	14
Археологические источники (Труды по археологии)	39
М.И. Ростовцев об этногенезе иранских народов	56
Штрихи к политической истории скифов и сарматов.....	68
Доиранский и догреческий юг России.....	68
Скифы	71
Сарматы	80
Государственный строй и социальные отношения....	85
М.И. Ростовцев о быте и культуре иранских народов	96
Вопросы быта.....	96
Религиозные воззрения и свидетельства артефактов из курганов.....	98
Перемены в культуре.....	108
«Звериный стиль».....	113
М.И. Ростовцев о степени иранизации греческого мира Причерноморья	118
Заключение	133
Литература	137
Принятые сокращения.....	143
Приложение.....	144

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

ЧИБИРОВ АЛЕКСЕЙ ЛЮДВИГОВИЧ

**ИРАНСТВО
КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ**

Корректор *И.Г. Дзуцева*
Тех. редактор *Е.Н. Маслов*
Оформление обложки *Д.А. Джиоева*
Компьютерная верстка *Д.А. Джиоева*

Подписано в печать 30.11.2016. Формат 60×84^{1/16}.
Усл. печ. лист.10,5. Гарнитура BookOld Style.
Бумага 65 гр. Печать цифровая.
Тираж 300 экз. Заказ №209.

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3